

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. Г. ИБРАГИМОВА

А.Я. Хусаинова

**ТАТАРСКИЕ ГОВОРЫ
ОРЕНБУРЖЬЯ**

Лексико-семантический аспект

Казань
2017

УДК 811.512.145'282.2
ББК 81.2Тат-67
Х98

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор Д.Б. Рамазанова

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор (БГПУ им. М. Акмуллы)

И.С. Насипов,

кандидат филологических наук (ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ)

М.Р. Булатова

Хусаинова А.Я.

Х98 Татарские говоры Оренбуржья: лексико-семантический
аспект / А.Я. Хусаинова. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 188 с.
ISBN 978-5-93091-234-0

Монография посвящена комплексному исследованию лексики татарских говоров Оренбуржья как системы: лексемы детально исследованы в рамках тематических групп, в семантическом, номинативном, сравнительно-историческом, лингвогеографическом и др. аспектах. Впервые затронут вопрос о семантическом развитии лексики переселенческих говоров.

Предназначена для специалистов по языкознанию, диалектологии, лексикологии, аспирантов, преподавателей, студентов филологических факультетов.

УДК 811.512.145'282.2
ББК 81.2Тат-67

ISBN 978-5-93091-234-0

© Хусаинова А.Я., 2017;

© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование лексики диалектов дает надежный и объективный материал для решения вопросов различных направлений языкознания: исторической лексикологии, исторической диалектологии. Изучение лексики определенного диалекта либо ареала в составе общего пространства того или иного языка позволяет ввести в науку данные ареалогического характера, которые способствуют более полному изучению словарного состава языка или диалекта как целостной системы.

С середины 80-х годов направлением научной деятельности татарских диалектологов стала региональная лексикология. Одним из ведущих методов является изучение диалектной лексики в этнолингвистическом аспекте и по лексико-семантическим полям.

Общее понятие о лексико-семантической системе дается В.В. Виноградовым, как о группировке слов большими кучками вокруг основных центров значений... [Виноградов, 1947: 15]. По определению Ф.П. Филина, «лексико-семантические группы представляют собой объединение двух, нескольких и многих слов по их лексическим значениям» [Филин, 1982: 230].

Исследования показали, что история формирования разных лексико-семантических полей проходила несколько своеобразно, причем своеобразие может проявиться и на уровне подгрупп полей.

Лексико-семантическая система диалектной лексики татарского языка систематизируется и характеризуется в лексикологическом, семасиологическом аспектах. Проводится большая работа по инвентаризации богатого словарного материала по слоям, что позволяет реализовать системный подход в изучении диалектной лексики татарского языка [Шайхулов, 2000].

В свете вышеизложенного выясняется, что системное изучение лексики татарских говоров Оренбуржья до сих пор не являлось объектом специального исследования. Настоящая монография посвящена изучению лексического состава говоров татар Оренбургской области как система, также и в сравнительном аспекте с другими говорами татарского диалектного языка. Названный ареал имеет специфику в том плане, что татарские говоры Оренбуржья сформировались в результате переселения татар из центральных областей России. Актуальность изучения лексики переселенческих говоров и происходящих в них изменений заключается в возможности исследовать закономерности формирования новой лексико-семантической системы определенного ареала, закономерности изменения семантики слова в условиях взаимовлияния и взаимодействия говоров, принадлежащих к разным диалектам.

Нельзя не учитывать и то, что изучение говоров того или иного языка, особенно говоров, которые развиваются в иноязычном окружении и изолированы от основной массы носителя данного языка, имеет как научное, так и практическое значение. В таких говорах продолжают сохраняться древние, реликтовые явления; отдельные особенности могут получить своеобразное развитие; могут появиться локальные новообразования [Рамазанова, 1996: 3].

Лексическая система отдельных языков, отдельных диалектов или определенных ареалов диалектного языка давно привлекает внимание ученых. Огромную работу по изучению диалектов и разработке научно-теоретических положений диалектологической науки проделали такие отечественные тюркологи, как: В.В. Радлов, Н.А. Баскаков, Н.К. Дмитриев, Э.Р. Тенишев, С.Е. Малов, К.М. Мусаев, А.Н. Кононов, Р.И. Аванесов, А.М. Щербак, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, О.Н. Мудрак, А.А. Юлдашев и др.

Общеизвестно, что «для ведения разработок проблемного характера в языкознании необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов...» [Щербак, 1966: 23]. В последние десятилетия наблюдаются новые подходы в изучении лексики как литературного, так и диалектного языков.

Лексика татарского диалектного языка в той или иной мере освещена в диссертационных и некоторых других исследо-

ваниях: лексическая система западного диалекта – Р.Р. Мингулова (1962), Л.Ш. Арсланов (1965), Л.Т. Махмутова (1979), Т.Х. Хайрутдинова (1985), Д.Б. Рамазанов (1991, 1999), Ф.С. Баязитова (2003), А.Г. Казиханова (2011), Г.Х. Хайбуллина (2013), лексика среднего диалекта – Н.Б. Бурганова (1976), Ф.С. Баязитова (1984), З.Р. Садыкова (1985), Д.Б. Рамазанова (1987, 2013, 2014), Ф.Ю. Юсупов (2006), Г.Ф. Мухаметова (2006), М.Р. Булатова (2012), лексика сибирских диалектов – А.Р. Рахимова (1991, 1999, 2001), Д.Г. Тумашева (1992), Х.Ч. Алишина (1994), Д.Г. Тумашева, А.Х. Насибуллина (2000), Р.С. Барсукова (2002) и др. В них представлены ареальная, сравнительно-историческая и генетическая характеристики и отдельных лексем.

Лексика диалектов частично отражена в обобщающих монографических трудах, в которых рассматривались лексико-тематические группы диалектной лексики татарского языка: обрядовая терминология [Баязитова, 1992; 1995; 2001–2003; 2006; 2008–2013 и др.]; термины родства, названия одежды и украшений, соматизмы [Рамазанова, 1991; 2001; 2002; 2010; 2013 и др.]; названия животных, домашних построек, инвентаря [Садыкова, 1994; 2003]; названия пищи, утвари, растений [Хайрутдинова, 1993; 2000; 2004] и др. В этих работах лексика говоров рассматривалась не только по тематическим группам, но также и изучалась в сравнении с лексикой литературного языка, рассматривался и генетический состав. В последние годы под руководством Р.Р. Замалетдинова активно исследовалась лексика в лингвокультурологическом аспекте [А.Ш. Василова, Ф.Х. Габдрахманова, Г.Р. Галиуллина, Р.Р. Данилова, Э.Н. Денмухаметова, Р.Р. Закирова, Р.Р. Замалетдинов, Г.Ф. Замалетдинова, З.А. Мотыгуллина, Р.С. Нурмухаметова, Ф.Р. Сибгаева, Г.К. Хадиева, А.Ш. Юсупова и др.].

Вместе с тем необходимо констатировать, что изучение лексики живых народных говоров постоянно остается актуальным. Одной из важнейших задач диалектной лексикологии является способствование решению вопросов истории, теории и практики развития и обогащения языков. С этой точки зрения изучение лексической системы определенных ареалов распространения диалектного языка продолжает оставаться одним из ведущих аспектов изучения диалектной лексики.

В науке о диалектах сформировались различные подходы к изучению диалектной лексики. Учитывая, что именно является объектом исследования, выделяются два основных направления: изучение лексических единиц диалекта в сопоставлении с лексикой литературного языка; исследование лексики диалекта или говора, либо группы говоров как лексико-семантическая система в целом.

Соответственно, необходимо отметить, что объектом изучения могут быть обозначены лексика диалекта, лексическая система диалекта или отдельная лексико-семантическая и тематическая группа.

Лексический аспект в исследовании предполагает анализ и классификацию слов с учетом признаков внешнего характера, связанных с социальными и историческими особенностями. Базовой проблемой в данном подходе является структурирование лексики в систему, выявление таких пластов лексики, разделяющихся по традиционным признакам: исконное – заимствованное, актуальное – устаревшее, общеупотребительное – ограниченное в употреблении, общеизвестное – диалектное.

Семантический подход к исследованию лексического состава диалекта позволяет выделить, например, синонимические, паронимические, антонимические отношения, лексическое варьирование, семантическую деривацию и др.

Изучение словарного состава диалекта в типологическом плане заключается в сопоставлении лексики разных диалектов, лексики литературного языка и диалекта, лексики разных диалектов на разных аспектах: на уровне отдельных лексем, на уровне моделей словосочетания и словообразования, на уровне семантических моделей и в целом, на уровне полной системы. При осуществлении этого подхода решаются также другие проблемы: выявление различного и общего в лексике диалектов; систематизация групп диалектов и т.д.

Таким образом, исследование лексики диалектов может реализовываться в различных аспектах. В результате такого подхода могут быть решены различные проблемы в области общей и региональной лексикологии, например, вопрос частности и тождества слова, вопрос синонимии и вариантности, вопрос комплексной организации лексики и т.д.

Несмотря на имеющиеся работы, в которых исследуется лексика татарских диалектов, тема не может считаться полностью за-

крытой, поскольку объект исследования представляет собой многоплановый и объемный источник, также разнообразны подходы в решении возникающих проблем. Актуальным является комплексное изучение лексики татарских говоров Оренбуржья как системы, отражающей языковую картину, мировоззрение носителей данных говоров, в сравнительно-историческом, семантическом, номинативном и других аспектах.

В данной монографии исследована диалектная лексическая система татарских говоров Оренбуржья в семантическом, номинативном, сравнительно-историческом и этнокультурном аспектах.

Схема системной характеристики апеллятивных единиц исследуемого ареала в рамках рассматриваемых лексико-семантических групп представлена нами в работе в следующей логической последовательности: «Человек», «Живая и неживая природа», «Материальная культура», «Духовная культура».

Впервые предпринято комплексное исследование лексики татарских говоров Оренбуржья как системы: лексемы детально исследованы в рамках тематических групп, в семантическом, номинативном, сравнительно-историческом, лингвогеографическом и др. аспектах. Впервые затронут вопрос о семантическом развитии лексики переселенческих говоров.

Источниками исследования являются материалы лексикологических экспедиций и записей автора во время полевых наблюдений, проведенных в Шарлыкский, Соль-Илецкий районы Оренбургской области (2012), Мамадышский район Республики Татарстан (материнские говоры) (2013), и совместно с профессором Д.Б. Рамазановой в Пономаревский, Сорочинский, Александровский, Шарлыкский, Сакмарский, районы Оренбургской области (2014). (Список информантов см. в Приложении № 1); лексикографические труды, содержащие диалектную лексику: «Диалектологик сүзлек» (1948, 1953, 1958), «Татар теленең диалектологик сүзлеге» (1969, 1993), «Татар теленең зур диалектологик сүзлеге» (2009); «Татар халык сөйләшләре» (2008, в 2 книгах), «Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка» (2005, в 2 частях), этимологические словари, сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (1997, 2002, 2006), письменные источники – труды историко-этнографического характера, посвященные жизни, трудовой деятельности, культуре носителей изучаемых говоров.

Авторская картотека включает свыше 2000 единиц диалектной лексики татарских говоров Оренбуржья. В ходе экспедиций сделаны записи не только языкового, но также и этнографического, фольклорного характера, примеры которых приведены в приложениях (см. Приложения № 2, № 3).

Сравнительные материалы из других тюркских языков и диалектов почерпнуты из общетюркологических исследований, диалектологических, толковых, этимологических, двуязычных и других словарей конкретных языков.

Исследование вносит определенный вклад в методику описания лексико-тематических и лексико-семантических групп диалектных названий, также и в изучение лексики говоров татарского языка. Предпринятое исследование затрагивает важные вопросы восстановления языковой картины мира диалектоносителей, вопросы этнолингвистики. Полученные в результате исследования итоги могут быть использованы в сопоставительном аспекте с наблюдениями над словарным составом других говоров или диалектов.

Глава 1

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

1.1. Из истории заселения Оренбуржья татарами

Оренбургская область расположена на юге Урала по среднему течению р. Урал. Она соседствует на севере с Республикой Татарстан, на северо-востоке – с Республикой Башкортостан и Челябинской областью, на востоке и юге – с Казахстаном, на западе – с Самарской и Саратовской областями.

В Оренбургской области проживают русские, украинцы, татары, башкиры, казахи, мордва, чуваша, немцы и представители других национальностей. Татарское население области занимает по численности третье место после русских и украинцев.

С конца XVI в. Заволжские степи, включая и территорию Оренбургской области, вошли в состав Русского государства. В XVII – начале XVIII в. Заволжские степи именовались «диким полем», «дикой степью», так как они еще не возделывались. Основным населением «дикого поля» были кочевники башкиры (главным образом в бассейнах Сакмары и Тока), казахи (кочевавшие по левобережью Яика) и калмыки (кочевья которых начинались южнее Самары) [Попов, 1969: 76].

После постройки в 1652–1657 гг. Закамской укрепленной линии усиливается приток населения в пределы Закамья и в Башкирию. Заволжские и Закамские степи быстро заселяются русскими крестьянами, а также мари, мордвой, чувашами и татарами [Попов, 1982: 175].

С целью охраны новых поселений от набегов кочевников и для укрепления границ Русского государства, в 1732 г. правительство приступает к строительству Новой Закамской линии в глубине «диких степей» Заволжья и Закамья. Она проходила несколько западнее Бузулукского и Бугурусланского районов нынешней Оренбургской области и кончалась в пределах Республики Татарстан. С основанием в 1735 г. города Оренбурга и небольших крепостей по рекам Самаре и Яику Новая Закамская линия потеряла свое военное значение.

Как свидетельствуют исторические источники и архивные документы, массовое (государственное) переселение татарского населения на территорию Оренбургской области началось во второй четверти XVIII века. Процесс переселения был обусловлен расширением юго-восточных границ русского государства и необходимостью их защиты.

Для прикрытия территории от набега кочевников в 30–40-х гг. XVIII века по берегам Яика, Самары и Сакмары была создана Оренбургская военная пограничная линия. На ее строительство «были направлены тептяри и бобыли из Уфимского уезда». На Оренбургскую линию переселены также 400 казанских, 500 ясачных татар, 500 мещеряков [Садыкова, 1985: 5].

Для укрепления юго-восточных границ империи и с целью открытия широкой торговли с Казахстаном, Средней Азией и Индией в 1753 г. на месте современного города Орска был заложен город-крепость Оренбург. На его строительство привлечены тептяри и бобыли из уфимского и казанского гарнизонов. Дорога, соединявшая Оренбург с центром России, была названа «Московской дорогой».

В 1741 г. Оренбург был заложен вторично по р. Яик на урочище Красная гора, а в 1743 г. перенесен на современное место. В 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния. В ее состав входили современная территория Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областей и часть Казахстана.

После создания губернии русское правительство предприняло некоторые меры по заселению края. Так, с целью развития торговых отношений с Казахстаном и Средней Азией, в этом же году неподалеку от Оренбурга на реке Сакмаре были поселены торговые татары из Казанской губернии, основавшие Сеитовскую или Каргалинскую слободу. В Сеитовской слободе, как показывает перепись 1747 г., поселилось 173 семьи, насчитывавшей в общей сложности 996 душ мужского пола. Материалы переписи содержат сведения о том, откуда переселились эти крестьяне. В 1744 году казанский торговый татарин Сеит Аитов Халялин получает разрешение основать селение на реке Сакмаре в восемнадцати верстах от Оренбурга. В 1745 году образовалась Сеитовская слобода (Сэет бистәсе) от имени ее основателя Сеита Халялина. Благодаря названию реки эта слобода получила официальное имя Каргалы

(ныне – Татар Каргалысы – Татарская Каргала). Материалы переписи населения (1747) свидетельствуют, что большинство переселенцев являются татарами из бывшего Казанского уезда Арской, Зюрейской, Алатской и Ногайской дорог (деревни Маметова Пустошь, Малые Сабы, Богатые Сабы, Буранчи, Усюли, Старые Сабы, Адаево, Атлашево, Кумбабыш, Бубый, и др. ныне территории современного Сабинского, Мамадышского, Кукморского, Дубязского и Лаишевского районов), но были также и выходцы и из Симбирского, Свияжского и Уфимского уездов.

В 1743–1744 годах Оренбург был соединен с центром России через Казань почтовым трактом, называемым «Новомосковской дорогой», или «Большой Московской дорогой». На всем протяжении Оренбургского почтового тракта были созданы «ямские слободы», которые заселялись татарами из разных уездов бывшей Казанской губернии. Так, в 1743–1744 годах образовались населенные пункты Старые Шалты, Тирес-Усманово, Старое Якупово, Старокуллумбетьево, Наурузово и др. Здесь также деревнями селились русские и нерусские крестьяне, «не помнящие родства и помещиков» (в числе 586 душ мужского пола). Среди этих новообразовавшихся деревень сравнительно крупными были деревни Димская, Кандыз, Дусметьево, Сарманаево, Юзеево, Мустафино, Биккулово и др.

В середине XVIII в., в период проведения широкомасштабной насильственной христианизации нерусского населения Среднего Поволжья – татар, мордвы, чувашей – еще более усилилась миграция из этого региона в Оренбургский край, где возникли многие новые поселения в северо-западной его части. Как правило, крестьяне переселялись добровольно, «сами собой, без письменных видов». Среди них выдвигались так называемые «заводчики» – инициаторы и организаторы этого переселенческого движения, чьими именами часто назывались новые поселения. Так, например, деревня Микушкина чувашей-новокрещен была названа в честь первопоселенца 65-летнего крестьянина Микушки Охонкина; основанная мордвой-новокрещенцами деревня Кирюшкина названа именем 62-летнего Кирилла Савельева и т.п. В составе новых поселений преобладали деревни, которые заселены крестьянами одной национальности, но также встречались и многонациональные. К примеру, в деревне Сок-Кармала поселились татары, мордва, чуваш и

русские. Некоторые из этих деревень и по настоящее время сохраняют разнообразный этнический состав населения. Всего за период со II по III переписи (1747–1765) в Оренбургскую губернию переселились 34 890 человек, в число которых входит 18,3 тыс. татар, 9,8 тыс. чувашей, 3,7 тыс. мордвы, 1,4 марийца и 240 удмуртов, которые были поселены на казенной земле и пользовались ею из расчета 15 десятин на ревизскую душу.

Некоторые из переселенцев были поселены на вотчинных башкирских землях, на условиях припуска. Эти припущенники были пришлым населением, которых называли тептярями. Переселение их в этом крае началось еще в конце XVI в., но до начала XVIII в. их численность оставалась незначительной. Большой прирост численности тептярей наблюдается уже в 20-е годы XVIII в. Это связано с недовольством крестьян проведением первой переписи и введением подушной подати. По данным II переписи в Оренбургской губернии насчитывалось 28 750 тептярей, а к концу XVIII в. – 99 292. Все они были выходцами из Среднего Поволжья, которые убежали «в башкиры» от усиливающегося национально-религиозного и феодального угнетения. Неоднороден был и этнический состав тептярей. Более половины их составляли татары, далее – марийцы, удмурты и чуваша. Основная масса тептярей-татар поселилась в Бирском, Белебеевском, Бугульминском и Мензелинском уездах; тептяри-марийцы и удмурты – в Бирском [Футорянский, 1996: 18].

С конца XVIII в. на территорию Оренбургской области начинается массовое переселение мишарей. Оно проходило, с одной стороны, как мероприятие правительства по заселению края, с другой – как вольная колонизация. В материалах переписи 1795 г. указывается, что «в новозаведенную деревню Баширово Бузулукской округи в 1794 г. по Указу Уфимской казенной палаты перешли служилые татары из д. Чапкасы Буинской округи Симбирского наместничества». В архивных документах имеются данные о том, что «сынрянской волости башкирцы часть земли в прошедшем 1794 году продали переселившимся из Симбирского наместничества в Оренбургскую губернию служилым татарам, кои и обселились деревнями в количестве ста двадцати осьми душ под названием Мулюковой, Башировой, Биккуловой и Имангуловой. Сюда были также «перечислены 5 июня 1803 г. по именному указу 17 дня декабря 1800 г. из деревень Нижней Чекурской, Шатыршан,

Каракитякы, Ст. Чакурской, Кушкувай – служилых татар 32 душ» [Садыкова, 1985: 14].

С. Чеганлы (в бассейне р. Ик), по легендам, было основано еще в 1759 г. выходцами из территории современного Башкортостана. В 1779 и 1789 гг. сюда переселились и мишари из Саранского уезда Пензенской губернии.

Жители с. Абдрахманово (в бассейне р. Ик) считают своей родиной д. Богдан Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне Мордовия), откуда в 1832 году Абдрахман с 12 семьями в поисках земель уходит от своего «жестокое помещика» и основывает с. Абдрахманово. В 1850 г. сюда переселяются с территории современного Башкортостана с семьями Хасан, Губай, Усман, Фаткулла, Юсуп. Таким образом, населенные пункты по р. Ик (на границе с Татарстаном и Башкортостаном) заселялись носителями среднего и западного диалектов татарского языка. Это отражается и в говорах жителей указанных населенных пунктов.

По легендам, сохранившимся среди населения, с. Ибряево Северного района Оренбургской области основано выходцами из д. Щербак Пензенской губернии (современное с. Щербаково Лямбирского района Мордовии). Они переселились вначале в д. Сулейманово, затем основали с. Ибряево. Через несколько лет мишари д. Сулейманово получили в Уфе разрешение основать селение Ибряево.

Мишарские села в бассейнах небольших рек Нить и Зиганник – притоков р. Ток (Шарлыкский и Александровский районы) в 40-х годах XVIII в. были заселены также выходцами из Пензенской губернии. С. Тукаево Шарлыкского района основано в 1842 году мишарями-переселенцами из д. Тукаево современного Аургазинского района Республики Башкортостан. Причиной переселения было малоземелье на прежнем месте обитания. В обоих селах широко распространены фамилии: Дибаявы, Мурзакаевы и Узяковы. Общие черты обнаруживаются и в говорах указанных населенных пунктов.

Как рассказывается в легендах, д. Ислаевка Саракташского района основана пензенскими мишарями в 80-х гг. XIX в.

Таким образом, данные исторической литературы, архивных источников, а также легенды, сохранившиеся в народе, показывают, что относительно рано (в 40-х годах XVIII в.) и наиболее компактно были заселены носителями среднего диалекта (главным

образом из районов Заказанья) так называемая «Новомосковская дорога» (бассейны реки Саелмыш – притока Сакмары, верхнего течения рек Демы и Ика) и «Оренбургская пограничная линия» (бассейны рек Урала и Сакмары). Позже, в последней четверти XVIII и в начале XIX веков были заселены носителями среднего и западного диалектов юго-западные районы Оренбуржья (междуречье р. Урал и ее притоков – Илека и Киндели, а также р. Бузулук – притока Самары). Сравнительно поздно (в 30–40-е гг. XIX в.) были основаны мишарями нас. пункты Ибряево и Кряжлы в северной части области, а также Новомусино, Яфарово и Султакаево в бассейнах рек Зиганник и Нить – протоков р. Ток (притока Самары).

Этнический состав татарского населения Оренбургской области был **неоднороден**. Он, кроме «казанских татар» и мишарей, включал в себя и ногайцев. Население состояло из разных социальных групп, известных под названиями «тептяри», «бобыли», «ясачные татары», «чемоданные татары», «служилые татары», «тарханы», «башкиры», «нагайбаки», «мещане» и «казаки». Большую часть жителей Каргалинской, или Сеитовской, слободы составляло купеческое сословие. Татарское население, жившее по крепостям, редутам Оренбургской военной линии и входившее в состав Оренбургского казачьего войска, относилось к военно-служилому сословию. Все эти этнические и социально-исторические факторы сыграли определенную роль в формировании татарского населения Оренбургской области. Историю переселения представителей западного диалекта на территорию Оренбуржья подтверждает и И.А. Гафаров в своих трудах [Гафаров, 2004: 15].

В начале прошлого века Оренбургская губерния представляла собой один из крупнейших очагов развития татарской культуры, где активно действовали сотни медресе и мечетей, издавались национальные газеты, работал татарский театр. В 20-х годах здесь функционировало 149, в Оренбурге 8 татарских школ с полным циклом обучения. В Оренбурге работала мусульманская музыкальная школа, был открыт татаро-башкирский агропединститут. Издавались десятки газет и журналов на татарском языке, действовали три типографии.

Значимую роль в становлении национального образования и культуры имели два высших медресе: «Мухаммадия» – в Троицке

и «Хусаиния» – в Оренбурге. Просуществовавшее с 1889 по 1924 г. знаменитое на весь татарский мир медресе «Хусаиния» содержалось купцами Хусаиновыми и имело огромный авторитет в России и за рубежом. Директором медресе и редактором издававшегося в Оренбурге журнала «Шура» был выдающийся мыслитель, ученый, педагог и просветитель, историк, журналист и писатель Ризаэддин бин Фахреддин. Общественность активно интересовалась деятельностью медресе: практически в каждом номере выходивших в то время газет и журналов, в том числе и русских, публиковались сообщения из жизни медресе, которое за короткий срок выросло в одно из наиболее солидных высших учебных заведений на уровне европейских университетов.

В медресе преподавали выдающиеся личности: Гаяз Исхаки – классик татарской литературы и выдающийся общественный деятель, Фатих Карими – классик татарской прозы (преподаватель истории и литературы), Ханиф Бакиров – преподаватель физики и химии (Константинопольский университет), Камиль Каримов – преподаватель истории (Казанский университет), Сунгатулла Бикбулатов – заместитель директора и преподаватель истории Башкирии и тюркских народов (Каирский университет), Хан Юсупов – преподаватель математики (Томский технологический институт), Кабир Сагиров – преподаватель географии (Константинопольский учительский институт). Многие из которых вместе с тем являлись авторами учебников. Медресе славилось своими именитыми выпускниками: Шаехзада Бабич – выдающийся татарский поэт, Сагит Агишев – классик татарской литературы, Муса Джалиль – поэт, Герой Советского Союза; Ахметзаки Валиди Туган – тюрколог с мировым именем, Сагит Рамиев – классик татарской поэзии; Мирхайдар Файзи – автор татарских музыкальных пьес, в том числе знаменитой «Галиябану». В настоящее же время в области проживают 151 492 татар (по данным переписи 2010 года), они составляют 7,45% населения области. Общественные организации своей деятельностью поддерживают национальное своеобразие. Среди них – городской общественный центр «Туган тел», Орский татаро-башкирский культурный центр «Туган тел», Бугурусланский татарский общественный центр. Татарский язык в качестве родного языка неизменно остается востребованным, ему обучаются в 83 школах области. Издается также татарская газета «Яңа вакыт» («Новое время»).

Как показывает вышеизложенное, массовое переселение татарского населения на территорию Оренбургской области началось в первой половине XVIII в. и продолжалось до начала XX в. Основную часть переселенцев составляли поволжские татары (носители среднего диалекта), которые расселены по всей территории области от границы Татарстана (на севере) до границы с Казахстаном (на юге и юго-востоке). Мишари, относительно поздние переселенцы, образовали группы населенных пунктов главным образом в северной, северо-западной и юго-западной части Оренбуржья.

1.2. Изучение и классификация татарских говоров Оренбуржья

Как известно, татарская диалектология, хотя и зародилась давно, т.е. в XVIII веке, интенсивное и результативное развитие как наука получила в середине XX века. К концу 50-х годов этого столетия были проведены экспедиции в районы распространения татарского диалектного языка: в Рязанскую, Пензенскую, Ульяновскую, Пермскую, Самарскую и др. области, Марий-Эль, Чувашскую, Удмуртскую республики, на территорию Уральского и Сибирского ареалов. Такой охват экспедиционных изысканий разведывательного характера за короткий срок позволил накопить фактические данные о диалектах и их распространении, о системах фонетико-грамматических, лексико-семантических особенностей. Накопленный материал позволял выдвигать новые задачи, поднять пространственное изучение татарского языка на более высокий уровень. В итоге в конце 50-х годов татарскими диалектологами начинает осуществляться изучение говоров методом лингвистической географии и ставится задача составления «Атласа татарских народных говоров». Чтобы обеспечить воплощение в жизнь таких грандиозных планов вся территория «Атласа I и II томов» были разделены на квадраты, которые были прикреплены за конкретными специалистами. Один из больших квадратов, охватывающий Оренбургскую область, был поручен ученой З.Р. Садыковой.

Исследования по татарским говорам Оренбуржья проводились З.Р. Садыковой в течение ряда лет (с 1964 по 1986 г.), в ходе многочисленных экспедиций. При изучении данных говоров методом лингвистической географии автором одновременно велось и монографическое исследование, результатом которого стала ра-

бота «Говоры оренбургских татар» (Казань, 1985), также и многочисленные статьи (1979, 1982, 1987, 1988, 1989, 2003, 2008 и др.). Исследование проводилось в связи с историей заселения края татарами. При этом использована как опубликованная историческая литература, так и материалы из архивов, легенды, бытующие среди населения. В монографии подробно описываются фонетические, морфологические особенности татарских говоров Оренбуржья в сравнении с другими диалектами татарского языка и некоторыми тюркскими языками, в определенной степени отразились и лексические материалы.

В настоящее время, т.е. по истечении более полувека, в современной лингвистике изучение лексики приобрело особую актуальность. В связи с этим, нами предпринята попытка специального системного исследования лексико-семантических особенностей говоров указанного ареала.

Материалы показывают, что на территории Оренбуржья распространена довольно сложная система говоров татарского языка. С одной стороны, общее развитие хозяйственной и культурной жизни, экономические и торговые контакты, а также соседство с другими тюркоязычными народами за период двух столетий не могли не внести в говоры татар Оренбуржья общие и новые черты; с другой – несмотря на совместное проживание в течение довольно длительного времени в составе одной административной единицы (в пределах области), не завершилась нивелировка говоров даже в пределах соседних населенных пунктов (напр., населенные пункты Баширово, Имангулово, Ислаевка). Татарское население Оренбуржья довольно устойчиво сохранило в языке основные черты «материнских» диалектов и говоров.

По характеру общности фонетических, лексических и грамматических особенностей в Оренбуржье выделяются три самостоятельных говора татарского языка. Проанализированный нами материал позволяет согласиться с выводами З.Р. Садыковой.

I. Шарлыкский говор западного диалекта, который распространен на всех мишарских селах области (в населенных пунктах Абдуллинского, Александровского, Саракташского, Северного, Сорочинского, Шарлыкского районов). Наиболее компактную группу населенных пунктов составляют представители западного диалекта, проживающие в Шарлыкском районе. В территориальном

плане, среди населенных пунктов распространения исследуемого говора данная группа занимает центральное место, в связи, с чем данная группа получила свое название. Он выделяется сохранением характерных фонетических, морфологических и лексических особенностей западного диалекта. Также общими для этого говора являются: употребление звуков *г, к, хв* фонетике, отчасти и в морфологии, и в лексике: регулярная монофтонгизация дифтонгов *өй* (*күвәнтә, сүвәл*); отсутствие монофтонгизации *ай, әй* (*сай, кәнтәй*), наиболее активное употребление сложных вопросительных предложений, в которых связь между главным и подчиненным компонентами осуществляется посредством вопросительных местоимений; наличие значительного пласта диалектных слов, характерных для мишарского диалекта. Метод лингвогеографического исследования («Атлас татарских народных говоров») позволяет выделить в составе шарлыкского говора три подговора:

1. Новомусинский подговор распространен в населенных пунктах Новомусино, Яфарово Шарлыкского района, Ибряево и Кряжлы Северного, Султакаево Александровского, Ислаевка Саракташского районов. Носители являются выходцами из Пензенской губернии. Подговор выделяется более устойчивым сохранением специфических черт западного диалекта: например, *й*-канье в начале слова; активное употребление сокращенных имен; форма глаголов на *-гын/-ген* (*торгын, килген*), на *-гы килә/-ак килә* (*баргы килә, ашак кели*), наличие довольно широкого спектра слов, характерных для западного диалекта: *бит себеркесе* в значении «полотенце», *ишег алны(сы)* в значении «сени», *йаз* в значении «лето», *табан* – в значении «ступня, каблук» и др.

2. Баширский подговор, ареал распространения соответствует населенным пунктам Баширово Ташлинского района, Имангулово. Биккулово, Мулюково Тоцкого района, заселенным в конце XVIII в. выходцами из бывшего Буинского уезда Симбирской губернии, а позднее из Чистопольского уезда Казанской губернии. Подговор сохранил в себе особенности западного диалекта в основном в фонетике, отчасти и в морфологии, и в лексике: регулярная монофтонгизация дифтонгов *өй* (*күвәнтә, сүвәл*); В подговоре отмечается большая группа слов и форм, характерная для западного диалекта, например, *былдыр* «крыльцо», *пәрчатка* «перчатка» и др.

3. Икский подговор распространен в населенных пунктах Абдрахманово и Чеганлы Абдулинского района, которые заселены носителями мензелинского говора среднего диалекта и пензенскими представителями западного диалекта. В одних и тех же населенных пунктах происходило взаимовлияние говоров разных диалектов, в результате чего образовался смешанный говор, в котором преобладают особенности, свойственные западному диалекту. В подговоре бытует значительное число слов, связывающих его с западным диалектом, например, *олан/ылан* – дитя, ребенок, *йырт* – двор, *ынук/нука* – внук, *йдйэк* – щека.

II. Бугурусланский говор среднего диалекта распространен в северной части области. По дореволюционному административному делению эта территория входила в Бугурусланский уезд Самарской губернии. Основную роль в формировании данного говора сыграли представители заказанских, нагорных, мензелинского говоров. Развивался он в тесном контакте с соседними мензелинским и камышлинским говорами среднего диалекта, испытал также определенное влияние и шарлыкского говора западного диалекта. Основными характерными особенностями являются активное употребление уменьшительно-ласкательного аффикса *-кай/-кэй* (*иркэкэй, апакай*), двойного аффикса принадлежности *-ысы/-есе*; причастия на *-малы* (*баш сыймалы*), *-ышлы* (*йөзек салышлы*); наличие следующих терминов родства: *инэй* – мать, мама, *бийем/биана* – свекровь, *апай/апайым* – младший брат или сестра, ласковое обращение к младшим, *бэллу* – люлька. В диалектных особенностях бугурусланского говора обнаруживается общность с белебеевским подговором мензелинского говора.

III. Каргалинский говор среднего диалекта имеет ареал распространения в южной части области. Говор сформирован как поволжскими татарами, так и ногайцами более позднего заселения (XVIII в.). Данный говор испытал определенное влияние смежных говоров башкирского и казахского языков, в результате чего в нем появились характерные особенности, имеющие общность с ногайской группой тюркских языков. Этот говор характеризуется: наличием местоимений *анау/анавы* – вон тот, *ушы* – это; образованием посессивных числительных на основе собирательных форм вместо количественных (*берәүсе* – вместо берсе, *бишәүсе* – вместо бишесе); наличием слов-наречий: *беркилке/берталай* – немного, *бикәр* –

зря; наличием слов: *анай/түти* – сестра, женщина старше себя, *бийем* – свекровь, *биата* – свекор и др.

В составе каргалинского говора можно четко выделить два подговора:

1. Урало-сакмарский подговор, специфичными особенностями для которого являются: уменьшительно-ласкательная форма на *-ча/-чә* (*китапча, киленчә*) глагольная форма на *-п қал-* (*эшеп қалыр*); послелог *чикем, чиңгел, тықы, тақан* (до); употребление наряду с литературным *киләсе кеше* варианта *киләкәй кеше* и др.

2. Ареал распространения бузулукского подговора в населенных пунктах бассейнов рек Бузулук (приток Сакмары), Киндели и Илек (притоки Урала). Данный подговор отличается проявлением диалектных особенностей смешанного характера, что связано с историей формирования носителей бузулукского говора. Данная территория заселялась татарскими переселенцами из Казанского края и Закамья с конца XVII века до начала XX. Ему свойственно *жс-оканье* в начале слова и слога (*жсамгыр, денжда*); наличие слов: *буйдак* в значении наемщик, батрак, *тубә тақта* – потолок и др.

Бугурусланский и каргалинский говоры среднего диалекта в основе своей близки к современному татарскому литературному языку.

Что касается шарлыкского говора, то он, хотя и сохранил специфичные особенности, претерпел значительные изменения в сторону сближения со средним диалектом.

Выводы по первой главе

Анализ диалектных особенностей, собранных во время специально организованных экспедиций, базируемых на богатом опыте изучения диалектов и привлечении накопленных за последние десятилетия материалов, свидетельствует о справедливости исторических сведений о заселении территории Оренбуржья татарами.

Наши наблюдения показывают, что исследуемые говоры в течение более пятидесяти лет с момента их первоначального изучения претерпели изменения в сторону сближения с татарским литературным языком. Кроме того, лексический материал отражает активное взаимовлияние говоров разных диалектов между собой, поскольку лексика, как наиболее изменчивый уровень языка, быстрее подвергается влиянию извне.

Глава 2

ЛЕКСИКА ТАТАРСКИХ ГОВОРОВ ОРЕНБУРЖЬЯ, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА, ЧАСТИ ЕГО ТЕЛА, ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ СВОЙСТВА

1.1. Соматизмы в татарских говорах Оренбуржья

Лексика, как и другие компоненты языка, составляет довольно широкую и многогранную систему, поскольку в словарный состав входит множество слов, которые имеют различные связи между собой. Чтобы язык успешно использовался как инструмент общения, необходимо чтобы лексика сформировалась в определенном порядке.

Общее развитие языка, увеличение сферы его применения связано с определением терминологических названий в его лексическом составе; их развитие и составление из них определенной системы. Как отмечают ученые, подавляющее большинство всех новых слов, появляющихся в лексиконе различных языков, составляет специальная лексика. Именно поэтому такая лексика, различные аспекты слов, связанных с терминологической системой являются объектом изучения многих лингвистов, например, таких как Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, В.А. Татарин, Д.С. Лотте, Т.Л. Канделаки, Г.П. Мельников и др.

Общеизвестно, что соматическая лексика является одной из самых древних универсальных тематических групп и одним из самых активно исследуемых объектов в сравнительно-исторических, структурно-сопоставительных и лингвокультурологических работах отечественных и зарубежных языковедов, которые выделяют этот пласт лексики обычно первым в лексико-тематической системе любого языка (Ю.Ю. Авалиани, Д.Х. Базарова, А.Ф. Богданова, Р.М. Вайнтрауб, Ф.О. Вакк, В.Г. Гак, Ю.А. Долгополов, А.В. Дыбо, А.В. Кунин, В.А. Плунгян, Е.М. Сендровец, Ю.С. Степанов, В.Н. Суетенко, Н.М. Шанский и др.).

На сегодняшний день, слова, связанные с человеком и его анатомией, в татарском языкознании изучены не в полной мере. Но есть отдельные исследования (Л.Т. Габдрахманова 1993, 1995, 1999,

2010; Д.Б. Рамазанова 2007, 2008, 2010, 2013) и диалектологические словари, в которых представлены соматизмы и их диалектные синонимы. Наиболее полно соматический материал татарского языка нашел отражение в книге Д.Б. Рамазановой «Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика» (2013). Материалы, касающиеся данной темы, нашли отражение также и в диссертациях по диалектологии (Л. Заляй, Л.Т. Махмутова, Н.Б. Бурганова, Л.Ш. Арсланов, Д.Б. Рамазанова, Ф.Ю. Юсупов, Ф.С.Баязитова, Т.Х. Хайрутдинова, Р.С. Барсукова, З.Р. Садыкова, А.Х. Насибуллина, Х.Ч. Алишина, А.Р. Рахимова и др.). Подходя к проблеме в общетюркском плане, можно отметить некоторые статьи и кандидатские диссертации. Например, Д.Х. Базарова, Ф.Г. Исхаков, В.Д. Колесникова и др. Человек определяет себя как личность и начинает осознавать свое место в окружающей действительности через ощущения, возникающие непосредственно через органы чувств и части собственного тела, это и является причиной постоянного внимания к соматизмам. Строение человеческого тела, его части явились одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектов, вместе с тем слова, которые обозначают части тела человека, так же архаичны, как и само человеческое сознание. Ориентиром человека в пространственной плоскости является анатомическая ориентация его тела: передняя часть определяется как та сторона, где расположены его органы чувств, органы зрения, задняя сторона, соответственно, сторона спины. Это в свою очередь, отражает асимметрию структуры человеческого тела.

В диссертации А.М. Кочеваткина, посвященной лингвогеографическому анализу соматической лексики в диалектах эрзянского языка [Кочеваткин, 2001], вся соматическая лексика в зависимости от характера объекта номинации делится на тематические группы (такая же классификация используется в работе Р.Ю. Мугу [Мугу, 2002]). Мы тоже опирались на классификацию этих ученых. Примеры приводятся из материалов татарских говоров Оренбуржья: *сомонимическая лексика, остеонимическая лексика, спланхнонимическая лексика, ангионимическая лексика, сенсонимическая лексика, лексика, обозначающая болезни, недуги и проявления человеческого организма*. Далее рассмотрим более подробно каждую из вышеприведенных лексико-тематических групп по татарским говорам Оренбуржья.

1. Сомонимическая лексика

Сомонимия – самый крупный раздел данной категории лексики татарского языка. Она служит для обозначения частей и областей человеческого тела. Сомонимическая лексика в зависимости от того, какой сфере обозначаемых объектов соответствует, делится на:

1. Названия, являющиеся общесистемными обозначениями.
2. Названия головы и ее частей.
3. Названия шеи и туловища человека.
4. Названия верхних конечностей.
5. Названия нижних конечностей.

Названия, являющиеся общесистемными обозначениями. **Тән** употребляется для обозначения «тела» человека в каргалинском говоре татарского языка, совпадает с литературным вариантом. Его фонетический вариант **дән** встречается в шарлыкском говоре западного диалекта и также в нагайбакском говоре. *Дәннәрәм аworthyнда, эшләп арыдым.* – Все тело болит, устала работать. Наряду с данным термином, в шарлыкском говоре употребляется фонетический вариант литературного слова *гәүдә жәүдә*, встречающийся и в дрожжановском говоре. Ср.: **йәүдә** чст., хвл., кузн. «туловище, тело». В бугурусланском говоре среднего диалекта активнее используется литературное **буй**. Ср.: в других говорах **ббй** твр. «тело». Существует множество вариантов данного слова в тюркских языках: *boy/poj/bui/pui/pü/piv/bod/poz/bos/bod/bot* и др. [ЭСТЯ, 1978: 176–178].

Названия головы и ее частей. **Баш** «верхняя часть человеческого организма – голова» совпадает во всех рассматриваемых говорах с лексемой литературного языка как и во всех других говорах, кроме сибирских диалектов, где используется фонетический вариант **паш** [ТТЗДС: 522]. Как известно, она делится на две части: переднюю (лицо) и ту, на которой растут волосы. Рассмотрим обозначения каждой из этих частей.

Жөз (тат. литер. бит, йөз) «лицо» в каргалинском, так же в стерлитамакском, мензелинском и мамадышском говорах среднего диалекта (тат. литер. йөз). В шарлыкском говоре используется вариант **йөз** «лицо», встречающийся и в лямбирском и в других говорах западного диалекта. В бугурусланском и мензелинском говорах активнее участвует в речи соматизм **чырай**: *Чырайларыбыз кыпкызыл булып бетте, жыләк ашап.* – Лица стали красными, столько

ягод съели. Ср.: **каш-камыр** срг. «вид, лицо»; **пит** сиб. «лицо»; **цырай** тоб.-ирт. д., том. д. «лицо».

Иңсә в западном диалекте (шрл., м.-кар.) и в говорах среднего диалекта (астр.) (тат. литер. баш арты, баш чүмече) обозначает «затылок». *Иңсәсе белән барып төшкән.* – Упал затылком навзничь (шрл.). В говоре нагорных кряшен данное слово имеет значение «межплечье»; в нгб.-крш., чст.-крш. **инсә** «плечо». Ср. в других говорах: **илткә** брб. д. «затылок» и др.

Сакал в шарлыкском говоре западного диалекта имеет значение «подбородок» (тат. литер. ияк), образованное от данной лексемы **сакал асты** в говорах западного диалекта имеет значение «нижняя часть подбородка». *Сакал астына бәләп йөри идек йаулыкларны.* – Раньше было подвязывали платки под подбородком (шрл.). Ср.: в башкирском *һақал*, турецком *сакал*, калмыкском *сахл*, монгольском *сахал* «борода» [Рамазанова, 2013: 81]. Для наименования подбородка в каргалинском и бугурусланском говорах употребляется литературная лексема **ияк**. Ср.: фонетические варианты: **инәк** брб. д.; **йнақ** перм.; **эйек** тоб.-ирт. д. и др.

Йэйәк «щека» употребляется в шарлыкском говоре западного диалекта (тат. литер. яңак), так же в кузн., хвл., срг., клд. говорах: *Йэйәкләре сьдрылып бетте йыгылып.* – Упал и ободрал себе щеки (шрл.). В других говорах используются следующие варианты: **жэйәк** лмб., хвл., чст., карс., алтат.; **жаңак/жаңғақ** пар., дубь.; **наңак** сиб. д.; **зэйәк** срг., чст., чпр. Тюркологи считают эти варианты однокоренными [СИГТЯ: Лексика, 1997: 219]. Ср.: в башк., уйг. *яңак*, в азерб. *янаг*, турецком *янак*, якутском *сыңах*. В других говорах существуют варианты: **ауртқы** брб. д. «щека». Ср.: тат. литер. *урт* «десна».

Названия шеи и туловища человека. В каргалинском, бугурусланском говорах шея обозначается литературной лексемой **муйын**. В шарлыкском говоре активно выступает фонетический вариант **мун'** (тат. литер. муен). Сравните в других говорах – **бун'** зап. д., **бойын, пуйын** сиб. д. [ТТЗДС: 127, 138, 541].

Буғаз «горло» в бугурусланском, каргалинском говорах Оренбуржья, в нгб.-крш. говоре **боғозлау** в том же значении. **Буғаз төене**, как и в татарском литературном языке, в значении «кадык, адамово яблоко». Ср.: **бығылдай** том. д.; **боғызлау башы** нгб.-крш.; **пуғыртақ** тара. «адамово яблоко».

Слово **гурла** [рус. горло] распространено в западном диалекте: в шарлыкском говоре, а также в говоре заказанских кряшен «горло», **грыла** в мелекесском говоре, **гырла** в лямбирском, кузнецком, лаишском в том же значении.

Йотма в каргалинском говоре «зев, плотка», то есть как и в мензелинском, стерлитамакском говорах (тат. литер. йоткылык). В тобольском говоре данная лексема используется в значении «горло». Ср.: **кигертэк** тоб.-ирт. д., **кигертэх**; **кетермэк** «горло»; **элкым** тоб.-ирт. д. «горло».

Иңөстө в шарлыкском говоре «предплечье», ср. так же в нижекамско-кряшенском говоре (тат. литер. кулның терсэк белән иңбаш арасы). Ср.: **коргон** тара., твр., брб. д. предплечье. *Пер йақ қоргоном аураты.* – С одной стороны болит предплечье.

Арка в бугурусланском и каргалинском говорах среднего диалекта, **арка** в шарлыкском говоре западного диалекта «спина». В татарских говорах имеются и другие варианты данного слова: **арға** сиб. д. 1) «спина; 2) «задняя часть» твр. [ТТЗДС: 50]. В некоторых говорах понятие «спина» передается словами: **йерткә** тбл., **жилкә** лш. арка (спина). *Гөлфирә, минем әжилкәне жууарга килерсең.* – Гульфира, приходи потереть мне спину.

Бот во всех изучаемых говорах по своему значению совпадает с литературным вариантом «бедро». В говорах западного диалекта: кузн., срг., байк., также и в бирском и касимовском говорах среднего диалекта выступает вариант с глухим началом: **пот**. Слово имеет синтаксические дериваты – **йуван бот** (бедро) [ТТЗДС: 129–130]; **бот айырчасы** заказ.-крш., **бот башы** к.т. бот тебе (основание бедра.) *Бот айырчасыннан кар яткан.* – Снег выпал до основания бедра.

Названия верхних конечностей. В каргалинском, бугурусланском говорах ареала Оренбуржья лексема **кул** (тат. литер. кул) «рука» совпадает с литературным вариантом и большинством говоров; в шарлыкском говоре, как и в западном диалекте вариант **кул**.

Для обозначения кисти руки в каргалинском говоре употребляется слово **беләксә** (тат. литер. беләзек), также и в мензелинском, стерлитамакском говорах «кисть руки». В шарлыкском говоре – **беләзеклек** «запястье» (тат. литер. беләк сөяге). Данные лексемы восходят к древнему общетюркскому слову **беләк** «локоть», существовавшему еще и в праязыке [Дыбо, 1996: 31]. В каргалинском

говоре отмечен метафорический перенос слова **беләк** «козий пух в количестве, достаточном для обматывания в одну руку для разового прядения; локоток»: *Маңғаннан соң, бер беләклек алып беләккә урыйлар эрләр өчен, ул беләк була.* – После того как покрасили, берут столько (шерсти), чтобы хватило намотать на локоть, для прядения – это и называется локоток. Т.е. в данном случае наблюдается изменение семантики в связи с переносом названия части тела к предмету. Ср.: в башкирских говорах **беләк** «запястье», аналогично и в других тюркских языках – турецкий, азербайджанский, туркменский, гагаузский, узбекский, алтайский и др. [ЭСТЯ, 1978: 145]. Дериваты, т.е. производные: **беләзек**, **беләзеклек** «запястье», **пеләкчә** твр. «кисть руки». На основе слова **беләк** образованы выражения **кул беләге** т.я.-крш. «запястье», **кул сырты** кузн.; **кул йөзе** яушт. «ладонь».

Уч в каргалинском и бугурусланском говорах, как и в литературном языке и большинстве говоров, «ладонь, горсть». На основе слова **уч** образованы выражения: **уч төбе** «ладонь» (так же и тат. литер.), в шарлыкском говоре **уч табаны** «ладонь, середина ладони» (тат. литер. **уч төбе**), так же и в хвалынском и дрожжановском говорах, в хвалынском говоре **уч эче** в том же значении. Ср.: **оыщ** забол.; **табач** брб. д., клм. – так же. Мы согласны с мнением Д.Б. Рамазановой, что в данном случае сохранилось древнее название ступней, когда руки и ноги выполняли одинаковую функцию [Рамазанова, 2014: 142].

Бармак (шрл.)/**бармак** (кргл., бгрс.) в исследуемых говорах, как и в литературном языке, обозначает общее наименование пальцев. Рассмотрим названия отдельных пальцев в татарских говорах Оренбуржья. В говорах среднего диалекта (т.е. кргл., бгрс.) – **баш бармак** «большой палец», **балан ийәк** «указательный палец», **урта тийәк** «средний палец», **чүрәкәй бармак/бәләкәй бармак** «безымянный палец», **чәнәкәй/чәнки бармак** «мизинец». То есть как и в мамадышском говоре [Рамазанова, 2013: 113].

В шарлыкском говоре используется следующая система: **баж бармак** «большой палец», **иман бармак** «указательный палец», **урта тирмәк** «средний палец», **атсыз бармак** «безымянный палец», **чәнчә бармак** «мизинец». Ср.: в других говорах **балан бармак** перм., **балан ийәк бармак** каз.ар., пар., менз., **күрсәткец бармак** тара., **күстинеч бармак** нукр., **қайын бармак** дубь., **қа-**

рақ бармақ нгб.-крш. «указательный палец»; **бәбли бәпчек бармақ** пар., **бәләкәй бәпеч бармақ** менз., **буби бармақ** тара., **гөлгә чеби бармақ** менз., **исемсез бармақ** нукр., **сөйән бармақ** менз. «безымянный палец»; **гөлчәчәк бармақ** пар., **кечкенә бәбәй бармақ** тара., **кечкенә бармақ** нукр., **күн күкеч бармақ** менз., стрл. «мизинец»; **т'ықылыық бармақ** перм., **цыцалақ бармақ** тара., **чәнәкәй бармақ** бгрс., кргл., **чәнчә бармақ** т.кам.-крш., **чәнки бармақ** мам., **чәнтекәй бармақ** нгб.-крш., **чәнти бармақ** блт., **чәнчәй бармақ** брб. д., **чәнчәкәй бармақ** менз. «мизинец»; **олы бармақ** глз. «большой палец»; **урта тийәк бармақ** заказан., пар., менз., **урта тирәк бармақ** перм. «средний палец»; **кымкырсақ** лмб. «безымянный палец – в детской речи»; **мармақ** брб. д., **пал'ча** [рус. палец] перм. «палец (у колеса)»; **убыр тырнақ** брб. д., **чийүчүрмәк** клм. «безымянный палец»; **шынатай** астр. «мизинец».

Названия пальцев, как правило, образуются с определенным компонентом. Например, названия указательного пальца образуются с атрибутивным словом *балан*: *балан ийәк*, *балан үрдәк*, *балан чәчәк*. Названия *мизинца* – с ведущим компонентом *бармақ*: *дәдә бармақ*, *сыңарчак бармақ*, *цәцә бармақ*, *чигә бармақ*, *чиңгә бармақ*. Все названия пальцев являются составными, один из компонентов которых содержит сему, которая указывает на размер пальца. Например, «мизинец» – семой «маленький, младший»: *сыңарчак бармақ* (~ *сыңарган*), *убыр карсақ* (~ *тәбәнәк*), *бәби бармақ*, семой «средний» – *урта тирәк* и *урта тийәк*.

Названия нижних конечностей. Название нижней конечности человеческого организма, «нога», во всех говорах татарского языка совпадает с литературным **айак**. Необходимо отметить лишь вариативность **айак** в каргалинском и бугурусланском говорах. Кроме того, в значении «нога» выступают **тәнәй** в каргалинском (так же менз., тпк., злт; **тәпи** пар.; **цәпәк** чст. «лапа, нога»).

Из основы **айак** образованы названия частей ноги: **айагасты** (досл. низ ноги) шрл., хвл., лмб., тмн., мел. «ступня, стопа, подошва ноги»: *Айагастым ут кебек йана*. – Подошвы горят словно огонь (шрл.). Данное выражение приобрело дополнительные смысловые оттенки, в татарском литературном языке выражение **аяк асты** имеет значение 1) «под ногами», 2) ирон. «(как) проходной двор, стоптанное место», в каргалинском говоре и говоре нижекамских

кряшен слово **айагасты** еще имеет значение «пол, настил». Слово приобрело и коннотативное значение.

В каргалинском говоре, как и в нагорных говорах, бытует выражение **айак бите** «верхняя часть стопы ноги» (досл. лицо ноги); в шарлыкском, также и в хвалынском и дрожжановском говорах отмечен вариант **айак бите**. Ср.: **айак йөслөк** сиб. д. ; **йөслөк** тбл. «плюсна».

Табан в шарлыкском говоре западного диалекта «пятка». От данной лексемы образованы словосочетания: **табан төп** перм. «стопа»; **табан қуышы** перм. «плюсна»; ср.: **лапа** (< рус.) **асты** карс. «подошва ноги» (досл. низ лапы).

В шарлыкском говоре в значении «колени» бытует слово **бөгөр** (тат. литер. тез). В каргалинском говоре в данном значении номинирует слово **тубык**, также встречающееся в аналогичном (бирс., менз., злт., перм., трбс., к.уф., тара., тбл., тюм.) или следующих других вариантах **тубы'** кас., **тубык** стрл., **тобоқ** менз., перм., **бөгәр** менз., тпк., стрл., **қучақ** брб. д. «колени». Значение «место сгиба в колени» передается разными словами: **бөгөл** кргл., менз., стрл., **бөгәр асты** бгрс., менз., стрл., **аксағас** перм.

Йәлтер в шарлыкском говоре обозначает «икры ног», и является фонетическим вариантом слова **чәлтер**, бытующего в бугурусланском, каргалинском говорах Оренбуржья, также и в соседних мензелинском, стерлитамакском говорах в том же значении. Это объясняется взаимодействием и взаимовлиянием говоров среднего и западного диалектов на территории Оренбуржья. В других говорах распространены иные варианты данного слова – **чәлдер** менз., стрл., **чәлдеркэй** менз. (а слово **чәндер** в этих же говорах обозначает «голень»); **балтыр** хвл., кузн., мел., **палтыр** брб. д. и др. «икры ног». В бугурусланском говоре применяется еще и слово **чәркә** в том же значении. Значение «икры ног» передается и выражениями **айак қорсағы** заказ.-крш., трх., **айак корсак** глз.; либо словами **жиленчек** астр.; **олдык** (< *уылдык* «икра рыбы») м.-кар.

II. Остеонимическая лексика

Остеонимическая лексика используется для номинации костей человеческого тела, их соединений. И в зависимости от того, к какой сфере обозначаемых объектов принадлежат лексемы, ее можно распределить следующим образом:

1. Названия костной системы человеческого организма в целом.
2. Названия костей головы.
3. Названия костей туловища.
4. Названия костей верхних конечностей.
5. Названия костей нижних конечностей.

Названия костной системы человеческого организма в целом.

Как известно, опорно-двигательный аппарат человека состоит из трех систем органов: 1) костей, 2) их соединений и 3) мышц с их вспомогательными приспособлениями.

Сөяк «кость» во всех говорах Оренбуржья, как и во всех говорах среднего диалекта и литературном языке. В шарлыкском же говоре западного диалекта значение «кость» передается вариантом **севәк**. Ср.: в других говорах **сөйәгәң** сиб. д. «косточка, маленькая кость», **йанрық** брб. д. «грудная кость» и др.

Быын (тат. литер. буын) в каргалинском говоре также и в тепекеевском говоре среднего диалекта «сустав». Ср.: другие варианты или синонимы данного слова в татарских говорах: **пымын** тпк., **йөз** глз. «сустав»; **бәбер** т.я. «мелкие суставы конечностей».

В каргалинском говоре **сеңер** «сухожилие», т.е. как и в литературном языке. Ср.: в др. говорах **чекрән** нгб.-крш., **сиңгир** тоб.-ирт. д. «сухожилие».

В бугурусланском говоре **кимек**, как и в заказанских говорах «хрящ» (тат. литер. кимерчәк); в пермском же говоре данное слово имеет значение «губчатое костное вещество»;

Жилек/желек в татарском литературном языке и в среднем диалекте, **йелек** сиб. д., **элек** в шарлыкском говоре, так же в лмб., кузн., хвл., мел., држ. говорах «костный мозг». Словосочетанием **арка элге** в шарлыкском говоре именуют «спинной мозг». Ср. в других говорах: **севәк элге** лмб., **йелек май** тоб.-ирт. д.; **мимилек** нукр., глз. «костный мозг», **йүн** тара, **йилткә йөлөнө** брб. д. «спинной мозг».

Для наименования скелета человеческого организма в диалектах татарского языка употребляются лексемы **гәүдә** «скелет» в шарлыкском, сергачском говорах; **дүстөр** в бугурусланском и заказанских говорах «скелет, тень, призрак». *Дүстере генә калгандыр инде ул кешеләрнең озақ җылылар җир астында җатқач.* – Наверное от этих людей остался только скелет, поскольку они долгие годы пролежали под землей.

Названия костей головы. По своему строению скелет головы человека состоит из костей черепа и костей лица. Сам череп в каргалинском, бугурусланском говорах и в литературном языке, обозначается словом **баш сөяге**, а в шарлыкском говоре и в других говорах западного диалекта именуется: **баш чирэбе**. Для наименования костей лица употребляются лексемы – **сакал севәге** шрл., м.-кар. «подбородочная кость», (тат. литер. ияк сөяге); **йэйәк севәге** кузн., хвл. «скула» (тат. литер. янак сөяге); **қанжар** яушт. «переносица» (тат. литер. борын биле).

Названия костей туловища. **Арка севәге** в шарлыкском говоре, в каргалинском, бугурусланском, также в соседнем камышлинском говорах **арқа сийәге** «позвоночник». Ср.: **арқа сабағы** перм.; **бил-сөйәк** тюм. «позвоночник».

Арка үзәге в бугурусланском говоре имеет значение «спинной хребет» (тат. литер. арка сөяге), аналогичная лексема бытует и в мензелинском говоре. В каргалинском говоре в том же значении чаще встречается термин **арқа чоқоры**, который используется и в мамадышском говоре среднего диалекта, что еще раз подтверждает наличие связей между материнским мамадышским и переселенческими говорами Оренбуржья.

Кабырга в каргалинском и бугурусланском говорах Оренбуржья, как и в татарском литературном языке, имеет значение «ребро». На основе данной лексемы образуются словосочетания **дөбә кабыргасы** в каргалинском и мензелинском говорах, **дөбә кабыргасы** в шарлыкском, также и в стерлитамакском говорах со значением «грудное ребро». Любопытно, что в сибирских диалектах выступают несколько иные названия костей туловища: **кулқапқак** твр., **кулқапқац** тбл., твр. «лопатка», **пық** тбл. «поясница, талия», **сапыр** нукр. «хребет», **мөхцө: мөхцө сөяге** забол. «копчик».

Названия костей верхних конечностей. **Инсә севәге** «ключица» в шарлыкском говоре, эта же лексема в населенных пунктах, приграничных с мензелинским говором (д. Сарманай) имеет значение «плечевая кость». Ср.: **думбырау севәге** кузн., **чоғондырық** твр. «ключица».

Ашық в бугурусланском говоре, также и в мензелинском говоре обозначает «козоны, суставные кости пальцев рук и ног». *Ашығы чыққан ийе бармагының.* – У него на руке сустав вывихнулся было когда-то (бгрс.).

Названия костей нижних конечностей. **Йанбаш** в шарлыкском говоре обозначает «тазовую кость» (тат. литер. оча сөяге), в данном значении слово используется и в сибирских диалектах. В других говорах известны следующие лексемы – **моңә** тбл., **йабай** брб. д. «тазовая кость».

Урган жилек в бугурусланском, также и в мензелинском, стерлитамакском говорах имеет значение «толстая бедренная кость» (тат. литер. ботның юан сөяге). Ср.: **бәкәй** ичк., злт. «путовая кость», **пығын** 1) тюм., тбл. «бедренная кость»; 2) тюм. «поясница».

Как уже говорилось выше, слово **тубык** (тат. литер. «щиколотка») в каргалинском говоре обозначает «колено», а в сочетании со словом *шайтан* – **шайтан тубык** имеет значение «лодыжка». Использование данного словосочетания можно объяснить верованием местного населения в то, что эту кость ставит сам *шайтан*, и играя, качая ногу человек попадает во власть черта [Ахметьянов, 1988: 110]. В данном значении в исследуемых говорах используются также следующие лексические единицы: **ашык** в шарлыкском говоре, а также в стерлитамакском, лямбирском и хвалынском говорах обозначает «щиколотка» (в бугурусланском говоре данное слово имеет значение «козоны»). В бугурусланском говоре в значении «щиколотка» еще бытует лексема **шақа**, и выражение **айақ шақасы**. Ср.: уйг. *сақа*, монг. *шигай/сакай*, зырян. *шег* «лодыжка», **шәкәлмә** стрл. «щиколотка».

III. Спланхнонимическая лексика

Данная категория лексики служит для обозначения внутренних органов человеческого организма. Вся спланхнонимическая лексика татарского языка распределяется следующим образом:

1. Названия внутренних органов в целом.
2. Названия пищеварительных органов.
3. Названия дыхательных органов.
4. Названия мочеполовых органов.

Названия пищеварительных органов. **Үмәч** в каргалинском говоре, как и в материнских – мамадышском и в говорах заказанских крышен имеет значение «пищевод» (тат. литер. үңәч). *Ачыны ашма, үмәчең сызлар.* – Не ешь острого, пищевод будет болеть (кргл.). В говорах в указанном значении употребляются различные слова: **ит тамак** тбл.; **йүт** тюм.; **курыклық** тара. «пищевод», «желчный пузырь».

Карын в каргалинском и бугурусланском говорах, а также в других говорах среднего диалекта «желудок; чрево, утроба» (тат. литер. карын). Ср.: **кэрен** лмб.; **куруклык** тара. «желудок» [ТТЗДС: 430]. **Карта** в шарлыксом говоре «кишка» (тат. литер. эчэк), бытует и в пермском говоре в том же значении. Ср.: **чэге** глз. «кишка»; **тар чэге** глз. «тонкая кишка»; **базык эчэге** подб. «толстая кишка».

Названия дыхательных органов. Из диалектных слов следует отметить лексемы **йаналыш** «дыхание» в шарлыкском говоре, которое имеется и в кузнецком, хвалынском говорах; в шарлыкском говоре оно имеет еще значение «дыхательный путь» (тат. литер. сулыш юлы). Ср.: **кэгелдерек**, **өноц** брб. д. «дыхательное горло»; **кулка** лш. 1. «важный кровеносный сосуд в легких». 2. «легкие».

Названия мочеполовых органов. По своей природе мочевые органы человека состоят из почек **бөйер** во всех говорах ареала Оренбуржья (**пөйдир** брб. д.) и других органов: **бала бүкәне** в каргалинском говоре, а также в мамадышском и мензелинском говорах «матка». **Жан жире** (*жан* «душа» + *жир* «место») в бугурусланском, в соседнем мензелинском говоре «пах» (тат. литер. касык). *Жан жирендә миңе бар ийе, миңне исем қушалар андый вақытта.* – В области паха была родинка, в таком случае давали имя с приставкой *миңне* (т.е. с родинкой). Ср.: **йамуз** тбл. «пах» [ТТЗДС: 230].

VI. Ангионимическая лексика

Ангионимическая лексика служит для наименования кровеносной системы человеческого организма. Данная лексико-тематическая группа составляет самую малочисленную часть в системе соматизмов татарского языка. Такой объект номинации, как «селезенка» в каргалинском говоре, как и в татарском литературном языке и в большинстве татарских говоров, именуется **талак**. Ср.: **йбгы** брб. д.; **кандыр** тара. «селезенка»; **кулка** лш. «кровеносный сосуд в легких».

Центральный орган кровообращения – сердце в говорах среднего диалекта обозначается так же, как и в литературном языке: **йөрәк**, в *ж*-окающих: **жөрәк**. Для западного диалекта характерен делабиализованный вариант **йерәк**, м.-кар. **жерәк**, забол. **йөрәх** и т.д. В бугурусланском, также и в мензелинском говорах **йөрәк сугу** «слабое сердцебиение; сердечный приступ». *Қан әзлектән була диләр йөрәк сугушы.* – Говорят, что слабое сердцебиение бывает при малокровьи.

V. Сенсонимическая лексика

Лексика, служащая для номинации органов чувств человеческого организма. Является одной из малочисленных групп в системе соматической лексики татарского языка. В зависимости от принадлежности к соответствующей денотативной сфере обозначаемых объектов, она распределяется следующим образом:

1. Названия органов зрения.
2. Названия органов слуха.
3. Названия органов обоняния и органов вкуса.
4. Названия органов осязания.

Названия органов зрения. **Күз** «глаз» литературный вариант используется во всех исследуемых говорах. Ср.: фонетические варианты: **көз/күс** брб. д. **күс/гүс** сиб. д. «глаз». Слово образовано от древнетюрк. *göz* (тат. литер. *күз*) [СИГТЯ: Лексика, 1997: 209–210]. Лексику, связанную с частями глаза в татарском языке в основном составляют словосочетания, где атрибутивом является слово *күз*: *күз алмасы*, *күз кабагы*, *күз агы*, *күз чокыры*, и др. Ср.: **кабак** в каргалинском и бугурусланском и других говорах среднего диалекта «веко», восходит к др.тюрк *қаты* – «ворота»; **күз бәбәнәге** дөб. «глазное яблоко»; **көс ағы** сиб. д.; **күз таш** перм. «белок глаза».

Күз қарасы в каргалинском говоре «зрачок», а в камско-устыинском говоре данная лексема имеет значение «темная оболочка вокруг зрачка». Ср.: **қарыйәсе** забол.; **күс пәбәйцек** тара.; **күз кал'усасы** хвл.; **күз нәнәйе** бирс. «зрачок». В каргалинском говоре, также и в мензелинском, стерлитамакском, камышлинском говорах бытует выражение **керле күз**, обозначающее «угрюмое, хмурое лицо»: *ул алай керле күз белән карый торган кеше түгел*. – Он не такой человек, чтобы ходить с хмурым лицом.

Названия органов слуха. **Қолак** в каргалинском говоре «ухо», т.е. аналогично литературному **колак**. Отличие наблюдается лишь в шарлыкском говоре, где рассматриваемое слово выступает в делабиализованном варианте – **кылак**. Ср.: **кылак** нукр., плз. «ухо». К рассматриваемой тематической группе сенсонимической лексики относятся также и такие номинативные единицы, как **колағ анасы (шрл.)** обозначает «внутреннее ухо»; **колак бөтеркәсе** «хрящ ушной раковины» и **колак ите, колак йомшағы** (кргл., бгрс.) «мочка ушной раковины».

Названия органов обоняния и вкуса. Они, каждые в отдельности, составляют самые малочисленные тематические группы в системе соматической лексики татарских диалектов, поэтому они рассматриваются нами вместе.

Борон в каргалинском и бугурусланском говорах, как и в среднем диалекте, обозначает «нос», а в шарлыкском говоре, как и в западном диалекте, выступает его метатезированный вариант – **бырны**, в сибирских диалектах и тепекеевском говоре – **порон**. Для говоров западного диалекта и Приуралья в данном значении употребляется слово **танаву/танаву**. *Танавына чиртеп калдырды аны.* – Оставил его с носом. (шрл.). Возникли диалектизмы, характеризующие нос: *жэйтпэк борын* (шрл., менз.) – широкий нос, *очлы борын* – острый нос, *төз борын* (шрл., бгрс.) – прямой нос и др. Относительно этимологии данного слова возникают вопросы в связи со соматизмами, с окончанием *-ын*. Возможно оно образовано от корня < бор + *-ын* [Рамазанова, 2013: 52]. Ср. в других говорах: **порын** сиб. д.; **мор** астр.; **морын** брб. д.

Рот человека и его части в татарских говорах Оренбуржья обозначаются литературными словами **авыз, ирен, тел, теш**. В других татарских говорах существуют и фонетические варианты *эвус* тоб.-ирт. д.; *агыс* брб. д. «рот». Составляющие ротовой полости обозначаются лексемами: **гоба** [рус. губа] в шарлыкском также и в хвалынском, кузнецком, мелекесском, карсунском «губа». *Гобасын кызарта да китә иде.* – Бывало покрасит губы и, пойдет (шрл.); **авыртқы** брб. д. 1) «небо»; 2) «внутренняя сторона щек»; **тел** «язык».

VI. Лексика, обозначающая болезни, недуги и другие проявления человеческого организма

В зависимости от принадлежности к определенной сфере обозначаемых объектов данную тематическую группу соматической лексики можно распределить следующим образом:

1. Названия болезней и недугов человека.
2. Названия проявлений человеческого организма.

Названия болезней и недугов человека. В исследуемых говорах общее название болезней в большинстве говоров совпадает с литературным **авыру, чир** «болезнь, недуг», но есть и узлокальные диалектизмы. Например, в бугурусланском говоре существует выражение **кәсел кеше** «больной человек», возможно это связано со словом, распространенным в сибирских диалектах, **кәс**

«плохой, глупый»), а также в западном диалекте **кэс** «бездарный, бестолковый». **Зыңқар** бгрс., кргл. «болезнь» (тат. литер. авыру). *Ике ел торгач, зыңқар булып китте.* – Прожив здесь два года, заболел и ушел от нас. **Ғозер** [араб.] кргл., бгрс. «изъян, болезнь» (тат. литер. кимчелек, авыру). *Йөрәгемдә ғозер бар дип кайтардылар брачлар.* – Врачи сказали, что у меня есть болезнь в сердце. **Зыңқарлау** бгрс., кргл. «болеть, недомогать» (тат. литер. авыру, авырып тору).

В татарских говорах Оренбуржья нами выявлены обозначения для различных недугов человеческого организма, рассмотрим некоторые из них:

Қызылча в бугурусланском говоре обозначает «корь» (тат. литер. кызамык). В каргалинском же говоре распространен вариант **кызамык**. Ср.: **қонақ** брб. д.; **қыдылса** тпк.; **қысылца** тоб.-ирт. д., **қысылча** твр. «корь». Отмечено употребление и русских названий: **эспе** [рус. оспа] хвл., мел., кмшл. «корь». **Сары чығару** в каргалинском говоре «болеть желтухой». Ср.: **сарлама** кас.; **сарык** сиб. д. «желтуха». **Бишек чэчэге** заказан. су чэчэге, жил чэчэге (ветрянка). **Қарамық** тоб.-ирт. д. 1. «ветрянка»; 2. «корь».

Тынау (тат. литер. томау) в шарлыкском говоре «насморк» (ср.: в кузн. – так же), **гыриж** [рус.] «грыжа», в шарлыкском говоре данное слово выступает в значении «грыжа– у женщин». **Көзән, көзән тоту** в каргалинском говоре «корчить, сводить судорогами». Ср.: **айак тарту** тоб.-ирт. д. «сводить ноги судорогой». В шарлыкском говоре **бил йугалу** «радикулит». **Дөмәләну: күз дөмәләну** в каргалинском говоре «ухудшаться – о зрении». *Хәзер күзем дөмәләнде.* – Сейчас мое зрение ухудшилось. Ср.: **күз қайту** нагорн., заказан., перм. «ухудшиться – о зрении»; **ағырайу** менз. күзгә ак төшү «появление бельма на глазу». **Олавыр** «большой нарыв, шишка, опухоль, которые появляются в подмышках, во внутренней стороне бедра, на шее». Так же и в мензелинском и стерлитамакском говорах. **Чикан** стрл., **чобан** кргл., бгрс., хвл., кузн., трх., мел., менз., «чирей»; **әжәл чэчэге** лмб. «рак»; **шешке** менз., стрл. «нарыв, опухоль»; **тоту** шрл., кузн., хвл., срг. «мигрень».

Названия проявлений человеческого организма.

Веснушки (рыжеватые пятнышки на коже, появляющиеся у некоторых людей весной): Чобарка в шарлыкском говоре «веснушки», как и в мелекесском. *Битенә чобарка теишкән, сүкемле ке-*

шегә түшә икән ул. – У нее на лице появились веснушки, оказывается они появляются только у симпатичных людей. В шарлыкском говоре имеется также выражение чобарай чаука, что обозначает «веснушчатый». Челкәр-челкәр заказан. «веснушки».

Жемершү в каргалинском, также и пермском говорах «появиться – о мурашках».

Для обозначения такого проявления человеческого организма как родинка функционирует номинативная единица **мим** тара. «родинка» (тат. литер. миң) [ТТЗДС: 479]; **кал/ калы** [гар.] сиб. д. (родинка, родимое пятно).

Кроме вышерассмотренных названий, в эту же тематическую группу входят обозначения таких проявлений человеческого организма как: **жыерчык** кргл., бгрс., **цөрөш** тбл., **чөрөш** тюм., яушт. «морщина». *Питемтә чөрөшләрем пулса, қаймақ сөртәмен.* – Если появляются морщины, я наношу на лицо сметану [ТТЗДС: 760]; **чәлпән** тара., твр. «лысина».; **кувак** хвл. «перхоть»; **кағыртхы** саз.я. «мокрота»; **аш** тоб.-ирт. д. «гной».

В татарских говорах Оренбуржья наблюдается также ряд лексем, относящихся к частям человеческого тела и к его проявлениям, которые выражаются глаголами и другими частями речи. Например, **думбыгу** кргл. «делаться одутловатым, отекившим» (тат. литер. шешкенләну). *Айагым думбыгып тора, түзеп тә булмый берчак.* – Нога отекает, иногда болит невыносимо. **Чибалу** кргл., менз., трбс., стрл. «поцарапаться, потереться» (тат. литер. сыдырылу): *Урамнан гел чибалып керә иде яшь чакта, ай сугыш чукмары иде дә бит.* – В молодости всегда приходил в царапинах, ох и драчун был.

Чулыгу кргл. «худеть, похудеть» (тат. литер. ябыгу). *Каты чулыққан ыйы апам.* – Сильно похудела тогда моя старшая сестра.

Бусану кргл., бгрс., нагорн. «вспотеть от духоты» (тат. литер. эсселәнү, эсселәп тирләү). *Йөри-йөри бусанып беттем.* – Ходил-ходил и вспотел от духоты. Это слово в каргалинском говоре имеет еще значение «злиться, гневаться».

Төрәк айак кргл., кмшл. «говорится об очень большой ноге». *Бүе кыска булса да, төрәк айаклы ул.* – Даже при низком росте, у него очень большая нога.

Лапақ кргл. «широкое, плоское – о лице». *Безнең бабай зур гәүдәле, лапақ битле кеше иде.* – Наш дед был человек с крупным телом, широким, плоским лицом.

Необходимо отметить, что не все представленные номинативные единицы нашли свое отражение в нормативных словарях.

Конечно, соматизмы в татарских говорах Оренбуржья не ограничиваются лишь этими лексемами. Изучение соматизмов из различных источников в лингвоструктурном и других аспектах дает богатую информацию о татарском языке. Поскольку названия, данные народом, для явлений, связанных с человеком и его организмом и телом, тесно связаны с верованиями, эстетическими взглядами, душевным миром народа, они показывают языковую культуру народа, его практическое и философское мышление, и картину мира, проявляющуюся через язык.

2.2. Лексика, связанная с характеристикой человека

В последние десятилетия отмечается все более возрастающее внимание к тематике человеческого фактора в языке, переход от лингвистики «имманентной» к «лингвистике антропологической, которая предлагает изучать язык в тесной взаимосвязи с человеком, его мышлением, сознанием, духовно-практической деятельностью» [Постовалова, 1988: 8]. Огромный интерес проявляется в науке к проблеме национальной языковой картины мира, особенно к диалектному своеобразию языкового отображения действительности. Народные говоры являются значимым явлением в духовной культуре носителей языка и его диалектов, в связи с этим роль их особенно значительна для научных изысканий.

В данной главе впервые рассматриваются диалектные лексемы в татарских говорах Оренбуржья и пограничных с ним регионах, характеризующие поведение человека и особенностей его характера в той или иной ситуации, применяющиеся для описания внешности человека и его внутреннего мира (психологического состояния): *матур* «ароматный, душистый, пахнущий» (тат. литер. *матур* «красивый»), *йәмне* «красивый – о почерке, о письме», *илем* «человек, любящий других людей, добрый по отношению к другим», *чапақ* «смешливый, способный», *шөкәтсез* «плохой, некрасивый», *йончу* «худой, тощий», *тәбәшәк* «низкий, невысокий; низко», *аңкау* «глупый, тупой, невежда», *чәм* «обида, огорчение; стыд, позор, срам», *чәүчәләк* «беспокойный», *чыртсыз* «злой», *әлекәй* «поддающийся чужому влиянию», *мокый/моқыт* «глупый, невежда», *майрық* «физически слабый, рыхлый», *очтоқы* «кокотливый,

жеманный», *қомқуз* «жадный, алчный», *қырқу* «крутой, строгий», *томсақ* «молчаливый человек», *тимәбер* «каждый, всякий», *бырнай* «привередливый, разборчивый в еде», *чебек* «тонкий», *дәмәдәм* «совершенно слепой». Ниже рассмотрим некоторые из них.

Наименования представлены по группам, объединенным по тем или иным оценкам качеств человека с точки зрения носителей данных говоров: 1) лексика, характеризующая человека с положительной стороны, 2) лексика, характеризующая человека с отрицательной стороны, 3) нейтральная лексика.

Лексика, характеризующая человека с положительной стороны. В ней выделяются слова, применяющиеся для описания внешности человека, особенно группа лексем, связанная с понятием «красивый». Большинство лексем этой тематической группы совпадает с толкованием татарского литературного языка: *матур*, *сөйкемле*, *ямьле*, *ягымлы* и др.

Термин *матур* в каргалинском говоре обозначает «душистый, ароматный». (тат. литер. *тәмле*, *хуш исле*). Такое же значение данного слова бытует и в нурлатском говоре. В кузнецком, хвалынском, лямбирском говорах этот термин имеет значение «проворный, бойкий, умелый» (соответствует литературному *үткен*, *жәтиз*, *оста*, *булдыклы*). В нурлатском говоре исследуемая лексема имеет более обобщенное значение «хороший, хорошо», в хвалынском же говоре у данного слова бытует значение «злой». Ср. в диалектах башкирского языка *матур* 1) «вкусный»; 2) «хороший» [ДСБЯ: 229].

Таким образом, на примере слова *матур*, можно наблюдать общность татарских говоров Оренбуржья с диалектами башкирского языка в семантическом аспекте.

Кроме своего основного значения («красивый, прелестный, живописный») слово *йәмне* в каргалинском говоре приобрело дополнительный семантический оттенок: «красивый – о почерке, о письме». *Синең язуюң йәмне, мин алай булдыра алмыйм.* – У тебя красивый почерк, я так не смогу (писать).

В бугурусланском говоре «человека, любящего других людей, доброго по отношению к другим» (тат. литер. кеше яратучы, кешегә ягымлы кеше) обозначают лексемой *илем*. *Бу дәнъяда илемлерәк булырга кирәк.* – В этом мире надо быть более человеколюбивей. Возможно, это фонетический вариант слова *иләм* «красота». В каргалинском же говоре, как и в говоре нагорных крышен отме-

чено слово **иләмлек** «прелесть, красота» (тат. литер. матурлык). *Иләмлеге белән тарта инде бу яклар.* – Эти края тянут к себе своей красотой.

Чапақ в бугурусланском, каргалинском говорах обозначает «смышленного, способного» человека (тат. литер. сэләтле, зирәк, оста). *Уқырға чапақ балалар аз иде.* – Способных к учению детей было мало. В каргалинском, бугурусланском и мензелинском говорах слово **чапақ** бытует в значении «хорошо подвешен язык, мастер на язык» (тат. литер. телгә оста). *Авылда ул кадәр грамотный, чапақ кеше йүк.* – У нас в деревне таких грамотных, хорошо владеющих языком людей очень мало. *Шулай сүзгә чапақ булмагач, минем белән сүләшү дә кызык түгел.* – Раз у меня язык не подвешен, тебе и говорить со мной не интересно. В татарском литературном языке данное слово относится к пласту редких слов, которые редко употребляются в речи, вышли из активного лексикона. В литературном языке оно обозначает «находчивый», есть выражение **чапақлык** обозначающее «находчивость». Сейчас же данная лексема распространена как в говорах Оренбуржья, так и в говорах юга Башкортостана. Ср. **тапак** в чувашском языке, в удмуртском **чәпак** «ровно столько, ровно».

В каргалинском говоре **баплы** [араб.] «способный, умелый» (тат. литер. уңган, булган). *Ул шул хатле баплы, шигырләр йаза.* – Она такая способная, пишет стихи. В данном говоре бытует еще словосочетание **баплану** [араб. + афф. -лану], которое обозначает «нежиться» (тат. литер. иркәләнү). *Вакыт булмаганда бапланып тормыйсың инде.* – Когда нет времени, некогда и нежиться. Ср. в южном диалекте башкирского языка **бап** «мастерство» [ДСБЯ: 38]. Следовательно в данном случае мы наблюдаем приобретение в каргалинском говоре несколько иного семантического развития.

В шарлыкском, также и в сергачском, лямбирском говорах **зур**, которое означает «очень, сильный, сильно». *Зур авырттып тормый инде.* – И не сильно болит. Другое значение этого слова: «много» бытует в сергачском, мелекесском говорах. Ср. в сергачском говоре **зур** «длинный», в камышлинском и заказанских говорах «долго».

«Здоровый» в бугурусланском говоре обозначается словом **жүп-жүк**. *Көрәштә бары тик жүп-жүк чакта катнаша идем.* – Борьбой я занимался, когда еще был здоровым.

Дәверле [от араб. + афф. -ле] в бугурусланском говоре «сильный, крепкий», (тат. литер. көчле, хәлле). *Минем иң дәверле чагым иде.* – Тогда я был в самом расцвете сил.

Дастуй/дастуйын [от рус. достоин] является одним из активно употребляемых заимствований в татарских говорах Оренбуржья (в бугурусланском, каргалинском, а так же и в камышлинском, чистопольском говорах) в значении «рослый, здоровый человек» (тат. литер. зур гәүдәле, озын буйлы кеше). *Хатәр дастуй булып үскән бу йегет.* – Чрезвычайно рослым стал этот парень. В каргалинском говоре **дастуй** обозначает «здоровый» (тат. литер. таза, сәламәт). *Йөрәк дастуй әле бу йәшкә кадәр.* – Сердце доо сих пор здоровое. Ср. в башкирских диалектах **дастуйын/дастыйын** «крепкий, здоровый» [ДСБЯ: 79].

Пыл'дырма в шарлыкском говоре «легкий на подъем, легкий как пух», (тат. литер. жиңел). *Шәб эшкә, пыл'дырма кебек йөри.* – Отличный работник, легок на подъем. Ср.: в златоустовском говоре татарского языка *пелдерииш* 1. «перышко»; 2. «игрушка, сделанная из пера»; 3. «легкий как пух».

Дәллә [араб.] в каргалинском говоре «смелый, бойкий, отчаянный», (тат. литер. үткен, чая). *Бабай ул дәллә кеше.* – Дед он смелый человек. Ср. в диалектах башкирского языка **дәллә** 1) «с душой, охотно»; 2) «знающий, толковый» [ДСБЯ: 84]. Слово **дәллә** в каргалинском говоре имеет еще значение «злой», (тат. литер. явыз). *Әләкли шул дәллә хатын.* – Жалуется ведь злая женщина.

Лексика, оценивающая человека с отрицательной стороны.

В каргалинском говоре **хыйты** «плохой, некрасивый». *Чамалы, хыйты кеше йалгызрак була инде* – Известно, что некрасивый человек обычно одинок. Ср.: **който** «плохой, дрянной» в говорах западного диалекта.

В каргалинском, златоустовском говорах «неприглядный, некрасивый на вид» человек (тат. литер. олы гәүдәле, ямьсез) обозначается лексемой **шикмәтсез**. *Йуван шикмәтсез кеше килә.* – Идет толстый, неприглядный человек.

Шөкәтсез в каргалинском, также и в соседнем мензелинском говорах «плохой, некрасивый». *Кигән күлмәкләр шөкәтсезләрәк була иде кайбер вакыт.* – Иногда приходилось одевать некрасивые платья. Ср.: в материнском (мамадышском) говоре бытует глагол *шөкәтсезләну*, который обозначает «стать безобразным, терять

вид». Таким образом, в переселенческих говорах Оренбуржья сохранилась корневая форма данного слова, характерная для материнских говоров.

Слово **йончу** в каргалинском и бугурусланском говорах имеет значение «худой, тощий» (тат. литер. йончу «утомляться, измучиться»). *Менә түбән очтагы түти йончу инде.* – Вот родственница с нижнего конца деревни, вот она худая. (каргалинский). *Утыз тин дә кыйбат инде, йончу бит ите.* – Даже за тридцать копеек дорого, мясо-то тощее (бугурусланский говор)

Тәбәшәк «невысокий, низкий; низко» (тат. литер. тәбәнәк, түбән), в каргалинском, бугурусланском, шарлыкском говорах, бытует и в камышлинском, мензелинском, также и в златоустовском, пермском, турбаслинском, ичкинском, и др. говорах среднего диалекта татарского языка. *Тәбәшәк дип аска мендәр салдым сәкегә.* – Так как нары низкие я подложила подушку. В бугурусланском и мензелинском говорах слово **тәбәшәк** бытует в значении «низкорослый», (тат. литер.) тәбәшәк буйлы. *Бер қатын тәбәшәгерәк кенә килеп керде.* – Зашла одна невысокая женщина [ТТЗДС: 615]. В курмантауском говоре имеется вариант *тәпәшә*.

Аңкау в бугурусланском, также и в астраханском говорах «глупый, тупой, невежда» (тат. литер. в этом значении *аңсыз, надан*). *Аңкау була баишый шул карт кеше.* – Пожилые люди с возрастом становятся глупее. Данная лексема отмечена и в старотатарском языке, где она имеет значение «глупый». В ареал распространения данной лексемы вошли и языки кыпчакской группы: **аңкав/аңқав** в каракалпакском, ногайском, казахском языках 1) «бестолковый, непонятливый, глупый»; 2) «простой, наивный, разиня»; в диалектах узбекского языка **аңков** «простой, разиня, наивный»; в ногайском **аңков** 1) «простой»; 2) «глупый» и др; в диалектах башкирского языка **аңкау** – «глупый». **Аңкау** – название носителя процесса от *аң* «опешить», «приходить в замешательство» + усиленно-учащательный аффикс *-қа*.

Чәм в каргалинском, бугурусланском говорах 1) «обида, огорчение; стыд, позор, срам» (тат. литер. гарьлек, оят); 2) «душевный подъем, охота, желание» (тат. литер. дэрт); в шарлыкском, каргалинском, бугурусланском говорах «горячность; обида от чувства несправедливости» (тат. литер. кызулык, гарьләнүчәнлек). *Кызлар гадәттә тырышып укый, чәм белән.* – Обычно девочки учатся при-

лежно, с охотой. В бугурусланском, мензелинском, стерлитамакском говорах бытует также слово **чэмне** «обидчивый, униженный, считающий себя опозоренным» (тат. литер. гарьләнүчән, хурланучан, гарьчел). *Нәфсем зур булды, чэмне булдым, ирләр эшен эшләдем.* – Была большая обида, была обижена, выполняла мужскую работу. **Чэмнәнү** 1. В бугурусланском, мензелинском, стерлитамакском говорах «соревноваться с кем-либо, завидовать» (тат. литер. кеше белән узышу, көнләшү); 2. В бугурусланском, каргалинском говорах «обидеться» (тат. литер. ачу килү, гарьләнү); 3. В каргалинском, бугурусланском говорах «оскорбиться, обидеться» (тат. литер. гарьләнү). *Әрләсәң чэмнәнеп китә дә тырышып эшли.* – Если отругать, то оскорбляется, и начинает делать старательно. **Чәмчел** в каргалинском, бугурусланском, мензелинском говорах «человек, необоснованно настаивающий на своем» (тат. литер. кирәкмәс урында сүз көрәштерүчән, бәхәсләшүчән кеше). Ср. в алтайском **чем**, **чям** «недостаток»; в башкирском **сәм** «обида», **сәмсел** «обидчивый» и др.; в каракалпакском **чамланыу** «злиться, сердиться»; в тувинском **чам** «обида», **чамда** «проявлять обиду». Ученые считают, что **чам** («раж, азарт») пришло от древних шаманов язычества и буддизма [Ахметьянов, 1987: 145–146].

В каргалинском говоре «жадный, алчный, ненасытный» (дословно «жадный глаз»), (тат. литер. ач күзле) обозначается сложным словом **қомкүз**. В татарском литературном языке бытуют однокоренные слова: *комагай*, *комсыз*. В алтайском языке слово **ком** обозначает «помощь, оказанная по собственному желанию». Ср. в монг. **хомхой-док** «жадничать», в диалектах башкирского языка **қом** «зло, злость».

Сөпәт в шарлыкском говоре «человек, у которого некрасивый вид, человек как пугало» (тат. литер. ямьсез кыяфәтле кеше, карачкы шикелле). *Әниңең пәлтәсен кисәм, сөпәт булам.* – Если одену мамино пальто, становлюсь как пугало.

Аламалану в каргалинском, также и в мензелинском, пермском, златоустовском говорах «стать плохим» (тат. литер. начарлану). *Күзләр аламаланды хәзер.* – Глаза теперь стали плохими.

Чәүчәләк в каргалинском, бугурусланском, мензелинском, мамадышском, стерлитамакском, камышлинском говорах «беспокойный, беспокоящийся по пустякам» (тат. литер. юкка-барга борчылучан кеше). *Инәсе чәүчәләк, атасы сабыр гына аның.* – Мать у него беспокоящаяся по пустякам, а отец спокойный.

Чыртсыз в шарлыкском говоре «злой» (тат. литер. усал). *Хәзерге кан'аналар вет чыртсыз.* – Нынче свекрови злые.

Әлекәй в бугурусланском говоре «поддающийся чужому влиянию», аумакай. *Әлекәй кешегә гомбагыш диләр.* – Человека, который легко поддается чужому влиянию, называют подсолнух.

Бахыр в каргалинском, бугурусланском, ичкинском, златоустовском, тепекеевском говорах «бедный, бедняжка», (тат. литер. мескен, бичара).

Пәрвайсыз [перс. + афф. -сыз] в шарлыкском, мензелинском говорах «беззастенчивый» (тат. литер. эрсез, оятсыз, оялмый торган).

Пуссыз [рус. путь + афф. -сыз] в каргалинском, бугурусланском, дубьязском говорах «бестолковый» (тат. литер. мәгънәсез, мәнсез). *Ул пуссыз қыз булды инде.* – Она оказалась бестолковой девочкой.

Селдерәгән в каргалинском говоре «очень старый, дряхлый – о человеке» (тат. литер. бик нык картайган, эштән чыккан – кеше турында). *Минем кебек селдерәгән қарт булган инде.* – Был таким же дряхлым стариком, как и я.

Мокый в каргалинском, бугурусланском, и в материнском мамадышском и др. говорах «глупый, невежда» (тат. литер. аңгыра, миңгерәү, белексез). Ср. в северо-западном диалекте башкирского языка **моқот** «резкий» [ДСБЯ: 233].

Майрық в каргалинском, бугурусланском, также и в дубьязском говорах «физически слабый, рыхлый» (тат. литер. көчсез, физик яктан йомшак). *Абау, бигрәк майрық инде.* – Ой, какой же слабый. Ср. в южном диалекте башкирского языка **майрық** «хилый» [ДСБЯ: 227].

Очтоқый в каргалинском говоре «кокетливый, жеманный» (тат. литер. кыланчык). *Мақтанчық нәрсә инде бер, очтоқый ул Ғыйрфан.* – Хвастливый человек он, жеманный он, Гыйрфан. Ср. в диалектах башкирского языка **остоқай** 1) «ветренный»; 2) «хвастливый» [ДСБЯ: 254]. Видимо, восходит к корню *оч* «летать, порхать».

Қырқу в бугурусланском, заказанских говорах и говоре нагорных кряшен «крутой, строгий», литер. кырыс. *Балаларға қырқу иде бик.* – Он был очень строг с детьми.

Шыйық «вялый» (тат. литер. сүлпән). Ср.: в сиб. д. **шыйық** «слюна». Видимо в данном случае наблюдается метафорический перенос значения.

Лапақай [угор.] в каргалинском, стерлитамакском, мензелинском говорах «низкорослый», литер. тәбәнәк. *Табанақ йуван кешене лапақай кеше диләр.* – Низкого, тучного человека называют лапақай. Ср. в диалектах башкирского языка **лапағайыу** «стать приземистым» [ДСБЯ: 220].

Лексика с нейтральной оценкой.

В каргалинском говоре значение «каждый, всякий» (тат. литер. теләсә кем, һәркем, теләсә нәрсә) передается словом **тимәбер**: *Тимәбереннән көннәшеп эшләште* – Помог, завидуя каждому. В каргалинском, как и в мензелинском говоре, существует и другое значение слова **тимәбер** «всегда, постоянно, все время» (тат. литер. *гел, һәрвакыт*). Ср. в южном диалекте башкирского языка **тимәбер** в значении «какой-нибудь».

Томсақ в бугурусланском говоре бытует в значении «молчаливый человек» (тат. литер. эндәшми торган кеше). Ср. в диалектах башкирского языка **томса/томһа** «молчун» [ДСБЯ: 322].

Чебек в каргалинском говоре употребляется в значении «тонкий» (тат. литер. нечкә, нәзек). *Бигрәк чебек, бу кыз бала.* – Такая тонкая эта девчушка.

Дөм в татарском литературном языке является усилительным словом, например, *дөм караңгы* «абсолютная тьма». В каргалинском, дубязском говорах диалектный вариант этой частицы **дөмә-дөм** используется как самостоятельное слово, которое имеет значение «слепой» (тат. литер. *суқыр*). Ср.: в восточном диалекте башкирского языка **дөмә: дөмә урман** «темный лес».

Галыйш [от рус. голый] в шарлыкском говоре «голый, в чем мать родила» (тат. литер. ялан, шәрә, шыр ялангач). *Тамагыбыз ач булмады, эстебез галыйш булмады.* – Мы не голодали, и голыми не ходили.

Бырнай (< *борын* «нос» + афф. *-ай*) в шарлыкском говоре «привередливый, разборчивый в еде» (тат. литер. аш талымлаучан).

Чалымға килмәгән в бугурусланском, каргалинском, камышлинском говорах «необычный (о поступке)» (тат. литер. гадәт-тәгечә булмаган, гадәттәгегә охшамаган).

Мумыш [рус. немой] в шарлыкском говоре «немой» (тат. литер. телсез). *Карале, теге мумыш нәрсәдер әйтә бит, амызы ачылган.* – Смотри-ка, этот немой что-то говорит, рот у него открылся.

Сөрийек в каргалинском говоре «говорится о высоком худом человеке» (тат. литер. озын буйлы нечкә кешегә әйтелә). *Кит аннан, сөрийек.* – Отойди оттуда, долговязый.

Ләпәк [мари.] в бугурусланском, мензелинском, байкибашевском, турбаслинском, бирском говорах «низкий, низко, плоский» (тат. литер. тәбәнәк, яссы). *Түбәсе күренеп тора бит ләпәк кенә булып.* – Крышу видно ведь, низенькая.

Рассмотрим также и глаголы, связанные с лексической группой, характеризующей человека. *Глаголы движения:* **шықайу** «убегать» (тат. литер. качу). *Без икенче йаққа шықайдың.* – Мы убежали в другую сторону. **Ләпәү** шрл., стрл., хвл. «ласково пошлепывать, приласкать». *Ул мине йарата иде, арқадан ләпәп кенә йөртә иде.* – Он меня любил, все время ласково пошлепывал по спине.

Биләнү кргл. «задерживаться, застревать». *Мин жайсыз идем, минем арқада гел биләнеп йөри идек.* – Я была нерасторопной, из-за меня мы всегда задерживались. **Лус-лус атлау** шрл., мел., кмшл. «шагать широкими шагами, широко шагать» (тат. литер. эре-эре атлау). *Лус-лус атлап йөри иде иптәшем, айақлары зур булгач, мин қырыннан йөгереп барам.* – Мой муж всегда шагал широко, потому что у него были длинные ноги, я шла бегом рядом с ним.

Лактыру бгрс., кмшл. «выкинуть, выбросить» (тат. литер. ыргыту, ташлау). *Аның қәғәзлзрен лақтырдым да, қайтып киттем әткәйләргә.* – Я выбросила его бумаги и уехала к родителям.

Қымшату кргл., мам. 1) «сдвинуть с места» (тат. литер. кузгату, какшату); 2) «поднять, сдвинуть с места» (тат. литер. кубару, урыннан кузгату); 3) «начать разговор, поговорить» (тат. литер. сүз кузгату, сүз башлау).

Қыдыру «разъезжать, скитаться по свету» (тат. литер. дөнъя күрү, ил гизү). В каргалинском и астраханском говорах данное слово означает еще и «гулять». **Бүкәйләү** кргл., тпк., блт. «ходить на четвереньках». *Шушы йортта бүкәйләп йөрдөм инде мин.* – Вот в этом доме я еще ползал на четвереньках.

Илтәү кргл. «нести, относить; везти, отвозить» (тат. литер. илту). **Имаштыру** бгрс., кргл. «собрать, организовать» (тат. литер. оештыру).

Йыргышу кргл. «возиться, пытаться» (тат. литер. маташу, азаплану). *Ике атна буйы келәт белән йыртышты кийәү.* – Зять две недели возился с ремонтом хлева.

Мәшәләну [араб. + афф. -ләну] кргл., бгрс. «возиться с кем-либо, чем-либо» (тат. литер. маташу).

Нықу бгрс., кргл. «зажать, задеть, толкнуть» (тат. литер. китереп кысу, тию, төртү).

Шаталау кргл. [рус. + афф. -лау] «шагать вкривь и вкось» (тат. литер. кыек-мыек атлау). *Урам буйлап бара теге, шаталап.* – Вдоль по улице идет, шагая вкривь и вкось. **Мыжу** шрл. «копошиться, возиться, медлить, мешкаться» (тат. литер. маташу, акрын кый-мылдау). *Әкрен иде, мыжып йөрде гөмер бие.* – Была медлительна, всю жизнь копошилась. **Пычкыну** шрл. «загрязниться, возиться в чем либо» (тат. литер. быкырдау). *Бу йылгада пычкынышалар балалар.* – В этой речке и возятся дети. **Кеше айагы сил булу** кргл., заказан. «затухать – о шагах, о прекращении ходьбы» (тат. литер. аяк тавышы тыну, хәрәкәт туктау). **Остану** кргл. «держаться за что-либо, цепляться» (тат. литер. тотыну). **Өймәләү** кргл. «упасть навзничь» (тат. литер. чалкан егылу). **Өлтөрәп йөрү** бгрс. «суетиться». **Өшөрү** бгрс., заказан. «отодвигать, отодвинуть» (тат. литер. этәру). **Чөймәләү** кргл., менз. «упасть» (тат. литер. аву, егылу). **Сөйрәкләү** кргл., стрл., менз. «тащить за собой, волочить что-либо» (тат. литер. сөйрәү). **Арқаны тапау** кргл. «похлопывать по спине в знак одобрения» (аркадан кагу, сөю). **Тәкмәч ату** шрл. «перекувыркнуться» (тат. литер. мэтәлу), **Үрмәкләп** бгрс., кргл., стрл., менз. «ползком, на четвереньках» (тат. литер. үрмәләп). **Т'ымай-т'ымай** – «ножками – о детях» (тат. литер. тәпи-тәпи). **Тырканнау** кргл. «прыгать на одной ноге».

Глаголы звучания: **азарлану** [перс. +афф. -лау] кргл., бгрс., нагорн., држ. «бранить, ругать» (тат. литер. ачулану, орышу). **Чагу** кргл., бгрс. «упрекать, обижать словами, корить, бранить» (тат. литер. тел тидерү, битәрләү, әрләү, кимчелек табу). **Параж йебәрү** кргл., бгрс. «передавать теплые слова, писать» (тат. литер. жылы сүз ирештерү). **Жар булу** шрл. «задать жару, сильно отругать» (тат. литер. ачулану, шелтәләү). **Йәркәләнү** кргл. «кривляться, представляться» (тат. литер. узыну, кылану). **Ағыту** кргл. «поддерживать разговор» (тат. литер. сүз куерту). **Жәлкәләнү** бгрс. «кривляться, представляться» (тат. литер. узыну, кылану, кылтау). **Қыйалашу** кргл., бгрс. «пререкаться, прекословить, ссориться» (тат. литер. каршы әйтешү, әйткәләшү). **Қырылу** кргл., блт. «шуметь, поднять шум» (тат. литер. шаулау, тавышлану). В пермском и красноуфимском говорах слово **қырылу** имеет значение «драться, устраивать драку». **Лацгу** шрл. «лясы точить, судачить, болтать» (тат. литер. ләчтит сату).

Глаголы, связанные с психологической характеристикой: **борсалау** бгрс. «беспокоить, тревожить, донимать» (тат. литер. борчу,

аптырату). **Қытымышлану** кргл. «жадничать, скряжничать» (тат. литер. саранлану). **Қыйшаннау** кргл., бгрс., к.-уф., злт. «хвастаться, кривляться» (тат. литер. мактану, кылану). **Қупайу** кргл., злт. «хвастаться» (тат. литер. мактану). **Латына** [рус. лад + афф. -ына] **тешү** шрл. 1. «наладиться» (тат. литер. жайга салыну); 2. «разобраться в чем-либо, понять что-либо» (тат. литер. рәтенә төшү). **Ызалану** кргл., менз., стрл. «мучиться, замучаться» (тат. литер. интегү, газаплану). **Ызығау** кргл. «мучить, замучить, измять» (тат. литер. жәфалау, интектерү, алжыту). **Чин қору** кргл., бгрс. «потерять авторитет» (тат. литер. дәрәжә төшү). **Адаландыру** бгрс., менз., чст., мел. «заставить полюбить, увлечь за собой кого-либо» (тат. литер. яраттыру, үзенә карату). **Жиксенү** кргл., бгрс., менз., стрл. «считать для себя затруднительным, не хотеть» (тат. литер. авырсыну, теләмәү). **Бырлыгу** шрл. «беспокоиться, волноваться, печалиться» (тат. литер. борчылу, күңелсезләнү). **Энелү** кргл. «успокоиться» (тат. литер. тынычлану). **Ирегү** кргл., крш., тюм. «томиться, истомиться, заждаться, соскучиться» (тат. литер. зарыгу, тансыклау). **Ирештерү** бгрс., кргл., стрл., злт. «дразнить, злить» (тат. литер. үчекләү, үртәү). **Исләү** кргл., шрл., нгб.-крш. «замечать, обратить внимание, приметить» (тат. литер. искәрү). **Йантайу** шрл., трх. «кривляться, поясничать» (тат. литер. кылану). **Йыбану** 1) кргл. «томиться, истомиться, заждаться, соскучиться» (тат. литер. тансыклау, зарыгу); 2) кргл., злт. «задерживаться, застревать» (тат. литер. тоткарлану). **Йылмырау** кргл. «улыбаться» (тат. литер. елмаю). **Чалымлану** бгрс. «ссориться» (тат. литер. ызгышу). **Авышу** бгрс. «ладить с кем-либо» (тат. литер. килешү). **Аңгыру** бгрс., трх., злт., перм., нгб.-крш., астр., ичк., сиб. д. «понять» (тат. литер. аңлау, төшенү). **Покорлау** кргл. 1) «беспокоить» (тат. литер. борчу); 2.) «трепаться, растрепаться» (тат. литер. тузгу). **Семәйү** бгрс., бирск. «унывать, печалиться»

По результатам анализа единиц диалектных лексем татарских говоров Оренбуржья, которые характеризуют человека, видно, что лексемы с отрицательной оценкой в количественном соотношении преобладают над лексемами, которые выражают положительную оценку. Такие показатели позволяют сделать выводы о том, что преобладание наименований с отрицательной оценкой показывает стремление носителей говоров к идеальному человеку. Что в свою очередь отражает языковую картину мира татар Оренбуржья, по-

звояет указывать на свойства и особенности, отклоняющиеся от норм и идеалов, и позволяет давать им наименования, отражающие отношение носителей к этому качеству. При сопоставлении лексики татарских говоров Оренбуржья и татарского литературного языка, других говоров татарского языка, с пограничными языками (башкирским, русским, казахским и др.), выявилось наличие междиалектных параллелей, что объясняется тесным общением их в общей географической среде, обменом хозяйственно-культурным опытом. Наблюдается также изменение смысловых оттенков некоторых лексем и сохранение в татарских говорах Оренбуржья основных форм и значений слов материнских говоров.

Выводы по второй главе

Таким образом, по составу названий частей тела татарские говоры Оренбуржья совпадают с татарским литературным языком (*баш*, «голова», *кул* «рука», *беләк* «локоть», *уч* «ладонь», *бармак* «палец», *аяк* «нога», *сөяк* «кость», *сеңер* «сухожилие», *жңилек* «костный мозг», *арка* «спина», *кабырга* «ребро», *бөөр* «почки», *йөрәк* «сердце», *куз* «глаза», *колак* «ухо», *борын* «нос» и др.).

Диалектизмы в основном употребляются при обозначении отдельных частей тела или их составляющих (*беләзеклек* «запястье», *дөбә* (*кабыргасы*) «нижнее грудное ребро»). Значение отдельных составляющих некоторых частей тела передаются словосочетаниями (*уч табаны* «середина ладони», *урта тийәк* «средний палец», *айақ бите* «верхняя часть стопы ноги», *сакал севәге* «подбородочная кость», *арқа үзәге* «спинной хребет» и др.). Как известно, изафетные словосочетания превращаются в сложные слова (*йанбаш* «тазовая кость», *йаналыш* «дыхание», *айагасты* «ступня, стопа, подошва ноги» и др.).

Диалектная лексика довольно активна и в составе тематической группы, связанной с характеристикой человека, его нрава, состояния и т.д. Как показали исследования, данная группа состоит в основном из производных слов (*очтықай* «кокетливый», *қырқу* «крутой», *томсақ* «молчаливый», *баплы* «способный», *дәүерле* «крепкий», *шөкәтсез* «плохой» и др.). Активно выступают и заимствования (*дастуй* «рослый, здоровый», *дәллә* «сильный», *пәрвайсыз* «беззащитный», *лапақай* «низкорослый», *галыйш* «голый» и др.).

В данной группе обнаруживается значительное число глаголов, образованных на основе звукоподражаний и имитации и т.д. (*лэнгә* «ласково пошлепывать, приласкать», *лус-лус атлау*. «шагать широкими шагами, широко шагать», *т'ымай-т'ымай* «ножками – о детях» и др.), большинство из них (кргл. и бгрс.) имеют общность с материнским мамадышским говором (*қымышату* кргл., мам. 1) «сдвинуть с места» 2) «поднять, сдвинуть с места»; 3) «начать разговор, поговорить»; *өшөрү* бгрс., заказан. «отодвигать, отодвинуть»; *кеше айагы сил булу* кргл., заказан. «затухать – о шагах, о прекращении ходьбы» и др.). Также и в шарлыкском говоре есть аналогии с материнскими говорами (*пычкыну* шрл., кузн. «загрязниться, возиться в чем-либо», *тәкмәч ату* шрл., држ. «перекувыркнуться», *бырлыгу* шрл. «беспокоиться, волноваться, печалиться» и др.

Как свидетельствует анализируемый нами материал, в татарских говорах Оренбуржья обнаруживаются оригинальные слова и выражения, обозначающие части тела и характеризующие человека с различных точек зрения.

Глава 3 ЖИВАЯ И НЕЖИВАЯ ПРИРОДА

3.1. Лексика, связанная с явлениями природы

Климатическая и ландшафтная лексика является одной из древних и устойчивых пластов, который свидетельствует о жизни носителей языка. Народные названия географии и метеорологии – один из обширнейших информативных лексических источников, который заключает в себе не только сведения о климатических условиях и географических особенностях проживания отдельно взятого этнического состава определенного ареала, но также и его связях (прежде всего языковых) с другими членами общества [Флягина 2004: 5], о духовной культуре носителей языка.

В татарских говорах Оренбуржья для обозначения природно-климатических явлений используются слова: *зэрэ* «яркое освещение горизонта перед восходом солнца», *зэрэ йарылу* «рассветать», *кен зэрэсе* «дневной свет», *жар* «жарко», *тушина* «тяжело для дыхания», *айаз ачу* «проясниться (о погоде)», *томрау/тымрау* «обволакивать тучами», *мажагай* «зарница», *ырашкы* «атмосферные осадки в виде округлых частичек льда» и др. Также в эту группу входят пространственно-временные понятия, характерные для исследуемых говоров: *шэйеп*, *тақан*, *тайық*, *тике*, *чэкле*, *чикле* «до»; *тәү*, *пирут* [рус.] «сначала, прежде»; *элкүк* «еще раньше»; *тора салып* «вдруг, неожиданно»; *аннан кире* «потом, затем»; *башала*, *тепте*, *төң*, *дөм*, *мысе* [рус.], *төпкүтәрә* «совсем»; *тирэдә*, *эргэдә* «рядом, около»; *алыс* «далеко»; *йагалап* «стороной, по краю»; *артлата*, *сырт* «задняя часть чего-либо»; *өйөрәм* «сплошь»; *жиге-жиге белән* «детально»; *бүләк* «отдельно» и др.

Зэрэ в шарлыкском говоре «освещение горизонта перед самым восходом солнца». Ср.: в сергачском говоре и говоре нагорных крышен **зар'а** «заря». Заря воспринимается носителями как определенное явление природы, при котором происходит некое раскалывание, в результате которого проявляется свет, о чем ярко свидетельствуют выражения в шарлыкском и стерлитамакском говорах **зэрэ йарылу**. Ср.: **зар'а йарылу** (срг.), **зэрэ беленү** (чпр.) «рассветать».

Кен зэрэсэ «дневной свет» в шарлыкском говоре. *Кен зэрэсэ беткэч, куркыныч була.* – Когда опускаются сумерки, становится страшно. Таким образом, в переселенческом шарлыкском говоре у слова *заря* расширилась деривация и обогатилась семантическая функция.

Жар (от рус. жара) в каргалинском, также и в мензелинском говоре «жарко». В шарлыкском говоре на основе данной лексемы образовано словосочетание **жар бирү** «задать жару, сильно отругать»: *Жар биреп китаргэ иде тегеңэ.* – Хотел жару дать ему. Ср.: в сергачском говоре **жар алу** 1) «стать жарко», 2) «получить солнечный удар», **жар суктыру** в том же значении. **Тушна** в шарлыкском говоре имеет значение «тяжело для дыхания». Дериват данной лексемы **тушналау** отмечен в кузнецком, хвалынском и лямбирском говорах. Необходимо отметить, что многие лексемы данной группы восходят к русскому языку: *жар* > рус. *жара*, *тушина* > рус. *душно*.

Довольно обширно представлена группа лексем, которые выражают атмосферные осадки и явления, связанные с ними. **Томрау/тымрау** в шарлыкском говоре, а также в кузнецком и хвалынском говорах «обволакивать тучами», в кузнецком говоре используется также вариант **турсайу**. Слово *томрау* Р.Г. Ахметьянов указывает на связи с *томарау* «обволакиваться», предоставляя к примеру якутское слово *тумарый* «загуманиться» и делает предположение о существовании другого слова *томыр* со значением «закрытый». [Ахметьянов 2001: 204]. Вероятнее, что *томрау*, так же как и *томан*, образовано от глагольной основы *том-* «обволакиваться», что так же находит отражение в работе А.Г. Казихановой [Казиханова, 2011: 108].

Айаз ачу в шарлыкском говоре, и также в стерлитамакском, хвалынском говорах имеет значение «проясниться (о погоде)». Лексема образована от тюркской основы *ajaz* «ясный, безоблачный» производной от корня *aj* [Мусаев, 1984: 44].

Брашкы «атмосферные осадки, представляющие собой круглые частички льда» в шарлыкском, также и в камышлинском говорах. В златоустовском говоре используется вариант **рашкы**. Любопытны параллели этого слова: **чирахман** (тмн., лмб., кузн.), **чырахман** (лмб.), **шишара** (чст.) «град, дождь с градом». Интересно, что в шарлыкском говоре слово **чирахман** обозначает растение «лопух». Слово *чирахман* употребляется также и в мордовском языке в значении «осадки, град».

Как и во всех местах проживания татар, в Оренбургской области зарница достаточно распространенное явление: **мажагай** в каргалинском говоре: *Мажагай ашлык йеткәндә ачыла да йабыла.* – Зарница появляется и исчезает в то время, когда поспевают хлеба; **нэжагай** в шарлыкском говоре. *Арыш чәчкә аткан вакытта нэжагай була.* – Зарница играет, когда цветет рожь. Ср.: **йәшен** (стрл.), **арыш йәшене** (чст.), **коро йәшен** (кузн., хвл., чст.), **күгәвен йәшене** (стрл.), **читлавык йәшене / чикләвек йәшене** (кузн.), **читлавык йәшене** (тмн.), **айаз йәшен** (држ.), **млән'жа** (рус молния) (стрл.), **сөмәнди** (мел.), **эрәжә** (стрл.), **ыржа йәшене** (стрл.), **жамай** (стрл.), **эжегән** (чст.) «зарница». Как пишет К.М. Мусаев, общетюркское значение зарницы отсутствует [Мусаев, 2008: 42].

Лексика говоров части населенных пунктов в Оренбургской области, расположенных довольно близко к водным объектам, содержит определенное количество названий гидрообъектов и их частей. Лексика, отражающая водные объекты, включает в себя слова *бума* «пруд», *шәр* «вода, наледь, выступившая из льда», *типкен* «разлив реки, расстилавшийся после половодья или запружения», *бутык* «мутный – о воде», *сыйа булып төшү* «лалина, половодье, стекающее с горы после проливного дождя или наступления весны», *қолороқ* «разлив реки, расстилавшийся после половодья или запружения» и др.

Бума в шарлыкском говоре «пруд», аналогичный термин бытует и в кузнецком, хвалынском, лямбирском и др. говорах. *Бул'дозир бума буварга китте.* – Бульдозер поехал рыть пруд. **Шәр** в шарлыкском говоре, а также в пермском, златоустовском, бирском говорах «вода, наледь, выступившая на льду»: *Боз өстенә шәр чыккан инде.* – На льду уже выступила вода (шрл.).

Типкен в бугурусланском говоре, а также в мензелинском, златоустовском и стерлитамакском говорах «разлив реки, расстилавшийся после половодья или запружения»: *Суны бугач, кирегә агувын дә типкен диләр.* – Когда реку перекрывают, вода течет обратно – это мы тоже называем *типкен*.

Бутык в шарлыкском говоре «мутный – о воде»: *Су бутык түгелме сон?* – Вода разве не мутная?

В бугурусланском говоре **сыйа булып төшү** обозначает «лалина, половодье, стекающее с горы после проливного дождя или наступления весны»: *Шәп йаңгыр йава, қояш қыздыра, тирә йақтан*

су төшә, шуны сыйа булып төшү дибез. – Сильный дождь, солнце печет, вокруг лавиной стекает вода, вот это мы и называем лавиной.

Лексема **колорок** имеет значение «подводное углубление у берега реки» в мамадышском говоре и говоре нагорных кряшен, в каргалинском и бугурусланском говорах эта лексема обозначает «тихий уголок, закуток, закоулок». В данном случае слово приобрело иную семантику в переселенческих говорах Оренбуржья, где сема «тихий уголок» оказалась общей для указанных значений

Терминология географических объектов татарских говоров Оренбуржья в основе своей общетюркская, наряду с этим, в ней наблюдаются и узколокальные лексемы. Народные названия географических объектов претерпели изменения также в результате взаимовлияния с другими языками. Чем объясняется разнообразие и неоднородность лексического состава исследуемой диалектной группы слов, отражающей рельеф местности: *уй* «равнина», *уйаз* «низменность», *астыр* «низменность», *чүгәрмәк* «низина, лощина», *дала* «поле», *йапан* «поле», *уба* «вершина холма, возвышенность, возвышенное место», *қырыннык* «наклонное место», *қомақ* «песчаный», *лай* «глина», «ил, грязь», *мәте* «жидкая грязь», *чүкрақ* «грязь, глина», *гал'ык* «галька», *йырын* «рытвина, канава, овражек», *дәңгезлек* «ухабы, рытвина, колдобина», и др.

Например, группу со значением «равнина» образуют лексемы **уй** в шарлыкском, а также в лямбирском, кузнецком, темниковском и др. говорах. Это еще раз доказывает устойчивость особенностей в переселенческих говорах.

В каргалинском говоре для обозначения понятия «низменность» используются следующие лексемы: **уйаз** – *Уйаз инде анда жир.* – Земля там низменная. **Астыр**: *Мыни мы астырда гына элеке ил урыны.* – Вот на этой низменности было расположено прежнее место (нашей) деревни. В данном примере слово **ил** выступает в значении «деревня», характерном для бугурусланского, шарлыкского, мензелинского и других говоров. В бугурусланском говоре отмечена лексема **чүгәрмәк** «низина, лощина». Интересен факт использования в темниковском, лямбирском, кузнецком, сергачском и др. говорах усеченного варианта **уй**. Как и в каргалинском говоре, лексема **уйаз** восходит к общетюркскому *ōj* «ложбина, котлован». Слово обнаружено уже в древнетюркских памятниках и имеет аналогичную форму почти во всех тюркских языках (алт.,

ккалп., каз., кар., кач., кбалк., койб., кум., чаг., турк., ног., узб., уйг., хак., тув. и др.), кроме тат. и башк. *иј* (откуда чув. *иј* «поле»), представляющее именное соответствие глагольному корню «долбить, ковырять, копать, рыть» и т.д. [Добродомов, 2008: 115]. Ср.: **түбәнчек** (стрл.; менз.), **уйдым** (м.-кар.) «низменность».

В бугурусланском, каргалинском говорах **ур** «глубокая канава». В данном случае проявляется общность с другими говорами, затоустовский говор **ур** – в том же значении, в сибирских диалектах **оро** «яма, рытвина». В тюркских языках бытуют разные фонетические варианты данного слова с общей семой «яма»: башк. *ур*, казах., ккалп., кирг. *ор* «яма, ров», алт. *оро/ора* «яма», кбалк. *уру* «яма», шор. *ора* «длинный овраг», туркм. *уры* «яма для хранения зерна», др.-тюрк. *ори* «яма для хранения овощей» [ДТС, 1969: 371].

В каргалинском говоре слово **дала** в значении «поле» (в татарском литературном языке слово **дала** обозначает «степь», а в значении «поле» употребляются лексемы *кыр*, *басу*): *Иртәгә көн матур булса, далага чыгарсыз*. – Если завтра погода будет хорошая, то выйдете на поле.

В бугурусланском говоре в данном значении используется слово **йапан**, встречающееся также в хвалынском, мелекесском, пермском и др. говорах: *Йапаннан йапанга йөри идек*. – Раньше ходили из поля в поле. Ср.: **йафан** (кузн., хвл.), **даңгыл эстип** (тмн.), **дэңгел эстип** (срг.) «голая степь». Особенностью этой лексико-семантической группы является то, что основной состав родовых терминов, представляют собой тюркские, исконные слова, хотя часть образуют заимствования. Например, слово *йапан* и ее фонетический вариант *йафан* исследователи связывают с перс. *бийабан* «голая степь» [Ахметьянов, 2001: 264]. *Эстип* восходит к русскому *степь*. Дериват *түбәнчек* является суффиксальным образованием от *түбән* «низкий».

Антонимичное значение, обозначающее «возвышенность», в каргалинском, бугурусланском говорах передается лексемой **уба**, которая имеет значение «вершина холма, возвышенность, возвышенное место»: *Оно уба бар анда, шуның артында мәчет иде*. – Вот там возвышенность, за ней раньше была мечеть. Довольно активное употребление слова **уба** отмечено в стерлитамакском, тобольском и тевризском говорах.

Кырыннық в каргалинском говоре употребляется для обозначения «наклонного места»: *Кырыннық қына ул, теге йаққа сарқу тугел, бу йаққа сарқу.* – Это только наклонное место, наклоняется не в ту сторону, а в эту.

Необходимо указать отличия татарских говоров Оренбуржья по составу лексико-семантической группы, связанной с видами почв.

Қомақ в каргалинском говоре «песчаный»: *Ылғый қомақ иде бездә.* – Раньше берег был у нас только песчаным.

Лай в каргалинском и бугурусланском говорах (тат. литер. **лай** «ил, жидкая грязь») 1. «глина» (литер. *балчык*), 2. «ил, грязь» (литер. *ләм, баткак*): *Сезнең бутыйларыгыз лай тулыдыр инде.* – Ваши ботинки наверно полны грязи (кргл.).

Мәте в каргалинском и также в стерлитамакском, курмантауском [Булатова, 2013], златоустовском и др. говорах употребляется в значении «жидкая грязь».

Чукрақ в каргалинском и бугурусланском говорах имеет два значения: 1) «грязь, глина»; 2) «неаккуратный, неряшливый», возможно, это переход от субъекта наименования к объекту, т.к. неаккуратный человек всегда имеет дело с грязью.

В шарлыкском говоре **гал'ык** [рус.] «галька»: *Өй башын йапканда эстенә гал'ык сибәсең.* – Когда кроешь крышу дома, насыпашь гальку.

Группа лексем со значением «выбоины на дороге, рытвины, ухабы». В каргалинском, бугурусланском говорах **йырын** «рытвина, канава, овражек» (тат. литер. *ерганак* «овраг, пробоина, рытвина»): *Без печән чапқан йырын бу.* – Это овражек, где мы косили сено.

Дәңгезлек в шарлыкском говоре «ухабы, рытвина, колдобина». Ср.: *враг* (лмб. кузн.), *врак* (лмб., кузн.), *бырак* (кузн.), *чогор* (стрл.) «овраг», *жытқы* (перм.), *жырынды* (перм.) «овражек».

Основным пластом лексики природно-климатических явлений являются тюркские слова и корни (*уй* «равнина», *уйаз* «низменность», *уба* «вершина холма, возвышенность, возвышенное место»). Обнаруживаются также и параллели с монгольскими языками (*қырыннық* «наклонное место», монг. *хээр* «степь, поле»; *қомақ* «песчаный», монг. *qитаq* «песок»). Отмечаются и узколокальные лексемы, характерные для данной местности (*кен зәрәсе* «дневной свет», *тушина* «тяжело для дыхания», *айаз ачу* «проясниться

(о погоде)», *бутык* «мутный – о воде», *сыя булып төшу* «лавина, половодье, стекающее с возвышенностей после проливного дождя или наступления весны», *қолороқ* «разлив реки, расстилавшийся после половодья или запружения», *астыр* «низменность», *мәте* «жидкая грязь», *чуқрақ* «грязь, глина») и др.

3.2. Слова, связанные с растительным миром

Названия растений, которые произрастают на территории расселения татар Оренбуржья, являются неотъемлемой частью словарного состава лексики. Подавляющее большинство их составляют общетюркские слова и корни. Значительная часть их приходится на местные образования.

Названия деревьев. Для обозначения общего названия дерева в татарских говорах Оренбуржья бытует общетюркское слово **ағач**. Названия деревьев в основном совпадают с литературными эквивалентами, хотя обнаруживаются и диалектные слова: *қарагай* «сосна», *қайын* «береза», *чаган* «клен», *татар чаган* «черноклен», и др.

Рассмотрим подробнее некоторые названия деревьев, характерные для исследуемых говоров.

Чаган в бугурусланском, каргалинском говорах, как и в смежном мензелинском, камышлинском, бирском, пермском говорах, «клен» (тат. литер. өрэнге)»черноклен, татарский клен». Параллели лексики *чаган* имеются в монгольском языке [Бурганова, 1976: 144].

Қарагай (< *қара* «черный, густой, темный» + афф. *-гай*) в каргалинском, шарлыкском говорах, а также в других татарских говорах Приуралья, сибирских диалектах «сосна» (тат. литер. нарат). В татарском литературном языке данное слово обозначает «лиственницу». Ср.: *карагай* в ног., кум., ккалп., алт., хак., узб., башк., уйг. «сосна», в кирг., уйг. диал. «ель». Словоформа *қарагай* представлена во всех тюркских языках, кроме юго-западных огузских, сопоставляется с монгольской формой *харагай*, в ограниченном распространении «лиственница», «сосна», «ель или лиственница, хвойное дерево» [Фасмер, 2004: 292].

Чаука в бугурусланском, шарлыкском говорах «березовая роща», как и в других говорах, распространенных на территории юго-западного Башкортостана. В сибирских диалектах распространен вариант **цауыл** [Насибуллина, 2001: 35]. В пермском, ич-

кинском, златоустовском говорах в значении «береза», «березовая метла» бытует *ч*-вариант лексема: *чауыл*. Ср.: башк. *саука/сауыл* «молодой березняк», алт. *чаал* «низкий березняк», «молодое дерево» [Рамазанова, 1982: 11].

Названия орехов. Чиртләвек в каргалинском и бугурусланском говорах «орех» (тат. лит. чикләвек). *Чиртләвек күп булды, қапчық-қапчық жыйдық.* – Орех уродился, собирали мешками (бгрс.). В бугурусланском говоре бытует также вариант **чики**, характерный для материнского мамадышского, также и нурлатского говоров в том же значении.

В шарлыкском говоре **әкәлә** обозначает «желудь», отмеченный и в материнских заказанских, также и хвалынском, кузнецком, карсунском говорах. Ср.: в пермском говоре **әкәлә** «шишка некоторых деревьев», в мамадышском говоре «сережка – у березы».

Мәмәй в каргалинском и златоустовском говорах «горошины просвирняка приземистого» (тат. литер. *песи борчагы*): *Песәй йафрагының мәмәйе була бит.* – У просвирняка приземистого бывают горошины. Интересно, что в татарском литературном языке слово **мәмәй** обозначает «еда, лакомство (на детском языке)». В данном случае наблюдается переосмысление значения слова в татарских говорах Оренбуржья. Вообще в названиях растений активно выступает местное словотворчество. Ср.: **сәдәп үлән** (красноуф., злт.), **садап печин** (перм.), **песи катламасы** (менз.), где проводятся аналогии с формой пуговицы и лепешки.

Названия кустарников и ягодных культур. Большинство названий кустов и ягод совпадают с лексемами татарского литературного языка, но имеются и отличия.

Общее понятие «куст» передается термином **куак**, т.е. как и в татарском литературном языке. Названия кустарников включают в себя такие слова: *камыр жимеше, алморон, гәлйемеш, үгез күзе, шупин, шыпый* «шиповник», *майран* «боярышник», *шелек* «карагана кустарниковая, дереза», *уйылдык* «место, где много ягод» и др.

В шарлыкском говоре западного диалекта в значении «шиповник» употребляются следующие лексемы: *камыр жимеше, алморон, гәлйемеш, үгез күзе, шупин, шыпый*. **Алморон** (образовано от *ал* «алый» + *морын* (фонетический вариант слова *борын*) «нос») «шиповник» (тат. литер. *гәлжимеш*).

Үгез күзе в шарлыкском говоре, также и во многих говорах западного диалекта «шиповник». **Камыр жиләге** в шарлыкском и смежном стерлитамакском говоре «шиповник». *Чәнечкеле ал чәчәк ата камыр җиләге*. – Шиповник цветет алыми цветами с шипами. В мензелинском говоре в том же значении отмечен вариант **камыр жимеше**. Представляет интерес бытование выражений и слов с основой **камыр**: в тепекеевском говоре **камыраш**, в пермском **камырлавык**, в шарлыкском встречается вариант **камырлык**. В мензелинском говоре **камырлык** обозначают растение «боярышник». Здесь наблюдается смена семантики слова, однако общая сема сохраняется: мякоть ягод сравнивается с тестом.

Термины **шупин/шыпый** восходят к русскому шиповник. Например, *Шыпый чәчәг атса, хәтта исе әйбәт була*. – Когда цветет шиповник, распространяется очень вкусный аромат.

Майран в каргалинском говоре «боярышник» (тат. литер. дүләнә): *Майран балан кебек сары төстә була*. – Боярышник как калина бывает желтого цвета. Ср.: в тарханском говоре **майар миләше** «бузина» (тат. литер. карга миләше). Слово **майран** образовано от *майар* – фонетического варианта русского *бояр*. В каргалинском и бугурусланском говорах на основе данного слова образовано словосочетание **байар шелеге (шөлеге)** «желтая акация». Ср.: в материнском мамадышском говоре **байар ағачы**, в чистопольском **байар кувагы** «желтая акация», в чистопольском говоре **байар мәләше** «бузина». М.В. Фасмер указывает, что русское *боярин* из кокандск., башк., тат., туркм., азерб. *bajar* «хозяин; русск. офицер; чиновник», указывая источник в др.-тюрк. *bai* «знатный, богатый» + *-är*, т.е. «знатный человек».

Уйылдық в каргалинском говоре «место, где много ягод». *Йақын килмәгез, дисең, уйылдық тапсаң*. – Говоришь, чтобы не подходили близко, если найдешь ягодное место. Ср.: в златоустовском говоре **уйдым** в том же значении.

Названия трав и цветов. В каргалинском, бугурусланском, шарлыкском говорах общее понятие трава передается терминами **үлән, ут, печән, суданка**. К названиям трав и цветов относятся слова: *мышкы* (< морд.) в шарлыкском, также и в темниковском, лямбирском, кузнецком, хвалынском, чистопольском, карсунском говорах «конопля». *Қуйан солосы* в каргалинском и бугурусланском говорах «овсюг опущенный» (тат. литер. – кара солычаның бер төре). *Қыр*

кишере в каргалинском и бугурусланском говорах «бутень клубненосный» (тат. литер йонлы бэрэнге), т.е. клубни и листья этой травы сопоставляются с морковью. *Кучан* «лопух» (имеется в виду лопух первого года, корень которого съедобен). *Чэй үләне / казчэй* в каргалинском, бугурусланском и нижнекамско-кряшенском говорах «осот полевой» (тат. литер. сөтле билчән). *Сүвәрби / сийәрби* в шарлыкском говоре «свербига восточная» (тат. литер. какы), твр. *сийәрби* в том же значении. *Төймәле баш* в бугурусланском говоре «василек луговой» (тат. литер. зәңгәр болын чәчәге). *Йара үләне* в каргалинском, бугурусланском, также и в мамадышском и пермском говорах «подорожник» (тат. литер. бака яфрагы). *Дуңгелди* в шарлыкском, также и в лямбирском и кузнецком говорах «просвирняк» (тат. литер. песи борчагы). *Дурман* в каргалинском говоре «белена» (тат. литер. тиле бэрән орлыгы). *Кузгылдак* – «щавель кислый» (тат. литер. эче кузгалак). *Камыш чәчәге* «сусак зонтичный», *күрән* «войник тростниковидный», *сарана* «лилия сарана», *ут чәчәге* «чертополох курчавый», *чебен кувагы* «спаржа», *чыпчык үләне* «незабудки», *эби серкәсе* «пастушья сумка», *үгәйинә йафрагы / бақа йафрагы* «мать-и-мачеха», *андыз* «девясил британский», *бүтәкә* «белоус», *йөннекәй* «бутень клубненосный», *қамчау үләне* «ярутка полевая», *қамыш башы* «вейник тростниковидный», *чэй* «тысячелистник», и др. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Мышкы (< морд.) в шарлыкском, также и в темниковском, лямбирском, кузнецком, хвалынском, чистопольском, карсунском говорах «конопля» (тат. литер. киндер). *Элгәре заманда чәчәләр иде мышкыны*. – Раньше сеяли коноплю. В шарлыкском, также в мензелинском, карсунском говорах **мышкы** «конопляное волокно, пакля» (тат. литер. киндер сүсе). *Киндерашыны тау башында жәйеп киптерәләр, талкыйлар, талкысы төшә, мышкысын эрлиләр*. – шрл. В карсунском говоре данное слово имеет значение «стебель конопли». В указанных говорах используется также вариант **мошкы**. В бугурусланском, шарлыкском и в смежном стерлитамакском, также и в кузнецком говорах на основе данного слова возникло выражение **кара мышкы / кара мошкы** со значением «конопля, не дающая семена, посконь, дерганцы», **сары мышкы / сары мошкы** со значением «семенная конопля; матерка, матка», **кыр мошкысы** в шарлыкском и стерлитамакском говорах «дикая конопля».

Лексема **йара үләне**, по нашему мнению, восходит к тюрк. (туркм., гаг., аз., кум., ног., узб., уйг. диал.) *йа:ра* 1) «рана» (во всех источниках); 2) «порез» (турк., тур., аз.); 3) «язва» (аз., гаг., кирг., каз., ккалп.); 4) «болячка» (аз., гаг., кирг., ккалп., узб.). С древнейших времен известно использование листьев подорожника как ранозаживляющее средство, что и отражается в данном названии.

Бүтәкә в каргалинском, бугурусланском говорах «белоус» (тат. литер. акмыек). *Бүтәкәләр күтәрелә йәм йәшел булып, көз йаңгырлар булса.* – Если пройдут осенние дожди, то поднимаются зеленые белоусы. В татарском литературном языке **бүтәкә** обозначает «желудок – у птиц».

Дурман ядовитое растение из семейства пасленовых с одуряющим запахом; белена. Н.К. Дмитриев относит дурман к словам, для раскрытия этимологии которых требуется дополнительные материалы. Персидское *дәрман* «лекарство, средство, способ», вошло в русский язык в смысле «снадобье, зелье». Ср. Радлов *дәрман* (тур., аз., из перс.) «лекарство, средство». Наоборот, М.В. Фасмер считает, что дурман является скорее русским новообразованием от *дурной*, *одурять* чем тюркское заимствование от перс. *дәрман* [Шипова, 1976: 130].

В данную лексико-семантическую группу входят также единицы, выраженные глаголом и другими частями речи: **пыжу** в каргалинском, бугурусланском говорах, также и в мензелинском, стерлитамакском, байкибашском и др. говорах «вянуть» (тат. литер. шиңү); **пукран** в шарлыкском, также и в стерлитамакском, лямбирском говорах «недозрелый, неспелый, зеленый – о ягодах», в бугурусланском говоре в данном значении употребляется лексема **туң**, как и в пермском говоре; **ыйыган** в каргалинском говоре «уродиться – о травах»; **түлләнү** «завязываться – о плоде» (кргл.); **чат** в каргалинском и шарлыкском говорах, как и в материнском мамadyшском говоре «ветвь»; **жиләк иләве** в каргалинском говоре «ягодник». Ср.: башк. **кырмайска иләве** «муравейник».

Наши исследования семантики лексем, связанных с растительным миром подтверждают выводы А.Г. Казихановой о преобладании принципа номинации в названиях растений в основном по внешним признакам: цвет растения или его частей, запах, форма цветков, лечебные свойства, место произрастания, съедобность/ несъедобность и т.д. А.Г. Казиханова пришла к выводу о том, что

каждая группа и даже более частные подгруппы специфичны [Казиханова, 2011: 14]. Так, в говорах Оренбуржья большая часть названий шиповника, как выявлено нами, образуется с зоокомпонентом (*камар жыләге, алморон*) или по модели зооним + соматизм (*үгез күзе*) и т.д. Растения семейства крестоцветных чаще образуются по модели зооним + фитоним (*камар жыләге, қуйан солосы, йара үләне*). Названия растений семейств бальзаминовых, геснериевых, розоцветных, как правило, имеют в составе компонент *гөл* «цветок», который употребляется по отношению к комнатным растениям: *тамчы гөл, йүкә гөле, йаран гөле, кычыткан гөле* и др., т.е. для номинации по внешнему виду в фитонимической лексике более актуальным является сравнение с уже известными представителями флоры и фауны.

Как видно, из вышеизложенных примеров, большую часть лексем, связанных с растительностью, составляют общетюркские слова (*қайын, қарагат, ут*). Имеются и слова, специфичные для территории Оренбуржья (*чай* «тысячелистник», *бүтәкә* «белоус», *йөннекәй* «бутень клубненосный», *чебен кувагы* «спаржа», *майран* «боярышник», *уйылдык* «место, где много ягод»).

В данной тематической группе более активно выступает местное словотворчество (*мәмәй* «горошины просвирняка приземистого», *қыр кишере* «бутень клубненосный», *үгез күзе* «шиповник» и др.). Местным названиям растений присуще оригинальные принципы номинации (*камыр жимеше* «шиповник», *йара үләне* «подорожник», *төймәле баш* «василек луговой» и др.).

Для данной группы характерно наличие финно-угорских и русских заимствований, отдельные из которых встречаются крайне редко (*сүwärби* «свербига», *шупин/шытый* «шиповник», *мышкы* «конопля» и др.).

3.3. Зоонимическая лексика татарских говоров Оренбуржья

Названия животного мира, будучи одним из древнейших пластов лексики, издавна привлекают внимание многих ученых. В отечественном языкознании имеется значительное количество трудов, в той или иной мере посвященных данной группе лексики. Изучение различных аспектов русских названий животных отражены в работах О.Н. Трубочева [1960], А.М. Щербак [1961],

Г.Ф. Одинцовой [1970], Е.А. Гутман, М.И. Черемисиной [1970, 1972], Л.С. Войтик [1972], Н.Ф. Зайченко [1983], Е.А. Косых [1994], О.Б. Абакумовой [1994], О.В. Белова [1996], Т.В. Шведчиковой [1998], Е.А. Косильшук [1999], А.А. Киприяновой [1999], С.Р. Тлехатук [2001], И. Устуньер [2004] и др.

Представляют большой интерес исследования, посвященные лингвистическому анализу зоонимов-тюркизмов в русском языке, например диссертации Д.С. Сетарова [1971; 1992]. Серьезную в тюркологическом масштабе работу по исследованию тюркской лексики фауны проделали А.М. Щербак [1961], К.М. Мусаев [1975], К.Ибрагимов [1975].

Названия животных ряда тюркских языков изучены в виде отдельных монографий: башк. [Э.Ф. Ишбердин, 1969; У.Ф. Надергулов, 2000], узбек. [Т. Урунов, 1964; Т. Ходжамбердыев, 1974; П. Сафаров, 1990], казах. [Ш. Жанабилов, 1982; О. Токхожаева, 1991], карач.-балк. [М.З. Улаков, 1983], туркм. [П. Аширов, 1971], кирг. [Т. Дуйшеналиевой, 1969, Г.Т. Кушбакова, 1992].

В татарском языкознании сведения о зоонимической лексике можно найти в работах Э.М. Ахунзянова [1955, 1968], Л.Т. Махмутовой [1962, 1978, 1979], Р.Г. Ахметьянова [1969, 1978, 1989], Т.Х. Хайрутдиновой [1985], Х.Ч. Алишиной [1994], З.Р. Садыковой [1994], Д.Б. Рамазановой [1996], А.Р. Рахимовой [2001] и др., в которых освещается лексическая система определенного диалекта или говора. В монографии З.Р. Садыковой [1994] «Зоонимическая лексика татарского языка», названия животных и термины пчеловодства впервые исследуются в наиболее полном объеме в синхронном и диахронном аспектах, анализируется большой фактический материал по говорам и памятникам литературы в сравнении с тюркскими и нетюркскими языками. Также у этого автора есть статья «Ареальное употребление некоторых названий домашних животных в татарских говорах», где дается лингвистический анализ отдельным названиям, определяется ареал их употребления [Садыкова, 1992: 85].

Большинство названий животных в татарских говорах совпадает с их татарскими литературными эквивалентами. Вместе с тем имеют место слова и термины, свойственные нескольким или отдельным говорам.

Ниже рассмотрим собирательные наименования домашних животных и птиц, половозрастные названия, названия домашних жи-

вотных по масти, внешнему виду, породе, состоянию, значимости в хозяйстве, повадкам, поведению и по другим признакам, а также диалектные названия диких животных, птиц и насекомых, распространенных в татарских говорах Оренбуржья: *кэзэ* «коза», *дебет кэзэ / мамык кэжэ* «коза с пуховой шерстью», *бэкэй* «ягненок, козленок», *ыргач/оргач* «ягненок-самка», «годовалая неягнившаяся овца или коза», *чабу аты* «лошадь для участия в скачках», *ала ат* «пегая лошадь», *бурлы ат* «лошадь с белохвостыми участками на спине», «каурая», «чалаая», *чал ат* «чалаая лошадь», *бэйге ат* «скаковая лошадь», *чыгым/чогомчы* «норовистый», «упрямый» (о лошади), *жылкы /йылкы* «конь, откормленный на убой», *мэштэк* «порода небольших лошадей», *дувадақ* «гусыня, не выводившая гусят», *энэч* «цыпленок-курочка, не петушок», *кырка* «индюк», *биби* «гусенок, утенок». Лексемы, относящиеся к данной лексико-семантической группе, выраженные глаголом и другими частями речи: *чагалау* «ягниться», *төкү* «бодать», *төкеләү* «упираться рогами – о быке», *аңнашу* «кричать – об осле», *типкәк* «брыкливый», *шыптықай* «длинноногий – о скотине» и др. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Основным видом хозяйства у Оренбургских татар, как и у других тюркских народов, с древних времен было животноводство. Это объясняется тем, что большая часть территории Оренбургской области находится в лесостепной зоне.

В татарском литературном языке слово **жәнлек** обозначает «зверь вообще», а в некоторых говорах Приуралья, например, в шарлыкском, пермском, мензелинском, стерлитамакском говорах это слово в сочетании с названием животного может выражать конкретный вид скота. Например, *сыйыр йәннеге асрамагач сөт йүк*. – Поскольку не держим коров, и молока нет.

Оренбуржье является одним из главных козоводческих районов России. На территории области еще в XIX веке была выведена и разводится в настоящее время **пуховая коза, являющаяся** одной из лучших пород – оренбургская.

Для обозначения домашней козы во многих говорах (каргалинский, заказанские, нагорные) употребляется литературное **кэжэ**. Татарским говорам приуральского региона, в том числе бугурусланскому и шарлыкскому, свойственен фонетический вариант **кэзэ**. В поволжских языках название козы перекликается с русским названи-

ем «коза». Ср. башк *кәзә*, чув. *качака*. А.М. Щербак рассматривает их как тюркское слово, заимствованное из русского языка и обратно [Щербак, 1961: 27]; гечи/ечки «коза» [ЭСТЯ, 1980: 34].

«Коза с пуховой шерстью» в большинстве говоров имеет название **мамык кәжә**, в каргалинском говоре употребляется в этом значении выражение **дебет кәзә**. В каргалинском говоре и сибирских диалектах слово **дебет** обозначает «козий пух», тат. литер. *кәжә мамыгы*. На основе лексемы *дебет* образованы словосочетания – **дебет чүпләү** «очистка козьего пуха от волосков и примесей»: *Шәл бәйләү дебет чүпләүдән башланган*. – Вязание шалей начинается с очистки козьего пуха от примесей. **Тараган дебет, тарақ дебет** «козий пух с более коротким, густым и мягким волокном, счесанный с местных коз».

Бәкәй в каргалинском, заказанских, мензелинском, златоустовских говорах обозначает «ягненок, козленка». Также для приуральских говоров характерны: в каргалинском говоре **бәрәч, бәрәчкәй**, как и в мензелинском говоре; **бәрәс, пәрәс** (тепекеевский). Эти лексемы являются заимствованными из русского языка. Ср. рус. баран, барашка [Щербак, 1961: 114]. В темниковском, лямбирском, кузнецком, хвальнском, мелекесском и карсунском говорах в данном значении известно слово **чага**.

Ыргач/оргач «ягненок-самка». Ареал употребления этого термина – каргалинский, бугурусланский, мензелинский, стерлитамакский говоры. *Төрлене туды сарыгым, ыргачны да, тәкәне дә* – Овца моя принесла и самку и самца (кргл.). В указанных говорах термин обозначает еще и «овцематку». Ср. башк. *орғасы*, казах. *урғашы*. Слово восходит к тюрк. уру:ғ/уки:, которое, в свою очередь, является производным, образовавшимся с помощью афф. *-(y)p* *-(y)к*. В значении названия субъекта, объекта и результата действия от глагола *ур* приблизительно со значениями «зачать», «рожать», «приносить потомство», а также «оплодотворить», для которых ср. следующие данные производные *ұру* (< *ұр-у*) – «способность к продолжению рода». Однако более, пожалуй, близко к приведенной группе кыпчакское *ыргачы* «самка» и т. п. [ЭСТЯ, 1974: 604–606].

В шарлыкском говоре в значении «годовалая неягнившаяся овца или коза» употребляется заимствованное слово **йәркә** (от рус. ярка). *Сарык икене чагалаган: берсе йарка, берсе тәкә*. – шрл. Так же и в стерлитамакском, мелекесском, темниковском говорах.

Лошади также хорошо приспособлены к природным условиям Оренбургской области. Еще в степях Евразии всегда водились дикие (одичавшие) лошади – тарпаны (считается, что они были истреблены только в XIX в.).

Литературное **ат** «лошадь, конь» употребляется в основном в среднем диалекте. Это слово (узб. *от*, чув. *ут*) в значении «лошадь» является общим для всех тюркских языков.

В татарских говорах слово **ат** в сочетании с определительными словами образует описательные термины, дифференцирующие лошадей по нраву, состоянию, породе и т.д. **Чабу аты** (< *чан* «бегать» + афф. -у) в бугурусланском, также и в камышлинском говорах «лошадь для участия в скачках».

Ала ат (тат. литер. *ала* «пегий, с пежинами, рябой») в каргалинском говоре Оренбуржья, как и во многих говорах среднего диалекта, имеет значение «пегая лошадь». В бугурусланском и шарлыкском говорах **ала/пигэшкэ**, т.е. как и в материнских заказанских говорах, во многих говорах западного диалекта и отдельных говорах среднего диалекта – **ала/пигашка** (заказанские, дрожжановский), **пигай** (чистопольский). Ср.: калм. *ала*, бур. *алаг* «пегая», «пестрая». Др.-тюрк. *ала* «пегий конь в яблоках» [Садыкова, 1994: 20].

Бурлы ат в каргалинском, бугурусланском, также и в златоустовском и заказанских говорах имеет значение «лошадь с белесыми участками на спине», «каурая», «чалая». Ср.: башк. *бурыл* «чалая», казах. *бурыл*, ккалп. *буврыл* «чалая», «с коричневыми пятнами». Ср.: др.-монг. *biyural* «серый; сивый» [ЭСТЯ, 1978: 228].

Кола ат. В татарском литературном языке и говорах имеется слово **кола** (каргалинском, бугурусланском, камышлинском, заказанских, мензелинском, златоустовском) (тат. литер. *кола*) «светло-желтая», «буланая», «саврасая». Термин *кола* в разных фонетических вариантах характерен и для других тюркских и монгольских языков. Ср.: башк. *қола* «саврасый», «буланый», казах. *қула*, ног., горн.-алт. *кула*, хак. *хула*, чув. *хӓла* – «саврасый», уйг. *кула* «буланый». Ср.: др.-тюрк. *qula* «буланый». В бугурусланском, каргалинском, камышлинском говорах в этом значении выступает и слово **болан**. Ср.: *bulan* крх.-уйг., ср.-кып., каз., ног., алт., *bolan* тат., башк. «лось», в узб. *bolan* «дикая лошадь».

Чал ат (< *чал* «седой») в бугурусланском, каргалинском, в соседнем камышлинском говорах «чалая лошадь» (тат. литер. *тарлан*

«светло-синяя», «сиво-чалая»). Ср.: в говоре мордвы-каратаев *чаллай ат*, в лаишском говоре *чалқа*. В пермском говоре *чал ат* обозначает «белая с примесью рыжей или какой-нибудь другой», ног. *шал ат* «серая лошадь».

Бэйге ат «скаковая лошадь» в каргалинском говоре. Слово **бэйге** известно еще в мензелинском, бирском говорах в значении «лошадь, где во время сабантуя устраиваются бега, различные игры». Ср. *байге/байге* кирг., *бэйге/бэйге* каз., ккалп., *пэйге/пэйге* каз. диал. Значения: 1) «скачки», «бега»; 2) «приз на скачках»; 3) «состязание», «бегунец»; 4) «развлечение», «праздник». Глагольная омоформа *бай*, в состав значений которой могли входить «устраивать конные состязания», «устраивать празднества», откуда производная на *-қа/-қы* со значением название процесса. Необычная фонетическая форма *байге* могла образоваться из *байга* под палатализирующим влиянием *-й-*. К. Менгес восточно-тюркское *байга* рассматривает как заимствование из русского «бега» [ЭСТЯ, 1987: 32].

В каргалинском и бугурусланском говорах лексема **чығым/чоғомчы** выражает значение «норовистый», «упрямый» (о лошади). В татарском литературном языке и в говорах широко распространено в этом значении слово **чығымчы**.

Жылқы в бугурусланском и каргалинском говорах, **йылкы** в шарлыкском говоре употребляется в значении «конь, откормленный на убой». *Малны чыгара да жыбарэ йаланга, йылкы булсын.* – Выпускали коней на волю, чтобы те откормились на убой (шрл.). Ср.: *йылқы* туркм., тур. диал., кум., ног., уйг. диал., *жылқы* к.балк., кирг., *жылкый* каз., ккалп. – «стадо разнообразных животных», «скот», «четвероногие животные» (общее название), «лошадь» в якутском языке как собирательное, в кирг., каз., ног., ккалп., башк., узб. как «табунная лошадь», в алтайском – «неезжанная лошадь». Этимология слова **йылкы** по А. Вамбери, от *йыл* (*jil, il*) «собирать, объединять». А.М. Ряснен предполагал, что **йылкы** образование с афф. *-қы* от *йыл* «год», т.е. слово «стадо» рассматривается как специализированное значение «годовой» [ЭСТЯ, 1974: 282]. А.М. Щербак полагал, что древнейшим значением слова **йылкы** является «табун» (лошадей по преимуществу).

Конструкция **йылкы малы** в мензелинском, златоустовском, тарханском, шарлыкском и стерлитамакском говорах обозначает

«лошадь», «табун лошадей» [ТТДЗС: 262]. Например, *Уналты йыл көтү көттем, жылкы, эби сава, мин көтэм* – Я шестнадцать лет пас табуну лошадей, жена доила, а я пас (кргл.). *Биш йөз башлап йылкы малы белән көн күрөп йерөгән* – Он жил, имея пять сотен голов лошадей (шрл).

Мэчтэк [рус. масть] в каргалинском говоре означает «мерин» (тат. литер. *алаша* «мерин»). *Мэчтэкне эшкә жигәләр*. Ср. ног. *маштак* «низкий, не высокий, маленького роста», кирг. *миштек* «невзрачный». В словаре В.В. Радлова казах. *мәштәк* «крестьянская лошадь», «кляча», «лошадь башкирской породы». Это название в русском языке является заимствованием из тюркских языков. *Маштак* – «небольшая плотная лошадь» [Садыкова, 1994: 19].

По мнению Д.С. Сетарова, название лошади **мәштәк** в тюркских языках восходит к иранскому *mišt* «кулак» и буквально означает «крошечный, с кулак» [Сетаров, 1981: 6, 28].

Шаука [рус.] в шарлыкском говоре «маленькая собачка, моська» (тат. кечкенә эт).

Песэй в бугурусланском и шарлыкском говорах Оренбуржья «кошка», так же и в смежных мензелинском и златоустовском говорах. **Песэй** фонетический вариант литературного *песи* (с конечным *-эй*). В каргалинском же говоре, как и в большинстве говоров и в литературном языке, употребляются названия – *мәче* и *песи*. Ср.: в нукратском говоре *печэй*, в башкирском языке *бесэй* «кошка».

Еще одна важная отрасль животноводства Оренбуржья – птицеводство. Большинство лексем, называющих представителей птиц, совпадают с их литературными эквивалентами, но есть и названия, ограниченные в сфере употребления.

Каз «гусь» литературное название является общим для всех татарских говоров. *Каз* в сочетании со словом *дуадак* в различных фонетических вариантах (*дувадак* в каргалинском, камышлинском, ичкинском говорах, *дывадык* в нагорных говорах, *дувадак*, *дугазақ* в мензелинском говоре) передает значение «гусыня, не выводящая гусят».

Дувадак, **дывадак** в указанном значении четко выделяет западный диалект и отчасти говоры Приуралья. Это слово в значении «дрофа» бытует в каргалинском говоре и на юге распространения мензелинского говора. В татарском литературном языке *дуадак* имеет значение: 1) «пустынная птица», 2) «безродный, бобыль»,

3) «холостой человек». Ср.: башк. *дагазақ*, казах. *даудақ*, ног. *дувадык*, др.-тюрк. *toi* «дрофа».

Әнәч в шарлыкском говоре, также и в лямбирском, кузнецком, хвалынском, ичкинском, стерлитамакском говорах «цыпленок-курочка, не петушок»: *Мынысы әнәч, мынысы әтәч дибез*. – Мы говорим – это цыпленок-курочка, а это петух (шрл.). Образовано от *әнә* (таг. литер. *ана* «мать») + афф. -ч. [Махмутова, 1978].

Биби в шарлыкском говоре, также и в смежных мензелинском и заказанских говорах «гусенок, утенок». Ср.: *биби/bibi* турк., тур. диал., перс. 1) «госпожа, барыня, дама», 2) «барышня, дочь барина». М.А. Ряснен считает лексему *bibi* словом лепетного происхождения. С. Чагатай вслед за Л.З. Будаговым рассматривает *bibi* иранизмом [ЭСТЯ, 1978: 352].

Индюк в шарлыкском говоре передается фонетическим вариантом литературного күркә – **кырка**, как и в лямбирском, чистопольском и других говорах. *Кыркаларың бакча ашалый чыкты* – Твои индюки прошли через мой огород (шрл.).

Понятие «курица» передается общетюркской лексемой **тавык/тавык**. В значении «курица-наседка» употребляется выражение **утырған тавык**, как и в татарском литературном языке. Понятие «клуша» передается в основном общетатарскими словами: **кортлаған тавык**. В шарлыкском говоре в этом значении употребляют и заимствования: **наситка** (от рус. наседка).

Распространение, численность и разнообразие диких животных и птиц Оренбургской области тесно связано с условиями природных зон, необходимых для существования животного мира. На юге Урала, в Оренбургской области, в бассейне реки Урал, сохранились достаточно большие по площади участки степи. Следовательно, здесь обитают животные, жизнь которых приспособлена к степной зоне и в некоторой степени приозерным территориям.

В лексико-семантической системе татарских говоров Оренбуржья известны следующие диалектные названия диких животных: *йалман* «горностай», *чекелдек* «один из видов суслика», *зәһәр жылан* «гадюка обыкновенная», *дәвә* «верблюд», *қазайақ бақа* «лягушка озерная», *бағара* «ерш», *сырқа* «сурок», *рака* «рак», *йапалақ* «сова», *тургай* «воробей», *қызылтүш* «снегирь», *пупуп* «удод», *бақашар* «серая цапля», *хәүле* «цапля», *қуқ қошы* «большая черная птица, крылья которой в размахе достигают до одного метра, беркут».

В некоторых говорах Приуралья, в том числе и в каргалинском, в значении «горноста́й» употребляется слово **йалман**. Ср.: *йалман* туркм., башк. «тушканчик», узб. диал. «вид мыши», «крыса». Образовано от *йал* – «пожирать» + афф. *-ман* в значении носителя процесса.

Чекелдек в каргалинском говоре «один из видов суслика». Слово произошло на основе звукоподражания пению данного животного.

Йылан – родовое значение змеи – единственное в татарском языке. В сочетании с другими словами оно обозначает разновидность змей, например, в бугурусланском и каргалинском говорах **зәһәр жылан** (< *зәһәр* «яд, отрава») «гадюка обыкновенная» (тат. литер. кара йылан, зәһәр йылан), такое же значение данная лексема имеет в пермском, златоустовском и заказанских говорах; **жиз башлы йылан** (< *жиз* «лагунь, лагунный цвет» + *баш* «голова») в каргалинском говоре – «медянка» или «серый уж» (тат. литер. бакыр йылан). Ср.: в пермском говоре *багыр жылан* в том же значении.

Дәвә в каргалинском говоре «верблюд», фонетический вариант литературного *дөя*. *Дәвә ите ашагыныгыз бармы?* – Ели верблюжье мясо? Ср. тюрк. *тэвә* – «верблюд» [Щербак, 1961: 109]. *tewe* крх.-уйг., *dävä* др.-огуз., *devä* гаг., *tüje* к.балк., кум., ног., ккалп., каз. – «верблюд».

Бака «лягушка» в татарских говорах Оренбуржья, т.е. как и в литературном языке. Данное слово в сочетании с другими словами обозначает разные виды лягушек: в бугурусланском и в каргалинском говорах **жир бакасы** «мелкие лягушки, которые живут на траве»; в каргалинском **қазайақ бақа** «лягушка озерная».

В каргалинском говоре **бағара** «ерш» (тат. литер. шьртлака).

Сырка [от рус. сурок] в каргалинском говоре обозначает «сурок».

Луч [рус. лось] кргл., кмшл. поши (лось).

В шарлыкском и каргалинском говорах бытует заимствование из русского языка: **рака** – «рак». Для бугурусланского говора, как и для большинства татарских говоров, характерно литературное название **кысла** «рак».

В настоящее время на территории области зафиксировано более 280 видов птиц. Рассмотрим особенности названий некоторых из них.

Шүрәкэй кргл. (тат. литер. чүрәкэй) «дикая утка».

Йапалак в каргалинском говоре «сова». *Мэче башлы йапалак була торган ыйы.* – Раньше водились филины. Ср. *йапалак/(-к)* тур. «вид совы», тур. диал., баш. диал., ног. «филин». **Йапалак** стяженная форма из *йапа/йаба кулак*, которое К. Менгес объясняет как результат гаплогонии *йабаку кулак*, где *йабаку* «прясть шерсти, сбитый в войлок волос» + *кулак* «ухо», т.е. «с ушами из свалывшихся волос». Он полагает, что это табуистическое наименование птицы [ЭСТЯ, 1989: 129].

Тургай в бугурусланском и каргалинском говорах «воробей». В татарском литературном языке *тургай* – «жаворонок». Здесь наблюдается смена семантического значения. **Тумалак тургай** в каргалинском говоре «воробей коричневого цвета». В татарском литературном языке слово *тумалак* обозначает «толстое полено, округлый кряж».

Понятие «куропатка» в бугурусланском, каргалинском, также и в соседнем камышлинском говорах передается словосочетанием **кыр тавыгы** (тат. литер. көртлек). В западном диалекте это понятие обозначается словом **көртлөк**.

Кызылтүш (букв. красногрудая) в каргалинском и бугурусланском говорах «снегирь» (тат. литер. карабүрек), как и в большинстве говоров как среднего (заказан., менз., кмшл., злт.), так и западного диалектов. В татарском литературном языке **кызылтүш** «зяблик».

Сандугач/былбыл «соловей». Второе название в татарском литературном языке употребляется в основном в поэтическом жанре. В говорах татарского языка оба наименования соловья с некоторыми фонетическими вариантами бытуют повсеместно. В татарских говорах Оренбуржья **сандугач/былбыл** (бгрс.), **сандугач/полпол** (кргл.) – *Әвәле шул хәтле қошлар күб ийе, полпол, қыр қазлары, қыр үрдәкләре, бүдәнә.* – Раньше было так много птиц, соловьи, дикие гуси, дикие утки, перепела (кргл.).

Слово сандугач известно также и в башкирском языке: *һандугас*. Ср.: др. тюрк. *sandavaç, sandavac, sonduaç* [Садыкова, 1994: 77].

В каргалинском, также и в соседнем камышлинском говорах в значении «удод» широко распространено наименование **пупуп**, восходящее к звукоподражанию крика птицы. В диалектах известно литературное название с незначительными фонетическими вариантами: **һөдөһөт** в бугурусланском и смежном мензелинском говорах, **һөтһөт** в златоустовском говоре.

Литературное обозначение «синицы» – **песнэк** характерно для большинства, в том числе бугурусланского и каргалинского, говоров татарского языка. В каргалинском говоре татарского языка для обозначения конкретного вида семейства синицевых – длиннохвостой синицы, используется лексема **чүмечкүт** (букв. «половникоподобный хвост»). Ср. рус. чумичка – обл. длиннохвостая синичка [Даль].

Из оригинальных названий в татарских говорах Оренбуржья, особенно в каргалинском говоре, можно указать слово **бакашар** «серая цапля», которая бытует в каргалинском и камышлинском говорах. Данное составное слово, восходит к *бака* «лягушка» + *аша* «кушать»+ афф. *-р*), которое отражает способ существования птицы (серая цапля питается лягушками). Ср.: тат. литер. корташар («шур»), образованное по аналогичной модели.

Хәүле в каргалинском говоре «цапля» (тат. литер. челән).

Кук қошо в бугурусланском говоре «большая черная птица, крылья которой в размахе достигают до одного метра, беркут».

Оренбургская область расположена на стыке разных географических зон и зоогеографических регионов, поэтому видовой состав насекомых богат и разнообразен. Обратимся к названиям некоторых из них, бытующим в татарских говорах исследуемого региона.

Прамыш в шарлыкском говоре «мелкий овод», литературный вариант – кигэвен.

Сағавық в каргалинском говоре «личинка овода, паразитирующая на теле некоторых млекопитающих» (тат. литер. укра).

Тарақан в каргалинском и бугурусланском говорах «таракан» в сочетании с определительными словами обозначает различные виды насекомых: **мәчет тарақаны** (букв. «таракан, обитающий в мечети») в бугурусланском и каргалинском говорах «насекомое красной окраски с двумя черными точками на спине», «солдатики»; **күк тарақан** (күк «серый») в каргалинском говоре «мокрица». Выражения, образованные на основе данного слова и обозначающие различных насекомых, известны и в ряде других говоров татарского языка, например, *чабата тарақаны* (менз.), *моржа тарақаны* (кмшл.) – «таракан», *йүш тарақан* (мел.) – «мокрица» и др.

Үрмәкчә в каргалинском, бугурусланском и шарлыкском говорах «паук» (тат. литер. үрмәкүч). Название образовано от

глагольной основы *ур-* «плести» + афф. *-мэк* с помощью непродуктивных аффиксов *-чэ (-цэ, -це, -сэ)*. В каргалинском говоре **үр-мэкчэ**, в сергачском – **үрмэкчэ** обозначают еще и «паутину».

Как известно, в татарских говорах встречаются различные наименования, обозначающие божью коровку: в каргалинском **тәти кашык** (букв. «красивая ложка»); в пермском *қояш қорт*, в мензелинском *тәти әби*, в байкибашском *куземкуз*, в бирском говоре *қызыл тун* и др. В шарлыкском говоре, как и в большинстве говоров западного диалекта, употребляется литературный вариант **камка**. В словаре русского языка (Даль) словом **камка** обозначается как «шелковая китайская ткань с разводами». Следовательно название **камка** дано насекомому за яркий раскрас.

Таким образом, мы рассмотрели лексическую группу, связанную с одной из интересных областей живой природы – названиями животных и птиц – характерных для татарских говоров Оренбуржья, к сожалению, до сих пор остававшуюся недостаточно исследованной. Названия домашних животных и птиц в татарском языке являются одним из древних слоев лексики и входят в пласт общетюркского словарного фонда. Но, вместе с тем, татарский язык в совокупности с его диалектами, обнаруживает чрезвычайно самобытность в этой области, будучи пополненный собственно татарскими названиями, которые появились в недрах самого татарского языка и его диалектов. В татарских говорах Оренбуржья это, например, *әнәч, чекелдек, бақашар, прамыш, сағавық*. Они не зафиксированы в других языках.

Исследование лексики данной группы названий показала, что эта категория лексики неоднородна, хотя она в основном является общетюркской. Значительную часть составляют заимствования из других языков. Особую близость данная лексика татарских говоров Оренбуржья обнаруживает с казахским и башкирским языками, что объясняется географическим положением «соседей» – носителей данных языков. Но есть и названия, составляющие специфику рассматриваемых говоров и носящие узколокальный характер.

Выводы по третьей главе

Основной состав лексики живой и неживой природы совпадает с эквивалентами в татарском литературном языке: *кайын* «береза», *куақ* «куст», *үлән* «трава», *жәнлек* «зверь вообще», *кәжә* «коза»,

ат «лошадь, конь», *каз* «гусь», *тавык* «курица», *йылан* «змея», *сандугач/былбыл* «соловей» и др.

Как свидетельствует приведенный в данной главе анализ, каждая тематическая подгруппа имеет и свои специфические лексемы:

– *обозначающие явления природы* – *кен зэрәсе* «дневной свет», *тушуна* «тяжелый для дыхания», *типкен* «разлив реки, разливавшийся после половодья или запружения», *бутык* «мутный – о воде», *сыяа булып төшү* «лалина, половодье, стекающее с горы после проливного дождя или наступления весны», *чуқрақ* «грязь, глина», *дала* «поле» и др.;

– *связанные с растительным миром* – *татар чаган* «черно-клен», *чики* «орех», *мәмәй* «горошины просвирняка приземистого», *уйылдык* «место, где много ягод», *чебен кушагы* «спаржа», *чыпчык үләне* «незабудки», *бүтәкә* «белоус», *чәй* «тысячелистник» и др.;

– *связанные с животным миром* – *бурлы ат* «лошадь с белохвостыми участками на спине», *кырка* «индюк», *биби* «гусенок, утенок», *аңнашу* «кричать – об осле», *шаука* «маленькая собачка, моська», *қызылтүш* «снегирь», *чекелдек* «один из видов суслика» и др.

Исследуемая в данной главе лексика неоднородна как по способам номинации и особенностям местного словотворчества (*қызылтүш* «снегирь», *чумечкүт* «длиннохвостая синица», *бақашар* «серая цапля», *йөннекәй* «бутень клубненосный», *үгез күзе* «шиповник» и др.), так и по способам словообразования (*дәңгезлек* «ухабы, рывина, колдобина», *кырка* «индюк», *биби* «гусенок, утенок», *төкү* «бодать», *чекелдек* «один из видов суслика», *пупуп* «удод» и др.).

Исследование лексики, связанной с живой и неживой природой, обогащает существующее представление о способах словообразования, терминотворчества и номинации татарского языка определенного ареала, а выводы углубляют и расширяют знания об окружающей среде и ее обитателях.

Глава 4

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР ОРЕНБУРЖЬЯ В НАЗВАНИЯХ

4.1. Хозяйственная лексика

Наименования, употребляемые для обозначения бытовых предметов, также составляют древний пласт лексики. Изучение названий жилых и хозяйственных построек, предметов домашнего обихода и их научно-теоретическая интерпритация являются одной из важнейших проблем современного языкознания.

Состав наименований жилых и хозяйственных построек непосредственно связан с историей строительной, архитектурной культурой народа. В данной лексико-семантической группе также выделяются как исконно тюркские, так и заимствованные слова: *абзар/сарай* «теплое помещение для скота, сделанное из саманных кирпичей», *кэртэ/киртэ* «закрытое холодное помещение для скота, сделанное из досок или забранное плетнем», *утар* «открытый или закрытый загон для скота во дворе; карда», *ишег алды / ишег алны* – «сени», *йырт* – «двор», *лай өй* «дом из самана», *мөйеш/ мийеш/почмақ/пычмак* – «угол чего-либо», *пуз(е)рәп* «погреб», *былдыр* «крыльцо», *мержә/мөржә*, *мич/пич* – «печь, корпус печи» и др. Рассмотрим подробно некоторые диалектные лексемы.

Абзар/сарай в Оренбуржье выражает «теплое помещение для скота, сделанное из саманных кирпичей». *Малларга сарай короп тора идек бит.* – Раньше строили для скота сарай. Слово **абзар** в указанном значении активно выступает и в других говорах. От данного слова образовано словосочетание **абзар алды** «открытый или закрытый загон для скота во дворе, карда». В татарском литературном языке **абзар** обозначает «хлев, придворная постройка». В шарлыкском говоре, также и в других говорах западного диалекта бытует вариант **азбар** в значении «теплое помещение для скота».

Сарай в том же значении употребляется в заказанских, мензелинском говорах. В татарском литературном языке **сарай** «дворец», «лабаз», «хлев».

Ызба (< рус. изба) характерное для мишарского диалекта, наряду со словами тюркского происхождения (например, *йырт*), активно употребляется в новомусинском и баширском подговорах шарлыкского говора: *Улым узенэ ызба салды*. – Сын построил себе дом.

У мишарей в бассейне р. Ик (смешанных с носителями среднего диалекта) слово изба не сохранилось, там, как и в бугурусланском и каргалинском говорах, употребляются литературные *өй/үй/йорт*.

Кэртэ/киртэ в каргалинском, бугурусланском и шарлыкском говорах «закрытое холодное помещение для скота, сделанное из досок или забранное плетнем». *Менэ шул урамда йорт сайын кэртэ булган*. – Вот на этой улице в каждом дворе было помещение для скота.

Слово **киртэ** в этом же значении известно в говорах среднего диалекта, в мелекесском говоре западного диалекта. В заказанских и чистопольском говорах же данное слово выступает в значении «жердь, шест».

Ишег алды / ишег алны – «сени» (тат. литер. өйалды) – *Ишег алнысын иң алдан йеткездек* – Сначала построили сени. Употреблением *ишег алды(сы) / ишег алны(сы)* в значении «сени» выделяются новомусинский и баширский подговоры. На остальной территории Оренбуржья в значении «сени» употребляется литер. **өй алды**.

Йырт – «двор» (тат. литер. ишек алды, *йорт* в тат. литер. «дом, здание», «страна, владение»). Слово йырт в значении «двор», характерно для многих говоров западного диалекта, наблюдается почти во всех мишарских селах. В нас. пунктах среднего и западного диалектов в бассейне р. Бузулук **йырт** и **ишег алнысы** (ишег алды) в том же значении употребляются параллельно, что объясняется взаимовлиянием двух диалектов, представители которых совместно проживают в указанном регионе: *Песэй бырчагы йырт тутырыб үскән*. – Двор зарос просвирняком. В говоре татар остальной территории употребляется литературное соответствие этого слова – **ишек алды**. Ср.: в сиб. д. **йорт** «деревня, место проживания». В др. тюрк. *jurt* «дом, владение, местожительство, земля, страна», башк. *йорт* «дом, здание, историческая волость», алт. *йурт* «страна, государство, народ», тув. *чурт* «страна, местность,

жилые», хак. *чурт* «жилище, постройка», кирг., ккалп, *жырт* «народ, страна, место, покинутое кочевниками».

Кэзэңкэ в каргалинском говоре «чулан в сенях», то есть как и в материнских заказанских, также и в смежных мензелинском, стерлитамакском, камышлинском и др. говорах. В дубьязском говоре *кэзэңкэ* выступает в несколько ином значении: «пространство между печкой и стеной». Ср.: в сиб. д. *кэсэнкэ* «кладовая, чулан», в башк. диал. *кэзэңке/кэжинкэ* «пространство между печкой и стеной».

Лай [фарс.] в каргалинском, бугурусланском, также в смежном мензелинском говоре имеет следующие значения: 1. «глина»; 2. «ил, грязь». В татарском литературном языке **лай** «тина, ил, жидкая грязь». В каргалинском говоре на основе данной лексемы образованы следующие выражения: **лай өй** «дом из самана»: *Ана теге безнең лай өй.* – Вот тот дом наш, из саманного кирпича. **Лай кирпич** «саманные кирпичи». *Шунда туфрақ кермэсен өчен лай кирпече куйалар.* – Для того, чтобы не попадала земля, туда ставят саманные кирпичи.

Ваздуш (рус. воздушный) 1. Саманный кирпич: *Мынавында ий алды бар ыйы ваздуштан салынган.* – Вот здесь были сени из саманного кирпича; 2. Хлев или кухня, построенная из саманных кирпичей. *Алиягә ий тиде, Газинурга ишегалды ваздуш тиде.* – Алие достался дом, а Газинуру – саманная кухня во дворе. Во втором значении слово **ваздуш** известно и в камышлинском говоре Ср.: чст. **ваздунай** – специальная постройка из саманного кирпича или камня, служащая для хранения летом вещей.

Мейеш/мийеш/почмак/пычмак – «угол чего-либо». **Мейеш/мийеш** выделяет южную часть распространения шарлыкского говора. Изогlossа его проходит от нас. п. Шарлык в южном направлении. В бугурусланском и каргалинском говорах употребляется литературное слово **почмак**.

Слово **мейеш/мийеш**, образованное от корня *бөгү, бөгеш* [Махмутова, 1979: 164], в разных фонетических вариантах известно и в других говорах среднего диалекта: у крышен нагорной стороны, в златоустовском, бирском, ичкинском, красноуфимском говорах – *мегеш*, в касимовском – *мийеш*, в диалектах сибирских татар – *мөгеш, мөйөш*. Ср.: в башкирском литературном языке – *мейеш* [Садыкова, 1985: 112].

В каргалинском говоре **пүг(е)рәп** [рус. погреб] «погреб», в шарлыкском говоре, как и в стерлитамакском, дрожжановском, карсунском говорах, употребляется вариант **пугр'ап**. *Қайту белән пүгрәпкә қатыққа жөгереп төшәм* – Как только прихожу, сразу спускаюсь в погреб за катыком. Данная лексема активно бытует и в других говорах в различных фонетических вариантах: **пугрәп** (тмн., мел., срг., држ.), **пугрип** менз., **пүгрәп** (менз., стрл., курш., кузн.) «погреб».

Утар в каргалинском говоре, также и в мензелинском, стерлитамакском, нижнекамско-кряшенском говорах «открытый или закрытый загон для скота во дворе; карда». *Мин жыл сыман утарга барып життем.* – Я как ветер добежал до карды. В мамадышском говоре данная лексема имеет значение «открытый или закрытый загон для скота на колхозной ферме».

Былдыр в шарлыкском говоре выступает в значении «крыльцо». Данное наименование характерно для говоров западного диалекта.

Мержә/мөржә, мич/пич – «печь, корпус печи». С помощью данных слов в татарских говорах Оренбуржья образованы следующие словосочетания: **мержә агарту** – «белить печь», **мержә чыгару** – «класть печь». **Пичкә йагу** «топить печь», **пичкә (мичкә) салу** – «класть в печь»: *Менә шул мөржәне сүтеп чыгармакчылык.* – Хотели переложить эту печь (бгрс.). *Сузык кенне утын йактык мичкә.* – В холодные дни топили печь дровами (шрл.). Изоглосса словосочетаний **мержә агарту, мичкә йагу** объединяет говоры указанного региона с заказанскими, мензелинским, бирским говорами среднего диалекта.

Слово **мержа/мержә** (ср. рус. диал. *мурья* «печь») в татарском литер. языке употребляется в значении «печная труба». Говору татарского населения южной части Оренбуржья в значении «печь» характерно употребление литературного **пич**.

В значении «канал для выхода дыма из печи – дымоход» в шарлыкском говоре употребляется слово **зывыт**, которое характерно и для хвалынского, мелекесского и др. говоров. Образовано от русского *свод*. Здесь наблюдается замена [св] на [з], протеза, и оглушение согласного в конце слова. В русском языке *свод* имеет другое значение: «дугообразное перекрытие, соединяющее стены, опоры какого-нибудь сооружения».

Раньше, в избах устанавливали сооружение, на которых обычно спала молодежь и детвора. Для его обозначения в говорах Оренбуржья употребляется заимствованное и фонетически адаптированное слово **пулат** (шрл., лмб., кузн., хвл., тмн., срг.).

В каргалинском говоре среднего диалекта в значении «потолок» употребляется словосочетание **түбә тақтасы** (< *түбә* «вершина, макушка» + *тақта* «доска» + афф. *-сы*), характерное также для чистопольского, мелекесского, ичкинского и др. говоров. *Сэйгау жэй-дерде, түбә тақтасын йаптырды.* – Полы настиллил, потолок сделал. **Сэйгау жэйү** в каргалинском говоре «настилать пол». В турбаслинском говоре **сэйгау** «настил, крыша». В шарлыкском говоре в данном значении выступает слово **путалак** [< рус. потолок]. Ср.: в темниковском, карсунском, лямбирском говорах **пыталак**, в говорах нагорных крышен **паталук/пыталук**, в карсунском говоре **буталак** «потолок». Активное употребление лексемы в языке подтверждается как многочисленными фонетическими вариантами, так и употреблением ее в составе фразеологических выражений. Например, *«путалагы бийек»* (зап. д.) обозначает «большие знания у человека [Садыкова, 2003: 57].

В бугурусланском говоре, как и в татарском литературном языке, **матча** «матица». В шарлыкском говоре в данном значении употребляется **матлича** (ср.: так же в лямбирском и кузнецком говорах). Для других говоров западного диалекта в значении «потолочная балка» характерны **балка** (тмн.) (< рус. *балка*), **матка** (кузн., карс.), **машча** (хвл.), (< рус. *матица*), **матлик** (< рус. *маточник*) (карс., тмн.). Как видно, заимствованное русское *матица* в говорах имеет фонетические варианты, однако семантических изменений не происходит.

В татарских говорах Оренбуржья в значении «оконная занавеска» бытует диалектное отглагольное образование **коргоч/кыргыч** в шарлыкском говоре и **пәрдә** [араб.] в каргалинском говоре. Лексема **түл** в бугурусланском говоре «тюлевая занавеска» от русского *тюль* «тонкая сетчатая ткань».

К названиям предметов домашнего хозяйства относятся также лексемы, связанные с детьми: **бәллү/бишек** – «люлька, колыбель»: *Бала бәллүдә йыкмый* – Ребенок спит в люльке (шрл.). *Бәллү чыбылдыгына ничә митыр кирәк?* – Сколько метров ткани нужно на занавеску для люльки? (бгрс.) Это слово характерно для бугурус-

ланского говора среднего диалекта, а также для говора некоторых мишарских сел северной части области. На остальной территории употребляется литер. **бишек**. Слово *баллу* известно в соседнем мензелинском говоре среднего диалекта. Оно имеется также в демском говоре башкирского языка.

Чәпчәндүк в шарлыкском говоре «качели» (тат. литер. таган). В том же говоре имеется и слово **селкенгеч** «веревочные качели». *Райса белән селкенгечтә селкенгәннәр дә, башым әләнә, ди* – С Райсой качалась на качелях и говорит, что голова закружилась. *Чәпчәндүктә атынып килгән да амылда, мында килгәч чәпчәндүк таптыра икән* – В деревне качался на качелях, приехав сюда, оказывается, требует качели. В каргалинском говоре в этом же значении употребляется лексема **дағана**.

Другой предмет для игры «салазки» в шарлыкском говоре обозначается словом **саласка** [рус.] *Шуннан саласкага утырган да шуган*. – Потом сел на салазки и покатился. В каргалинском говоре среднего диалекта **сәнәскә**: *Ике карт сәнәскә сөйрәп килә*. – Двое стариков тянут за собой салазки. Данная лексема употребляется также в мензелинском, турбаслинском, стерлитамакском и других татарских говорах Приуралья.

Рассмотрим также другие лексемы татарских говоров Оренбуржья, связанные с хозяйственной деятельностью носителей.

Битъяулык в бугурусланском и каргалинском говорах, а также в камышлинском, ичкинском, тевризском говорах «полотенце». В шарлыкском говоре используются варианты **битъяулык** (< *бит* «лицо» + *яулык* «платок»), **битсебергеч** (< *бит* «лицо» + *себер* «тереть» + афф. *-геч*). А «маленькое полотенце, салфетка» в шарлыкском говоре именуется лексемой **чынайак себергече**. Необходимо отметить, что слово **яулык** активно выступает в составе бытовой лексики: **баш яулык, шәл яулык, куляулык, ашъяулык** и др.

Вәләк [от рус. валеk.] в шарлыкском говоре «валеk для белья». Также данная лексема известна в хвалынском и кузнецком говорах западного диалекта. Ср.: **бал'ук** (срг.), **вәлүк** (кузн.), **вәләк** (кузн., хвл.), (< рус. *валеk*), **каталка** (лмб.), **каталак** (срг.) (< рус. *каталка*) «валеk для белья». В большинстве говоров среднего диалекта, как и в литературном языке, в данном значении выступает слово **бәләк**. В мамадышском, лайшском, балтачском говорах бытуют варианты **қырлы бәләк/сырлы бәләк**.

Бутыл [от рус. ботало] в каргалинском говоре обозначает «ботало, глухая погремушка из железа, привязываемая на шею пасущихся коров». В татарском литературном нет специального термина, использующегося в данном значении. А слово **ботало** или его варианты бытуют и в других говорах: **бутала** в пермском, мензелинском и других говорах.

Матик/ матига (< рус. мотыга) (тат. литер. китмән). *Бәрәңге күмәдер ийегез, ике матикны алып китте.* – Когда вы окучивали картофель, она унесла две мотыги. Ср.: чст. **матик**, хвл. **матыйк** – в том же значении.

В бугурусланском говоре среднего диалекта в значении «щипцы для углей» бытует слово **жәмкә**. Это слово отмечено и в смежных минзелинском, тепекеевском говорах. **Буйак** в шарлыкском и также хвалынском говоре западного диалекта «краска». **Пичкә** [рус. бочка] в каргалинском, бугурусланском говорах «бочка» (тат. литер. мичкә): *Бер пичкә су тутырып куйдым.* – Наполнил целую бочку воды. Также данная лексема встречается в камышлинском, чистопольском, подберезинском говорах в том же значении. **Песәй** в шарлыкском говоре «багор». Здесь наблюдается изменение семантики в говорах, поскольку в каргалинском говоре слово **песәй** имеет значение «кошка», в значении «кошка» слово наблюдается и в мензелинском, златоустовском, бирском, тепекеевском, стерлитамакском говорах. **Пунаф** в шарлыкском говоре «сверток, кипа, охалка»: *Күрдеңме прафисырны, бер пунаф акча тоткан.* – Видел профессора, целую охалку денег держит. **Кузы** в бугурусланском говоре «горячий уголь. *Пичтән тартқан кузы белән самавыр куйабыз.* – Самовар ставим с горячим углем из печи. В мензелинском, пермском, красноуфимском и златоустовском говорах в данном значении бытует вариант **куз**. **Т'апка** (< рус. тяпка) в шарлыкском говоре «тяпка». *Т'апкаңны керттеп куй.* – Занеси свою тяпку [ТТЗДС: 607]. **Айа** в исследуемых говорах, также и в заказанских говорах «приспособление для расчесывания пуха, (специальный гребень)». От данного слова образован глагол **айалау** «расчесывать козий пух специальным гребнем».

В хозяйственной деятельности носителей татарских говоров Оренбуржья имеются также узколокальные названия, связанные с уборкой хлебов, сенокосом, которые в других говорах встречаются редко. Рассмотрим некоторые из них.

Лабыр в каргалинском говоре «ворох сена, который можно поднять вилами в один прием» (тат. литер. күбә). **Қырла** в бугурусланском говоре «копна из 13–15 снопов»: *Бодай, арыш көлтәсенән қырлага қуйабыз.* – Снопы пшеницы и ржи кладем в копны из 13–15 снопов. Аналогичное значение встречается и в смежном мензелинском говоре. **Бишәрләү** в шарлыкском говоре «способ сложения кирпичей из кизяка для сушки». В шарлыкском говоре известно слово **христыч** [рус. крестец] «один из способов сушки снопов; крестец». Так же и в кузнецком, темниковском, лямбирском говорах. В бугурусланском говоре же используется термин **қорлач** «копна из снопов». *Қорлачқа да қуйдық көлтәләрне, зуратқа да.* – Снопы сложили и в копны, и в стога. **Зурат** – «сложенное в виде трапеции саманные кирпичи или кирпичи из кизяка»: *Ирләр кирпичләрне зуратқа ийәләр.* – Мужчины кирпичи складывают в пирамиду.

В глазовском подговоре *зурат* означает «стог сена». – Ср.: тат. литер. *зурат* – «продолговатая копна из снопов».

В хозяйственном обиходе в качестве грузового транспортного средства в деревнях обычно использовалась **арба** «телега». В татарских говорах Оренбуржья существуют свои разновидности данного средства передвижения. Например, в каргалинском говоре «телега с глубоким дном для перевозки сена» называется **мүгәлдәк**: *Мүгәлдәк белән төйәп қайта идек печәнне.* – Сено бывало грузили в телегу с глубоким дном и везли домой. В каргалинском и бугурусланском говорах среднего диалекта используется вариант **мөгәлдәк**: «телега, обычно предназначенная для перевозки соломы, снопов и дров и т.д.». **Фурман** [рус. фура] в каргалинском и бугурусланском говорах «телега, обычно предназначенная для перевозки соломы, снопов и дров и т.д.» Так же и в смежных мензелинском, камышлинском, стерлитамакском говорах. В каргалинском и бугурусланском говорах используется еще одна фонетически адаптированная лексема – **пурман** [рус. фургон] «фургон». *Үләнне кипкәч пурманга төйәп читкә чыгарабыз.* – Когда трава высыхает, мы ее грузим в фургон и вывозим.

Для удобрения земли на территории Оренбуржья используются следующие компоненты – **наз'ум** [рус. назем] в шарлыкском говоре «навоз». Бытует также и слово **навыз** [рус. навоз] в том же значении. *Навызына ташилар су.* – Для перегной навоз поливают водой. Ср.: **навуз** [рус.] грх., клд., карс.; **наз'ом** астр.

Понятие «посуда» в татарском литературном языке и его говорах выражается словами **сауыт-саба**, **сауыт**. Среди кухонной утвари, необходимой для приготовления пищи, у татар раньше преобладала в основном посуда из дерева. Из него приготавливали лотки для муки, кадки для хранения муки, зерна и других припасов, ковши, поварешки, скалки и другие предметы. Деревянные изделия, применяемые в быту, разнообразны и по своим названиям. Большинство наименований посуды и утвари уже становится архаизмами, что связано с исчезновением старой посуды. Рассматриваемая лексико-семантическая группа особенно тесно связана с происходящими изменениями в быту народа, особенно в быту у крестьян. В настоящее время и в деревенской семье трудно найти выдолбленные из цельного куска дерева лотки для муки, посуды для хранения зерна и т.д. В этой связи некоторый материал можно обнаружить в музеях (школьных и сельских). Однако там часто забывают зафиксировать наименование бытовых предметов. В этом неоценимую помощь оказывает старшее поколение, пожилые люди, которые могут назвать и описать посуды.

Для размолы муки в домашних условиях употреблялась ручная мельница, которая выражена словом **тирмэн**, **кул тирмэн** в каргалинском и бугурусланском говорах, характерным также для нагорных, златоустовского, бирского говоров (< кул «рука» + тегермэне «мельница его»). Ср.: **кул тегермэне** в заказанских говорах и в литературном языке.

Ашлау в каргалинском говоре обозначает «ночву, лоток для муки». Данное слово известно еще в ичкинском говоре в значении «корыто», мензелинском, тепекеевском, стерлитамакском говорах – «большая деревянная чаша» [Рамазанова, 1987: 82].

Ср.: башк. *ашлау* «большая деревянная чаша для подачи супа, выдолбленная из цельного куска дерева», башк. диал. *аштау табак*, «деревянная чаша», карач. *ашлау* «поднос, дощечка, на которой подавалась еда», узб. *ошлав*, узб. диал. *ашлав* «посуда из дерева или железа для подачи фуража скоту», ккалп. *аслау* «корыто».

В каргалинском говоре **тэпэн** обозначает «квашню», шарлыкском и мензелинском говорах «бак для воды», а в мелекесском, хвалынском, чистопольском говорах – «кадушку». В говорах семантика этого слова несколько шире, чем в татарском литературном

языке, где оно означает «небольшую кадку, изготовленную из полого ствола дерева»; а в сочетании **бал тәпәнә** – «кадушку для меда».

К кухонному инвентарю относится и чаша. Для выражения этого понятия в говорах употребляются различные слова и словосочетания. **Чүгәтә** в каргалинском и бугурусланском говорах «маленькая деревянная чашка»: *Сез бит әкрән ашыйсыз, мин ике чүгәтәнә бәрәп йықтым.* – Вы ведь медленно кушаете, я уже две чашки осушила. **Тустақай** в каргалинском говоре бытует в нескольких значениях: 1) «чашка чайная»: *Тустақай тағып йери сет сырап* – Ходит с чашкой, просит молока; 2) «маленькая деревянная чашка, миска».

Алмама табағы в каргалинском говоре «большая деревянная чаша», корень которого *алп-* от татарского *алып* «великан, исполин, богатырь».

Чара, чара табач / чара табак в каргалинском, а также заказанских, нагорных говорах, как и в татарском литературном языке, имеет значение «большая деревянная чаша», в ряде говоров «чаша, в которую кладут уваленный хлеб перед выпечкой». В бугурусланском говоре, как и в дубьязском, мелекесском и других говорах, данное слово обозначает «небольшую деревянную чашу или круглую посудину, сплетенную из прутьев, соломы, мочала и т. д». Слово **чара** в каргалинском говоре бытует и в значении «большая посуда с 4-мя ручками»: *Чарада пешергәннәр ди торганнар ийе элек, шул чараның дүрт тытқасы былған, астына ит салганнар, эстенә қазы, су салып дүрт ир аны чақ күтәргән.* – Раньше готовили в посуде, у которой было 4 ручки, вниз ложили мясо, сверху жир, и воду, четыре мужика еле ее поднимали. У этого слова достаточно широкая семантика в говорах, например, в касимовском говоре оно обозначает «корыто», в бастанском, эуштинско-чатском и в говоре мордвы-каратаев «ночва», в калмакском говоре «корыто для рубки мяса».

Слово **чара** широко распространено и в тюркских языках: башк. диал. *сара*, кирг., алт., ойр. *чара*, ног. *шара*, узб. *чора* «большая деревянная чаша», чув. *чара* «большое деревянное блюдо, в котором месят тесто для лепешек», кум. *чара* «деревянная лохань», монг. *чар* «большая деревянная чаша».

В говорах оренбургских татар употребляется слово **тәгәч** в значении «маленькое эмалированное блюдо». В шарлыкском говоре вариант **тавыч**, как и в лямбирском, кузнецком говорах, выступает

в значении «эмалированное блюдо». В других говорах встречаются и другие фонетические варианты данного слова: в нукратском **тэбеч**, в глазовском **тэбич**, в нурлатском **тэбэч**, в ичкинском **тэгэц**. В мамадышском говоре **тавыч** обозначает «деревянную чашу»; «блюде для супа». Ср.: также башк. *тэгэс* «чашка чайная». Тат. литер. *савыт* «посуда». Возможно, все из одного источника: рус. **ставец** «деревянная или глиняная чашка, миска»

Выпечка хлеба производилась в печи. Преимущественно использовались кочерга, помело для подметания печи и т.п.

Понятие «кочерга» в говорах передается несколькими синонимическими единицами. Для татарских говоров Оренбуржья, а также для говоров Закавказья, и нагорных говоров характерно употребление литературного слова **кисэу/кисэу агачы** < *кисэу* «головешка» + *агачы* «дерево ее» [ТРС, 1931; 1966], а в шарлыкском, мензелинском отмечен его фонетический вариант **кисагач**, **кычаугач**, в камышлинском **кисагач**, стерлитамакском **кычаугач**, в курмантауском **кыйсаугас**. Ср.: казах. *көсәу*, узб. *косов*, ног. *ковсев*, ккалп. *ковсеу*; др.-тюрк. *közägü* «кочерга».

В шарлыкском говоре, как и в большинстве говоров западного диалекта, бытует фонетический вариант русского *черепинка* **чирэп** – «глубокая глиняная чаша». В отдельных говорах оно имеет иную, более конкретизированную семантику, **чирэп** – в хвалынском, карсунском, мелекесском «горшок с широким горлышком», в сергачском «глиняная сковорода», в говоре мордвы-каратаев «черепок, черепушка», в лямбирском «миска», в темниковском говоре **чирэпикэ** – «горшок с широким горлышком».

Пикеш [рус. пекиш] в шарлыкском говоре употребляется в значении «чугунный горшок». Эта лексема в ряде говоров западного диалекта имеет дополнительный семантический оттенок: в кузнецком – «маленький горшочек», в темниковском – «горшок». В лямбирском говоре отмечена лексема *чуйын пикеш* «маленький чугунок».

В бугурусланском говоре, как и в стерлитамакском говоре, употребляется слово **чөңкэ** «глиняная миска». Возможно, оно образовано от звукоподражательной основы *чөң-* с помощью суффикса *-кэ* [Казиханова, 2011: 158].

Интерсно, что слово *пекешка* известно в рязанских, тамбовских говорах русского языка [Хайрутдинова, 2000: 38]. Семантическая устойчивость характерна для диалектизмов.

В шарлыкском и бугурусланском, также и в кряшенских говорах для передачи значения «большой глиняный сосуд» употребляется лексема **корчага**. В других говорах выступают ее фонетические варианты: **курчага** (хвл., мел., држ., чст.), **курчага/кырчага** (м.-кар., тмн.) «корчага» (< рус. *корчага*). Фонетические изменения произошли в первом слого слова. Семантическое изменение наблюдается лишь в слове **карчага** (говор села Калда) «желоб, выдолбленный из цельного бревна (также используется при варки домашнего пива)» [Хайрутдинова, 2000: 38].

К этим названиям очень близки единицы с семей «круглый высокий сосуд с горлышком и ручкой» **кукшин** в шарлыкском говоре, а также в других говорах западного диалекта, например: **кершн**, **кыршин** (стрл., лмб.), **кышын** (лмб.) (< рус. *кувшин*).

Куваши́н'а [рус. *кваши́ня*] в шарлыкском говоре «деревянная кадка, кадушка для теста», так же в дрожжановском, чистопольском говорах. Необходимо отметить, что в западном диалекте слово **куваши́н'а** приобрело несколько иную семантическую функцию: «готовое тесто из ржаной муки». *Иртәгә иләгә кувашин'а әзер инде, иртән йабарга гына.* – Тесто к завтрашнему обеду готово, надо только утром испечь.

Слово **тәриңкә** (< рус. *тарелка*) зафиксировано в шарлыкском говоре в значении «чаша, миска, фарфоровое или эмалированное блюдо». В значении «тарелка для супа и вторых блюд» в говорах употребляются фонетические варианты **тәрилкә/тарилка** в темниковском и лямбирском говорах.

В шарлыкском, также в стерлитамакском говорах западного диалекта, также и в заказанских говорах известно слово **мис**, в бугурусланском и мензелинском говорах его вариант **мичкә** (< рус. *миска*) «кастрюля».

В бугурусланском говоре в значении «половник» используется литературное **аш чүмече**. В каргалинском говоре в данном значении выступает слово **бакрач**, встречающееся также и в мензелинском, мамадышском и других говорах. *Җашың булмаса, бакрач куйасың.* – Если нет ложки, ставишь половник. В мензелинском говоре данное слово обозначает «медный таз». Оба значения слова представлены в словарях татарского языка. Корень татарской лексемы **бакрач** восходит к слову *бакыр* «медь». Ср.: тур. *bağraç* «медный ковшик или котелок», ккалп. *бакыраш* «металлическая

сковородка», казах. *бақраиш* «черпак», башк. *бакырса* «медный чайник» [ЭСТЯ, 1978: 45–46]. В лямбирском говоре бытует вариант **багырча**.

В значении «половник» в бугурусланском и шарлыкском говорах употребляется лексема **ужау**. В других говорах бытуют варианты – **ыжау/ужау** (злт.), **ызау** (ичк.). Ср.: башк. *ижсау* «ковшик», башк. диал. *аш ижсауы* «ложка», казах. *ожау* «деревянный ковшик», узб. *ожав* «деревянный половник».

Значением «половник» в шарлыкском говоре идентифицирует слово **палауник**, встречающееся и в некоторых населенных пунктах распространения каргалинского и бугурусланского говоров. Ср.: **палуун'ык/палуйнык** (кузн.), **палауник** (хвл.), **пал'онок** (клд.) (< рус. *половник*), **курка** (*темн.*). Необходимо указать, что **курка** в шарлыкском и в отдельных других говорах западного диалекта (лмб., кузн., мел., хвл.) бытует в значении «ковш, ковшик». В иных случаях семантических изменений не отмечается.

Чэйгүн в каргалинском говоре «чайник», в шарлыкском говоре в данном значении используется слово **чэйник**, фонетические варианты литературного **чэйнек**. Этот вариант используется на остальной территории распространения татарских говоров среднего диалекта. Ср.: в отдельных говорах **чэйген** (мам.), **цэйген/цэйгүн/чэйнүк** (зап. д.).

Отметим еще несколько единиц лексико-семантической группы, связанной с хозяйственной жизнью носителей говоров, которые выражены глаголом. **Қыршау** в каргалинском говоре «огородить, окружить изгородью»: *Эткэйлар шушы урынны қыршап алып калган.* – Родители огородили и оставили себе это место. В каргалинском говоре имеется лексема **тақталау** – «разглаживать, разравнивать отстиранное вручную и высушенное белье».

Анализ хозяйственной лексики татарских говоров Оренбуржья позволяет говорить о том, что переселенческие говоры исследуемого ареала сохранили в себе основной пласт лексем материнских говоров (*кәртә/киртә* «закрытое холодное помещение для скота, сделанное из досок или забранное плетнем», *ишег алды / ишег алны* – «сени», *мөйеш/мийеш* «угол чего-либо», *былдыр* «крыльцо», *кәзәңкә* «чулан в сенях», *айа* «приспособление для расчесывания пуха (специальный гребень)», *чара, чара табач / чара табак* «большая деревянная чаша, в которую кладут увялянное тесто пе-

ред выпечкой хлеба», *бақрач* «половник»). Некоторые диалектные лексемы данной тематической группы имеют локальный характер (*лай өй* «дом из самана», *сэйгау жэйу* «настилать пол», *жәмкә* «щипцы для углей», *айалау* «расчесывать козий пух специальным гребнем», *лабыр* в каргалинском говоре «ворох сена, который можно поднять вилами в один прием», *мөгәлдәк* «телега, обычно предназначенная для перевозки соломы, снопов и дров и т.д.», *чөңкә* «глиняная миска»).

В генетическом аспекте обращает на себя внимание значительное количество русских заимствований, причем среди них обнаруживаются узколокальные слова: *саласка* «салазки», *бутыл* «ботало, глухая погребушка из железа, привязываемая на шею пасущихся коров», *пурман* «фургон», *пикеш* «чугунный горшок» и др., которые и составляют специфику исследуемых говоров.

На территории Оренбургской области распространена сложная система говоров татарского языка. Торгово-экономические контакты, общее развитие хозяйства и культуры с другими тюркоязычными народами за долгий период внесли в эти говоры новые общие черты. Их носители в течении длительного времени совместно проживали на относительно небольшой территории, но не сложилась их полная нивелировка.

Происходило взаимовлияние и взаимодействие между говорами различных диалектов с одной стороны, и между говорами окружающих языков: русского, башкирского, казахского – с другой. Что привело к появлению в них общих заимствований. При этом следует особо отметить, часть заимствований характерна лишь для Оренбуржья, или для Оренбуржья и окружающих его других говоров (камышлинский, мензелинский, стерлитамакский) (*лай* «тина, ил, жидкая грязь», *пугр'ан* «погреб», *валәк* «валек для белья», *фурман* «телега, обычно предназначенная для перевозки соломы, снопов и дров). Ряд слов обнаруживается в ограниченном числе говоров.

4.2. Названия одежды, обуви и головных уборов

Некоторые названия одежды и украшений по западному диалекту и касимовскому говору исследованы в трудах Л.Т. Махмутовой (1962; 1976; 1979; 1982; 1985), сведения по отдельным группам названий одежды содержатся в работах Г.К. Якуповой

(1961), Р.Р. Шамгуновой (1962), Н.Б. Бургановой (1962; 1976), Л.Ш. Арсланова (1965; 1966; 1976; 1988; 1995), Д.Б. Рамазановой (1970; 1976; 1978; 1984; 1987; 1988; 1993; 1995; 1999; 2000; 2001), Ф.С. Баязитовой (1986; 1988; 1992; 1995), З.Р. Садыковой (1971; 1982; 1985), Ф.Ю. Юсупова (1979) Т.Х. Хайрутдиновой (1985; 1992; 1994; 2000); некоторые наблюдения по этимологии отдельных названий одежды и украшений имеются в трудах С.А. Бурнашевой (1962), Р.Г. Ахметьянова (1981; 1989; 1991) и др. Значительная лексика, связанная с производством одежды и украшений, рассматривается в монографии (1983) и статьях (1980; 1988) Р.К. Рахимовой. Наиболее полно материал по лексике данной тематической группы отражен в работе Д.Б. Рамазановой – «Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте» (2002), где впервые исследуются названия одежды и украшений татарского языка и его говоров как целостная система, с привлечением сравнительных данных из родственных и неродственных языков.

Большой материал по исследуемой тематике отражен в диалектологических словарях татарского языка (ТТДС, 1969; 1993; ТТЗДС, 2009; Тумашева, 1961; 1992; Тумашева, Насибуллина, 2002), сборниках «Материалы по татарской диалектологии» (вып. 1–8, 1955–1989; 1976; 1990).

Основной термин для выражения понятия одежда (слово **кием**) восходит к глаголу *кию* – одевать, надевать + имяобразующий аффт. *-(e)m*, который выражает результат действия: тюркск.: *käd* – покрываться, носить; др.-тюркск. *käd* – одевать [ЭСТЯ, 1980:13]. Ср.: башк. *кейем*, каз. *куйм*, кирг. *ккалп.*, узб. *kijim*, лобн. *кейим*, гаг. *гуйм*, кум., тур. *гуйим*, туркм., азерб. *гейим* – «одежда, одеяние» [ЭСТЯ, 1980:12], в древнетюркском *kädim* [ЭСТЯ, 1980:13], *kedim*, *kejim* и т.д.

В татарских говорах Оренбуржья бытуют следующие словосочетания, выражающие виды, назначение одежды и т.п.

В каргалинском и бугурусланском говорах, как и в литературном языке, различаются **тышқы** (досл. наружная) **кийем** – «верхняя одежда»; **қышқы кийем** – «зимняя одежда», **эчке кийем** – «нижнее белье» и др.

Одежда, как важный атрибут жизнедеятельности человека, часто приобретала ритуальное значение. С этим связано образование в говорах на основе слова *кием* различных выражений, свя-

занных с определенными традиционными обрядами и обычаями [Рамазанова, 2002: 11].

Кийем белән бару, кийем китерү (бгрс.) – один из предсвадебных обоюдных приглашений, когда противоположная сторона приносит подарки в виде определенного вида одежды для жениха (или невесты) и их родственников.

Кийем китерү (кргл., заказ.-крш., пар., нагорн., менз., астр., сиб. д.) – один из предсвадебных обрядов, когда сторона жениха привозит в дом девушки обговоренную одежду для невесты (обычно, это что-нибудь из украшений – чулпы, целковые серебряные монеты, и из одежды – камзол, платок, платье, шуба или бешмет, обувь и т.п.).

В мишарских говорах (шрл., кузн., мел., тмн., лмб., срг. и др.) распространены выражения **кийем сүләү, кийем-тотым сүләү** – договариваться о том, что из одежды должны принести родители жениха для невесты: *Сорап киләйде катыннар, ике башкода, кийем-тотым турында сүлиләр.* – Бывало, приходили сватать женщины, две свахи. Договариваются об одежде для девушки, которую должны принести родители жениха.

К названиям одежды в исследуемых говорах относятся: *камзул/камдул* верхняя одежда, с короткими до локтя рукавами или без рукавов, украшенная позументом, с открытой грудью, сильно приталенная», *хәрти* «короткий камзол без рукавов для молодых женщин и девушек», *хертә, херти* «стеганая безрукавка», *толон* «тулуп», *тыш бийәләй* «обычная рукавица», *йон бийәләй* пуховая рукавица, которая надевалась под кожаную рукавицу», *пирчәткә/пичәткә/печәткә* «перчатки», *кийәү күлмәге* «рубашка, специально подготовленная невестой для жениха в качестве подарка», *кендек күлмәге* «распашонка», *алиапкыч /алҗапкыч* «передник» и др. Рассмотрим некоторые из названий более подробно.

Камзул – преимущественно женская, также и мужская верхняя одежда, с короткими до локтя рукавами или без рукавов, украшенная позументом, с открытой грудью, сильно приталенная. Камзол со временем менялся по форме. Как полагают ученые, для татар сначала были характерны камзолы с короткими рукавами, потом стали превалировать комзолы-безрукавки [Рамазанова, 2002: 27].

Данное слово выступает с заднеязычным началом, т.е. увулярным *к*. Отмечены следующие его варианты **камзул** в шарлыкском

говоре, и также в кряшенских говорах, **камзул/камдул** в бугурусланском говоре, а также в материнском мамадышском говоре, и в смежном мензелинском говорах, т. к. уже неоднократно писали о том, что в заселении территории Оренбуржья (З.Р.Садыкова, И.А.Гафаров) и юго-западных районов современной Башкирии активно участвовали выходцы из Арской дороги Казанской губернии [Рамазанова, 1984: 15]. Ср.: **камзол** (нукр.), **кэмзул** (бирск.), **кантул/кэндүл/кэнтүл** (тпк.), **камсул/кэмсул** (сиб. д.) и др.

Хөрти [фарс.] в бугурусланском говоре «короткий камзол без рукавов для молодых женщин и девушек». *Кызыма хөртигә дигән плүш бар эле.* – Есть еще плюш для камзола моей дочери. **Хөртә, херти** [перс.] в шарлыкском говоре «стеганая безрукавка». *Хертиецне дә кидем.* – Одеда и твою безрукавку. Эти слова являются фонетическим вариантом литературного **көртә**. В говорах распространены следующие ее варианты **көртә** (кргл., мам.), **көрти** (менз., стрл.), что свидетельствует о сохранении в изучаемых говорах Оренбуржья особенностей материнских говоров.

Толоп «тулуп» в бугурусланском и каргалинском говорах, также и в большинстве татарских говоров **тылып** в шарлыкском говоре, неогубленный вариант характерен и для других говоров западного диалекта, также и для касимовского и нукратского говоров среднего диалекта. Кроме того **тулуп** (перм.), **тулып** (нукр.) и др. В бугурусланском говоре и в говорах Приуралья наблюдается несколько иная модель образования термина, передающего данное понятие: **тулуп тун** (бгрс., перм.), **оло тун** (нгб.), **толоп тун** (тара), **олло тун, тыш тун** (сиб. д.). Как видно, указанные термины образованы на основе слова *тун* – «одежда». Ср.: башк. *толоп*, ног. *тулуп*, ккалп. *тулып*, чув. *тӓлӓп* – тулуп; кирг. *тулуп*, азерб. *тулук* – шкура, снятая чулком, уйг. *тулум* – бурдюк, тув. *тулуп* – мешок без швов из цельной выделанной кожи, алт. *тулуп* [Будагов, 1: 808] – мешок без швов из цельной кожи и т.д.; тур. *тулуп* – шкура, снятая чулком, мешок без швов из цельной кожи. Русск. *тулуп* заимствован из тюркских языков [Шипова, 1976: 333].

Для передачи понятия «варежки, рукавицы» в татарских говорах употребляются различные слова: *бийӓлӓй, илӓсӓ, кул кабы, вариҗа, ырҗача, йарҗак, эҗмӓк* и др. Самым активно употребляемым в татарских говорах Оренбуржья является слово **биялӓй** (тат. литер.), имеющее в говорах различные варианты по линиям начального

согласного, конечного дифтонга, также и гласного первого слога: **бийэли** в каргалинском говоре и в говоре нагорных кряшен, **бэлэй/пелэгэй** в шарлыкском говоре и в говоре подберезинских кряшен, **били** (кас.), **бэли** (чст.), **пийэлэй**, **милэли**, **милэгэй/мигэлэй** (сиб. д.), **мэгэлэй** (бараб. д.) и др. Аналогичные варианты отмечены и в других тюркских языках: *пэлэй* (алт., уйг.) и др.

На основе этого слова образован ряд выражений, обозначающих различные виды рукавиц: **тыш бийэлэй** (кргл., пар., казан., менз., крш.), **тыш пийэлэй** (сиб. д.) – 1) «обычная рукавица», 2) «брезентовые или другие рукавицы, надеваемые поверх обычных рукавиц»: *Туганда тыш бийэлэй хатле генэ йе* – Когда родился, он был величиной лишь с верхнюю рукавицу (чст.-крш.). **Эч бийэлэй** – обычная рукавица, если поверх нее надета другая (шрл., мам., нагорн., пар. и др.). **Йон бийэлэй** – шрл. – пуховая рукавица, которая надевалась, под кожаную рукавицу. **Қалақ бийэлэй** (кргл., менз.) – рукавица обычной формы. Ср.: *калақ* – номинация по схожести лопаточке в прямой и плоской форме.

Считается, что слово **бийэлэй** восходит к перс. *бәһлә*, *биһлә* – одежда для охоты с ловчей птицей, которая включала кожаные рукавицы с длинным обшлагом, кожаные наплечники и кожаный кiset [Ахметьянов, 1978: 78].

В шарлыкском говоре Оренбуржья, а также в говорах среднего диалекта, сформировавшихся в этом ареале, в значении «рукавица» употребляется слово **варик** (шрл., бгрс.). Данное русское заимствование распространено в говорах западного диалекта (мел., алтат., лмб.) и в тех говорах, которые сформировались в окружении мишарских говоров. Ср.: **варик**, **вариг** (тмн.), **барига** (држ.), **вэригэ** (баст.). В русском языке: *варежки*, *вериги*, *вареги* и т.п.

В шарлыкском говоре используются еще следующие лексемы: **галича** [рус.] 1. (шрл., лмб.) «голица»; 2. (шрл.) «рукавица из шкуры». Например, *Галича кимэсэң, йон бийэлэй духына туза*. – Если не надеть рукавицу из шкуры, то пуховая рукавица быстро приходит в негодность.

Понятие «перчатка» передается в татарском литературном языке заимствованием **перчатка**. В говорах имеется ряд его вариантов, связанных с соответствующими особенностями говоров: **пирчэткэ**, **пичэткэ**, **печэткэ** (бгрс., кргл.), **пэрчатка** (шрл., кузн., лмб., тмн.), **пирчат**, **пэцэкэ** (срг., држ.), **бирсэткэ/пилцэткэ**

(сиб. д.) и т.д. Нельзя не отметить то, что шарлыкский вариант совпадает с вариантом, характерным для говоров западного диалекта. На основе рассматриваемого слова образованы выражения **дебет пирчэткэ** (кргл., бгрс.) – пуховые перчатки; **сырлы пирчэткэ** (бирск.) – перчатки с ажурной вязкой. Например, *Аннаң пирчэткэләр булсайде.* – Были бы белые-белые перчатки. В говорах в данном значении бытует также слово **бишбармак** (шрл., држ., срг.), **бишбармак** (перм., кр.-уф., дубь.) (досл. пять пальцев). Значение «перчатка» данного слова, бытующего в настоящее время в пермском говоре, свидетельствует о смысловом переносе: *бишбармак* «кисть руки» > *бишбармак* «одежда для пяти пальцев» [Рамазанова, 2013: 105].

Понятия «платье» и «рубашка» передаются в татарском языке одним термином – **күлмәк**. Такой же вариант распространен и в говорах, распространенных на территории Оренбуржья и в других ареалах татарского диалектного языка. **Кийәү күлмәге** «рубашка, специально подготовленная невестой для жениха в качестве подарка»: *Кийәү күлмәге тектем сәдәфләп, чигеп.* – Я сшила рубашку для жениха, с пуговицами, с вышивкой. В говорах западного диалекта, также и в тех говорах среднего диалекта, которые сформировались, испытывая влияние говоров западного диалекта, распространено выражение **куш күлмәк** (шрл.) «мужская рубашка и женское платье вместе взятые, преподносимые во время свадьбы парным родственникам в качестве подарка со стороны невесты»; кузн. **куш-куш күлмәк**, на юге центрального подговора мензелинского говора, испытывавшем влияние западного диалекта, **бөтен күлмәк** – в том же значении. **Кендек күлмәге** шарлыкский говор и другие говоры западного диалекта – «распашонка».

Гәүдә – «верхняя часть платья» (кргл., менз., кмшл., чст., стрл.). Отсюда: **гәүдәле алжапкыч** (кргл., менз.), **гәүдәле алжапкыч** (стрл.) – «передник с отрезной талией». В данном случае, как и во многих других названиях одежды, слово восходит к названию органов, частей тела. Такое значение слова *гәүдә* в других тюркских языках не зафиксировано. Оно отмечено в словаре В.В.Радлова также лишь по татарскому языку. *Гәүдә* – «верхняя часть платья» является вторичным по отношению к *гәүдә* – «туловище, стан» и т.д., широко распространенному в тюркских языках [ЭСТЯ, 1980: 52; Рамазанова, 2013: 83].

Нижняя часть платья, т.е. подол, обозначается в татарском языке (как в литературном, так и в говорах) словом *итэк*. Наблюдаются также и варианты: *этэк* (нукр., клд.), *итэ'* (нукр., заказ.-крш., чст.-крш.). *Итэк* – общетюркское название нижней части платья, зафиксировано и в памятниках как тюркской, так и старотатарской письменностей.

В тех говорах, где слово *итэк* употребляется и в значении «оборка, волан на подоле», для передачи понятия «подол платья» употребляются описательные выражения с определениями: *бэбэй* (шарлыкский говор) *итэк* – «оборка, волан», *оло* (у заинских крышен) *дәү* (заказ.-крш.) *итэк* – «большой» и др.

Жақа в каргалинском и бугурусланском говорах среднего диалекта «воротники любой одежды и верхней, и нижней», в говорах встречается также литературный вариант *яка*. В шарлыкском говоре в данном значении выступает вариант *йага*. Ср.: соответствующие варианты в других говорах: *жага/жақа* (трх.), *джақа* (дубь., баст.), *йага* (злт., сиб. д.), *жага* (перм.), *джа'а* (кас.), *джага* (м.-кар.), *йақа/йага* (бараб. д.)

Понятие «передник» передается в татарском литературном языке сложным словом *альяпкыч*, где *ал* – перед, *йапкыч* – то, чем покрывают или то, которое покрывает. Этот же термин распространен и в большинстве татарских говоров: в исследуемых говорах данный термин встречается в различных фонетических вариантах: *алжапкыч* в каргалинском и бугурусланском говорах; *алйапкыч* в шарлыкском говоре. Ср.: *алжақыч* (мам., лш.), *алжапкыч* (чст., м.-кар.), *алжапқыч/алйапқыч* (заказан., бирск., нукр. и в некоторых других говорах), *ал'апкыц* (чст.), *эл'апкыч* (стрл.: контаминированный вариант; ср.: зап. д. *алын/элен*, *ал* и монофтонгизация дифтонга, т.е. *ал'ана* – *эйләнгә*, *кан'ар* – *кайнар* и т.п.), *алдапқыч* (заказан.-крш., менз., сиб. д., где, видимо, проявление (т > д), т.к. общесиб. *алтйапқыц* (ср.: уйг. *алдйапкыч* – передник) (тюм., тар.), *айлапқыч* – метатезированный вариант (менз., кмшл., сиб. диал), *алгапыс* (заказ.-крш.) и др. Отсюда: *күкрәк ал'апқыч* – женский нижний нагрудник: *Күкрәг ал'апқыч эниләр кийә иде* – Бывало, матери носили нижний нагрудник.

Названия головных уборов. Обобщающее понятие «головной убор» передается словосочетанием *баш киеме*. К этой тематической группе относятся слова: *тастар* «особым образом

завязываемый головной убор замужней женщины из продолговатой материи в виде полотенца», *өчпочмақ* «косынка из серого пуха», *путинка/путинкә/паутинка/нечкә шал/нәзек шал/ ақ шал* – «белый ажурный пуховый платок», *палантин* «белый ажурный пуховый шарф большого размера», *қалын шал/қара шал/ йуван шал/пухавай шал (шәл)* «пуховый платок серого или темного цвета», *вигун/бигун* «платок (серый) машинной вязки из низкого сорта пуха», *калын шәл/қалын шәл* «большая суконная шаль, из сукна домашнего производства», *шал/шәл/вәл* «платок из козьего пуха», *маңгайча* «старинный женский головной убор в виде тюбетейки (т.е. туфья), *такья* «тюбетейка, т.е. мужской головной убор», *кәләпуш* «вид тюбетейки из бархата», *тәлпәк/кәлпәк* «тюбетейка», *тәбәкәй/түбәкәй* «тюбетейка», *малахай* «шапка-ушанка», *кондоз бүрек* «женская шапка с бархатным верхом и с широкой каймой из роскошного меха» и др.

Бүрек – один из широко и повсеместно распространенных головных уборов. Во всех говорах татарского языка понятие «шапка» передается этим словом. В татарском литературном языке оно имеет значения: 1) «шапка, папаха»; 2) «хохол, хохолок (у птиц)»; употребляется в значении прилагательного: шапочный, *бүрекче* (литер. и диал.) – «шапочник», *бүрекчелек* – «ремесло шапочника». В значении «хохол, хохолок» слово *бүрек* используется в заказанских, нагорных, кряшенских и, частично, в приуральских говорах.

В фонетическом плане нужно отметить варианты: **бүрек** в бугурусланском и каргалинском говорах среднего диалекта, **бүрк/бүрке** в шарлыксом говоре, т. е. как и в других говорах западного диалекта, ср.: **пүрек** (тпк.), **пүрек/пөрөк** (сиб. д.), **бүрк/бүр'** (кас.), **бөрк/бүөрк** (срг.) и др.

Женская шапка с бархатным верхом и с широкой каймой из роскошного меха в татарских говорах называлась и другим термином – **кондоз бүрек**. Он особенно широко распространен в заказанских говорах среднего диалекта, и в его дочерних говорах Оренбуржья: *Қондоз бүрекләр кийеп су китерәләр ийе киленнәр* – Молодые невестки, бывало, ходили за водой в бобровых шапках. *Байлар кийә кондоз бүрек, түбәсе баркут.* – Богатые носят бобровую шапку, верх из бархата.

Слово **кондыз** распространено во многих тюркских языках: башк. *қондоз*, ног., каз., ккалп. *кундыз*, узб., уйг., тур. *кундуз*, алт.

кумдус, чув. *хӑнтӑр* – бобр; тесьма, оторочка, меховая оторочка; тув. *кундус*, хак. *хамнос* – выдра. Считается арабско-персидским заимствованием: араб. *қундуз* – бобр, перс. *гондоз* – соболь. Слово зафиксировано и в памятниках древнетюркской письменности, у М. Кашгари и др. (ДТС: 466).

Значение «шапка-ушанка» передается в шарлыкском говоре Оренбуржья словом **малахай**. Ср.: **малахай** (нрл.), **малакай** (подб., м.-кар.), **томақ** (сиб. д.).

Ср.: чув. *мулаххай* – шапка-ушанка, малахай; башк., каз., уйг. *малахай* – шляпа; монг. *малагай* – шапка, шляпа; кирг. *макалай/малакай* – мужская меховая шапка без полей и без отворотов, *махалай топу* – девичья шапка с широкой выдровой оторочкой. Имеется и в русском языке: *малахай* – шапка-ушанка, т.е. по значению близок к тат., чув., монг. Считается монгольским заимствованием [Егоров, 1964: 134].

Понятие «тюбетейка» в говорах Оренбуржья передается также различными словами.

Наиболее распространенным словом в говорах является **түбәтэй**, употребляется в бугурусланском говоре, а также в заказанских, нагорных, приуральских говорах. Отмечены следующие варианты его: **тәбәкэй** в каргалинском и шарлыкском говорах, а также в мензелинском говоре, **түбәкэй** в бугурусланском говоре, **тубитий** (кас.), **тәбәтэй** (чст., бараб. д.), **төбәтэй** (приур.), **тебет'ий** (перм.). **Бохар төбәтәйе** (нагорн., заказан. и др.) – «узбекская тюбетейка».

Ср.: бур. *түбәтэй* – выпуклый, с выступом. Восходит к общетюркск. *төбә, тәбә* – холм, выпуклость, вершина + словообразовательный афф. *-тэй* [Шипова, 1976: 339; ЭСТЯ, 1980: 199; Ахметьянов, 1978: 119].

Тәлпәк в бугурусланском говоре, также и в мелекесском, чи-стопольском, мамадышском говорах, **кәлпәк** в шарлыкском, тарханском, камско-устыинском говорах – «тюбетейка».

Кроме того, **кәлпәк** в каргалинском говоре выступает и в значении «войлочная шапка», в нагорных говорах наблюдается смысловой перенос: **кәлпәк, тәлпәк** «заглушка самовара».

По всей вероятности, *кәлпәк, тәлпәк* – варианты. Соответствие *т-к* наблюдается в татарских говорах и в ряде других слов: *тели* (тат. литер., средн. д.) / *кели* (зап. д.) – хочет; *төнәген* (казан.),

кенәген (крш.) – вчера; *икмэк* (тат. литер. и средн. д.) / *итмэк* (перм., злт., ичк., сиб. д., м.-кар. и др.) / *үтми* (кас.) – хлеб; *түбәкәй* / *түбәтәй* (приур.) – тюбетейка и др.

Вариант *тәлпәк* указан Л.З. Будаговым в татарском (тюбетейка); туркм., узб. « меховая шапка », каз. « тюбетейка, меховая шапка », в диалектах узбекского языка *дәгәләй/дагалай телпак* « круглая меховая шапка », казах. « шапка-ушанка » [Сагындыкова, Бисембаева, 1991: 103].

Кәләпүш (тат. литер.) – « вид тюбетейки из бархата ». Оно зафиксировано в шарлыкском, также и в тарханском, лаишском, дубьязском говорах: *Бәрхәттән йәшел кәләпүш тектергән.* – (Заказом) сшила зеленую тюбетейку из бархата. *Кәләпүш* < перс. *кәллә* – голова человека или животных + *пуш* – то, чем покрывают, покрывало. *Кәләпүш* в персидском обозначает « колпак девичий, тюбетейка ». Данное его значение сохраняется и в лаишском говоре. Такая же семантика его отмечена С.Ф. Миржановой в южном диалекте башкирского языка: так, в демском говоре *кәләпүш* « женское головное украшение из серебряных монет »; в инзерском *каләпуш* « древний женский головной убор с наспинником, обшитым монетами и кораллами » [Миржанова, 1979: 159; 236].

Оригинальная и характерная лишь для татар реалия известна во всех группах татарского народа и именуется во всех говорах, в основном, под одним и тем же названием: **қалпак/қалфақ** в каргалинском и бугурусланском и также в других говорах среднего диалекта, **қалпак** в шарлыкском говоре и в других говорах западного диалекта, **қалбақ/қалпақ** в сибирских диалектах (тат. литер. **қалфақ**). В говорах отмечены также и следующие варианты: **кәлпәк** (к.-уст.), **қәл'пак** (перм.; ср.: венг. *kalpag*, где *l*, возможно, также мягкий), *калта'* (тмн.), *қәлбақ* (сиб. д.), *қалбақ* (бараб. д., том. д.).

Материал, размеры, формы украшения *калфака* были различными, в связи с чем возникло значительное число выражений, образованных на основе данного термина. В говорах Оренбуржья, также и в других приуральских говорах встречается выражение **тәңкәле қалпак** – « калфак, украшенный мелкими монетами ». Также и: **мүгезле қалпак** (нукр.), **мөгез қалфақ** (мам.) маленький калфак, **мөгез** « рог » (ср.: **күкеш қалфақ**), **тебетий қалпак** « калфак, имеющий форму тюбетейки » (перм.); **чукәтә қалпак** « маленький кал-

фак круглой формы, расшитый белым бисером (менз.), вероятнее всего, тот же **мөгез калфак**.

Укалы калфак (тат. литер., бгрс., кргл., средн. д.), **укалы калпак** (шрл., зап. д.) «калфак, вышитый канителью или позументом» (ср.: **угалы/нугалы калбак** (сиб. д.)).

Такыя в значении «тюбетейка», т.е. мужского головного убора, известно в каргалинском, также в тепекеевском и, частично, мензелинском говорах, у юртовских татар (Астраханская область) [Арсланов, 1976: 62]. В сибирских диалектах *тақыя* выступает в следующих значениях: 1) мужская шапка, 2) женская вязаная шапка. Ср.: *такыя* – тюбетейка (каз., ног., ккалп.). Данное слово в татарском литературном языке имеет два значения: 1) туфья; 2) венчик из цветов, надеваемый на голову. В говорах же это слово бытует в разных фонетических разновидностях и выражает различные семантические оттенки. На наш взгляд, данное слово связано, в основном, с женскими головными уборами, включающими также и элементы украшения

Маңгайча – «старинный женский головной убор в виде тюбетейки (т.е. туфья), вышитый спереди бисером и надеваемый поверх платка» в бугурусланском, также и в мензелинском говорах. В ряде говоров Приуралья данного термина встречается в различных вариантах: менз. **маңгача**, байк. **маңгайца**, тпк. **маңкайса/маңкайса**, также и лмб. **маңгайча** в указанном значении. В говорах под данным словом подразумевается и другой вид налобного украшения. В пермском говоре **маңлайча/мағлайча** – «старинное женское украшение, состоящее из двух рядов монет, нашитых на узкую полоску материи, и надеваемое женщинами на лоб». Аналогичная реалия бытует и у крещеных татар под названием **маңгай тәңкәсе**; ср. также: **укачачак**, **калпак-чачак** и др. у кряшен. Известны следующие переносные значения этого слова: хвл. **маңгайча** – «налобная, иногда украшенная, часть уздечки», ср. «облучок телеги». Название реалии образовано на основе имени органа человека, для которого и делается украшение, с помощью аффт. *-ча*.

Ср.: в демском говоре башкирского языка **маңалайса/моғалайса** – 1) налобное украшение с мелкими серебряными монетами, 2) свисающие на лоб монеты [Миржанова, 1979: 236].

Шәл. В татарском языке для передачи значения «женский верхний платок» употребляется слово **шәл** (тат. литер. и средн. д.),

в говорах западного диалекта **шал'**/**шэл**, нукр. **шал'**. *Шал' белә чорнолоп печин чабасы, камзул кийеп.* – Надев камзол, укутавшись шалью, нужно косить сено. В говорах часто наблюдается вариант с протезой: **эшэл**. Кроме того, в говорах западного диалекта выступает и вариант **шалы** (ср.: кирг. **шалы** – шаль).

В татарских говорах Оренбуржья выявляется большое количество словосочетаний, выделяющих шали по материалу, по назначению и т.п.

Мамык шэл (средн. д.), **мамык шэл** (говоры западного диалекта, сформировавшиеся под влиянием среднего диалекта, смешанные говоры), **Шал/шэл/вэл** – «платок из козьего пуха». Фонетический вариант **шал** характерен для урало-сакамарского подговора каргалинского говора. В остальных нас. пунктах Оренбуржья употребляются **шэл/вэл**, из них **вэл** (< рус. вуаль) «вязаный платок» встречается реже, в основном в речи старшего поколения бугурусланского говора; *Вэл беркәндереп килен булган кешене утырталар мөйөшкә мөндәргә.* – Накрыв платком, невестку сажают в угол на подушку .

Плотные шерстяные шали назывались **калын шэл** (бгрс., чст., алтат. и др.), **қалын шэл** (кргл., заказан., нагорн., приур.), где *калын* – «толстый», **тула шэл** (чст., байк., и др.), где *тула* – «шерстяное сукно домашнего производства»: *Башкода белән сүмләр, ницә кабат күлмәк бирәләр кызга (егетнең) әтәләре-инәләре, эшәлен сала, тула шәлен.* – Договариваются со сватом, родители жениха дают невестке несколько платьев, платок, дают толстую шаль .

Для обозначения этого вида шали в говорах употребляются и другие выражения: в каргалинском говоре **папун шэл** (< рус. попона), **зур шал** (шрл.), **дәү шэл** / **зур эшэл** (крш.), **чана шэл/чана шәле** (перм.), **сана шэл** (злт.), **цана шэл** (сиб. д.), досл. «шаль, которой накрываются поверх одежды, когда зимой едут куда-нибудь на санях».

Слово **шаль** распространено во многих тюркских языках: башк. *шәл*, азерб., чаг., уйг., тур. *шал*, тркм. *шаль*, узб. *шол*, ккалп., кирг. *шалы*, каз. *шали* «шаль»; тур. *шал* «кашемир, кушак», *кэшимир шалы* «домашняя ткань из шерсти»; чаг. *шал* «материя из козьей шерсти; шаль» и др. Таким образом, в ряде языков, как и в татарском языке, у слова **шаль** имеется исходное значение «ткань». Восходит к перс. **шал** «шаль, шерстяная материя» [Шипова, 1976: 409].

Вигун/бигун (< рус. вигоневый) «платок (серый) машинной вязки из низкого сорта пуха»: *Йахшы шалны эйбэт дөбеттән бэйлиләр, мынсы вигун.* – Хорошую шаль вяжут из хорошего пуха, а эта – вигоневая (кргл.).

Калын шал/қара шал/йуван шал/пухавай шал (шәл) – «пуховый платок серого или темного цвета»: *Мин бэйлим қулым тигәндә йуван шәл* – Когда доходят руки, я вяжу пуховую (толстую) шаль. **Кәтиткә/кәтитке/катитқы** (< рус. кокетка)/**пианирски шал** «пуховой платок маленького размера»: *Кәтиткәмне эжитмеш бишкә саттым.* – Пуховой платок маленького размера продала за семьдесят пять.

Палантин (< рус. палантин) – «белый ажурный пуховый шарф большого размера».

Шарыф (< рус. шарф) – «белый ажурный пуховый шарф маленького размера».

Путинка/путинкә/паутинка / нечкә шал / нәзек шал / ак шал – «белый ажурный пуховый платок»: *Путинка бэйлиләр айлар салып.* – Вяжут паутинки с крупными как луна узорами. *Безнең элек пух әртилдә нәзек шәл бэйләделәр.* – Раньше у нас в артели, где обрабатывали пух, вязали тонкие (ажурные) платки. **Өчпочмак** – «косынка обычной платочной вязки из серого пуха».

Слова, обозначающие детали или части шали. **Чит** (кргл., бгрс.), **кайма** (зап. д.) «закраина, кромка пуховой шали». Отсюда: **пинзә қайма** (баст.) – «ажурно отделанная кромка основной части шали до пришивания к ней кромки: *Қайма белән шәл уртасы арасына ак чәчәкләр эшилләр иде кр'учок белән, пинзә қайма диләр иде, матур була.* – Края середины шали отделявали крючком с белыми нитями в виде цветочков, называли пинзә қайма, очень красиво(мам.).

Урта (досл. середина) – основная часть шали, к которой с четырех сторон пришиваются кромки (распространено во многих говорах).

Одним из названий головных уборов в татарских говорах Оренбуржья является **тастар** – «особым образом завязываемый головной убор замужней женщины из продолговатой материи в виде полотенца». Он представляет собой белое самотканное полотенцеобразное покрывало длиной до 2 м. и шириной 25–30 см. **Тастар** как головной убор сравнительно недавно бытовал у астраханских

татар [Баязитова, 1982: 63], мишарей, подберезинских кряшен, сибирских татар, у носителей бастанского, касимовского говоров. Например, *Әбиләрнең башы шундый зур була йде, тастарны шул җирдән бәйләләр, астан.* – У пожилых женщин голова бывала такая большая. Тастар повязывали вот отсюда, снизу.

К группе названия украшений относятся слова: *қәсилә/қәситә* «перевязь», *давад*, *дәғwәт*, *дәүғәт/дәғәт* «перевязь», *чәчқап*, *чәчтәңкә* «накосное украшение: полоска ткани, накладываемая на косы и на которую в два ряда нашиты монеты», *чулпы* «накосник», *муйынча/мыйынча* «монисто», *төймә* «бусы», *йөзөк* «кольцо», *қашлы йөзөк/жәзөк* «перстень с камнем», *сәйлән энҗе* «мелкий бисер под жемчуг», *өрфийә* «монета, мелкая бляха, вырезанная из тонкой жести».

Хәситә в каргалинском говоре, как и в литературном языке, обозначает «нагрудное украшение перевязь, представляет собой полоску, обычно из цветной ткани в форме узкого сектора с подложенным под нее картоном или подшитой подкладкой». В бугурусланском говоре, также и в заказанских говорах бытует вариант **қәсилә/қәситә**. В других говорах среднего диалекта данное слово в значении «перевязь» бытует в форме, идентичной литературной; отклонения следующие: **хәсилә** (лш.), **хәситә бауы** (лш.), **хәсидә** (кас.); любопытны метатезированные варианты **хәтисә** (пар.), **сәхитә** (трбс.).

Такое же значение бытует и в тех говорах западного диалекта, которые сформировались в тесном взаимодействии со средним диалектом: **хәситә/хәстә** (шрл., чст., мел.), **касида/ хәстә** (стрл.), **хәстә** (мел., стрл.), **хәситә** (држ). Ср.: в других языках **хәситә** – нагрудник из монет, надеваемый наискось через одно плечо в среднем, демском говорах башкирского языка [Миржанова, 1979: 236].

Дәwәт «перевязь» в шарлыкском и бугурусланском говорах, также в мензелинском, бирском, камышлинском, стерлитамакском, нижнекамско- и чистопольско-кряшенских говорах. В бугурусланском говоре используется вариант **дәвад**, **дәғwәт** и в камышлинском **дәүғәт/дәғәт**. В такой же семантической функции это слово отмечено в говорах башкирского (*дәwәт*), чувашского (*тевет*), казахского (*деңмент/дегмент*) языков [Миржанова, 1979: 159; Нурмагамбетов, 1985: 27], возможно, сюда же относится и узб. диал. *давача* – амулет.

Комплекс украшений включает в себя также и группу головных украшений, среди которых особо нужно выделить волосники, известные в говорах под различными названиями.

Наиболее широко распространенным наименованием волосника в бугурусланском и каргалинском говорах, как и в литературном языке, является **чэчкап**, в семантике которого прозрачно выступает намек на его предназначение, восходит к сочетанию слов *чэч* – «волосы» + *кап* – «куль, футляр, чехол, коробка». Термин *чячкап*, когда-то отмеченный Н.И. Воробьевым на востоке поселения татар [Воробьев, 1953: 294], к настоящему времени выявлен и в различных других говорах, а именно **чэчкап/чэчхап** в кузнецком, **чэчкап** хвалынском говорах западного диалекта, **чэчкап** балтасинском говоре заказанской группы говоров среднего диалекта. Из приуральских говоров **чэчкап/чачкап** отмечен в мензелинском, бирском говорах, **чэчкап** в говорах татар Свердловской и Пермской областей среднего и **цэчкап** байкибашевском, **чэчкап** стерлитамакском говорах западного диалектов. Кроме того, термин *чэчкап* в вариантах **чэчкаб/чачкап** отмечен в говоре крышен деревень, расположенных в окружении представителей мензелинского говора [МТД 4: 46].

Чэчтэңкэ в каргалинском говоре, в материнском мамадышском, также и в лаишском, нурлатском говорах «накосное украшение: полоска ткани, накладываемая на косы и на которую в два ряда нашиты монеты» (тат. литер. *чэчкап*). В шарлыкском говоре в этом значении отмечен литературный вариант **тезмэ**, данное украшение прикреплялось у основания кос. В других говорах зафиксированы следующие аналитические синонимы слова *тезмэ*: **тезмэ** (нагорн.), **чэчтезмэ** (нукр., мам.), **чэч тезмэсе** (лш., мам.), **чэч тэңкэсе** (мам.), То, что эта реалия подвешивалась на всю длину косы, отразилось в термине **чэч буй** (менз.), восходящем к сочетанию *чэч* «волосы» + *буй* «рост, длина, продольный».

Муйынса в бугурусланском, также в мамадышском, мензелинском, златоустовском, пермском, **муйынча/мыйынча** в шарлыкском, каргалинском, также и в мензелинском говорах употребляются для обозначения «монисто – украшение, сделанное из монет и плотно надевавшееся на шею». Термин образуется на основе названия органа, вокруг которого надевается данное украшение-монисто, и словообразовательных аффиксов: *муйын* «шея» + имяобраз. афф. *-ча* (ср.: *жэңсэ*, *белэксэ* – нарукавник в татарском

языке). Ср.: **мун'са** (стрл.), **муйынча** (хвл.), **бун'са** (чст.), **муйынчак** (бирск.), **мун'чак/мунчак** (мел., лмб., кузн.), **мынчак** (м.-кар., лмб.), **мыйчак/мынчак** (перм.), **мунчак** (стрл.), **мун'чак** (карс.), **тамакса** (менз.) < *тамак* – «горло» + афф. *-са*, **муйындырык** < *муйын* «шея» + афф. *-дырык* (бараб. д.). Например, *Элек бөтеннән муйынса булган* – Раньше было монисто, весь из целковых монет (бгрс.).

Төймә в бугурусланском, также мензелинском, кряшенских, бирском говорах выражает понятие «бусы» Встречается оно в такой семантической функции в различных говорах: нукр. **мәржән түмә** – «коралловые бусы», кмшл. **түмә/тиймә/тимә**, алтат. **төмә**, менз., перм., кузн., хвл., чст., држ., злт., трх. **түмә**, сиб. д. **муйын түмә** – «бусы», менз., трбс. **төймә** – «крупные янтарные бусы».

Слово **төймә** является производным от *дүг-/түг-/түй-* «завязывать, застегивать», бытовавшего уже в древнетюркском языке, распространено во многих тюркских языках [ЭСТЯ, 1980: 307–308].

Ишмә/ишмәле беләзек в бугурусланском, каргалинском говорах, также и в говорах Заказанья и Нагорной стороны Татарстана, в мензелинском «браслет из перекрученной проволоки». **Беләзек** в татарском литературном языке имеет значения: 1) запястье руки, 2) браслет, 3) резинка (т.е. часть варежки, которая закрывает запястье, она вяжется другим рисунком), 4) манжетка.

Существует мнение, что это слово представляет собой сращение определительного словосочетания *беләк йөзеге* «кольцо для запястья». Ср. напр.: узб. *билагузу*, кирг. *билеризик*, уйг. *биләк узук* – «браслет». Однако такую этимологию Р.Г. Ахметьянов считает сомнительной [Ахметьянов, 1970: 99].

Йөзөк «перстень», «кольцо» широко распространено в татарских говорах (тат. литер. йөзек), в том числе и в бугурусланском и каргалинском говорах татарского языка. Необходимо отметить только то, что в говорах, для которых характерна делабиализация, название выступает в варианте **йезек** (шрл., нукр.), **жөзөк** в ж-окающих говорах: (средн. д.), **джөзек** (дубь., баст.), **джезе'** (кас.), **йөсөк** (сиб. д.), **йөслөк** (бараб. д.), **йөстөк** (том. д.) и др. На основе данного слова образовано выражение **қашлы йөзөк/жөзөк** «перстень с камнем» в каргалинском, бугурусланском говорах, также в других говорах среднего диалекта. **Пичәт кашлы йезек**

в шарлыкском говоре «печатка», характерная для говоров западного диалекта.

Парное **эңже-мәржән** в каргалинском говоре, как и в татарском литературном языке и большинстве говоров, имеет собирательное значение «драгоценные камни», «украшения с драгоценными камнями». Ср.: в барабинском **йинзә-мәрзән** «украшения из жемчугов и кораллов». В говорах известны выражения **сәйлән эңже** в бугурусланском, также материнском мамадышском говорах «мелкий бисер под жемчуг», **чын эңже** «жемчуг натуральный» (кас., мам., и др.), **эндже тебе** «более крупный, ненатуральный жемчуг» (кас.). Обычно отличают **эре эңже** «крупный жемчуг» и **вак эңже** «мелкий жемчуг».

Одним из активно используемых предметов при изготовлении украшений являлись различные монеты: **тәңкә** – монета, рубль, чешуя, кружок в татарском литературном языке. **Өрфийә** в каргалинском, бугурусланском, также в смежных мензелинском, стерлитамакском говорах «монета, мелкая бляха, вырезанная из тонкой жести».

Обобщающее понятие «обувь» передается в татарских говорах Оренбуржья, как и в литературном языке, выражением **аяк киеме** (досл. ножная одежда или одежда для ног). Так же и в подавляющем большинстве говоров татарского языка.

Наряду с этим, в говорах наблюдается и узколокальный синоним его: **айак савыты** (< *аяк* «ноги» + *савыт* «посуда или чаша») в бугурусланском и каргалинском говорах, также и в других говорах среднего диалекта (лш., н.кам.-крш., менз., бирск., елаб.), **айак савыты** (шрл., лмб., стрл., байк.). В данной тематической группе отмечены слова: *күтәрмәле/күтәртмәле чабата* «лапти, к которым прикреплена деревянная дощечка», *пима/пайпақ/кизитек/кийез итек/кистек* «валенки», *хәшәп* «башмак из деревянной подошвы с верхом, плетеным из лыка или холщовой нити», *әбәнәй* «тапочки, связанные из шерстяной нитки», *чапчур/чәпчүр/чәкчүр* «чувяки, сшитые из кожи домашней обработки», *қайаулы читек*, *чәмчәле читек*, *чигешле читек* «ичиги с узорами из разноцветной кожи», *ыйык/ойык* «чулок», и др. Рассмотрим наиболее характерные названия обуви для татарских говоров Оренбуржья.

Күтәрмәле/күтәртмәле чабата в каргалинском, бугурусланском, шарлыкском говорах «лапти, к которым прикреплена

деревянная дощечка», от гл. *күтәрү* – «поднимать», *күтәртү* – «поднять, заставить поднять».

Деревянные подставки были разные, либо сплошные **тоташ күтәр(т)мә** либо кубиками **шакмак** и т.п.: *Йаз башында, миңа күтәртмәле чабата йасап пирәдер ийе эти.* – Весной отец мне сплетал лапти с подставками (бгрс.). Поэтому в говорах распространено выражение **шакмаклы чабата**, например, в каргалинском, заказанских, мензелинском говорах и др.

В татарских говорах Оренбуржья для обозначения понятия валенки используются следующие лексемы *пима/пайпақ/кизитек/кийез итек/кистек*.

Для говоров северной части области (бугурусланского и шарлыкского) характерно литературное **кийез итек/кизитек/кистек**.

На территории Оренбуржья широкое распространение имеет слово **пима**, изоглосса которого проходит от бассейнов Урала и Сакмары до верховья Демы: *Тегүчеләр килә торган ыйы, пима басучылар килә торган ыйы.* – Бывало, приезжали портные, пимокаты приезжали. Слово **пима**, заимствованное из финно-угорских языков, имеется и в татарских говорах, распространенных на территории республики Башкортостан. Ср.: башк. *бийма* «валенки». З.Р. Садыкова предполагает, что слово в каргалинский говор заимствовано, видимо, из казахского языка, где также употребляется вариант *пима* [Садыкова, 1985: 115], с чем нельзя не согласиться.

Слово **пайпақ** наблюдается в некоторых нас. пунктах в бассейне р. Бузулук: *Үземә пайпақ бастырыб алдым.* – Скатала себе (по заказу) валенки. **Пайпақ** в диалектах западносибирских татар означает «меховые чулки», в башкирских говорах «вид кожаной обуви», «чулки из домашнего сукна». Ср.: кирг. *байпақ* «чулки, носки», каз. *байпақ* «валенки; чулок, носок», хак. *пайпах* «обувь типа чулка, из овчины шерстью вовнутрь» и др. Считается, что данное слово восходит к перс. *бай* «нога» + тур. *пак* «повязка» [Будагов, 1969: 240].

В значении «оборки для лаптей» в оренбургских говорах употребляется слово **кәркеш**, мордовское заимствование, характерное для говоров западного диалекта, сохранилось в новомусинском подговоре шарлыкского говора. На остальной территории употребляется литературное **киндерә**, а в деревнях по р. Кинделя **чабата бавы**.

Хэшәп [хьэшәп, араб.] бытует в каргалинском, бугурусланском говорах, также в смежном мензелинском, камышлинском говорах:

1) «башмак на деревянной подошве с верхом, плетеным из лыка или холщовой нити». *Чабата, ойоқ, хәшип кебек эйберләре кристийаннар үз куллары белән җитештергәннәр.* – Такими вещами, как лапти, чулки, башмаки крестьяне обеспечивали себя сами (бгрс.); 2) «старая, плохая обувь».

Әбәнәй в каргалинском говоре «тапочки, связанные из шерстяной нитки».

Слово **итек** (тат. литер. сапог) в говорах, в основном, означает обувь с длинным голенищем, а виды такой обуви обозначаются с помощью различных определительных слов.

Күн итек в каргалинском, бугурусланском говорах, как и в литературном языке и в большинстве говоров, «кожаные сапоги». В говорах западного диалекта включая и шарлыкский, это понятие передается сочетанием **кайыш итек**, баст. **қайыш итек** (< *каеш* «кожа», тат. литер. *каеш* «ремень»).

Чапчур/чәпчүр/чәкчүр в татарских говорах Оренбуржья имеет значение: 1) «чувяки, сшитые из кожи домашней обработки»: *Эре малның тиресеннән чапчур тегәләр, кырыйына тишекләр тишеп, нәзек кенә кайыш бау үткәрәләр.* – Из шкуры крупного скота шьют чувяки, сделав по краям дырочки, проводят тоненькую веревку из шкуры; 2) «тапочки, вязанные из шерсти или козьего пуха»: *Йонно йерлибез дә чәкчүр бәйлибез.* – Прядем шерсть и вяжем тапочки.

В татарском литературном языке, также и в говорах **чүэк** – чувяки, тапочки (кожаные туфли на мягкой подошве). Проникло и в русские говоры, зафиксировано в ряде словарей русского языка [Шипова, 1976: 399]. Из других тюркских языков известно в башкирском, киргизском, узбекском и др. Р.Г. Ахметьянов связывает это слово с коми-зырянским *тобек* «обувь из просмоленной кожи» [Ахметьянов, 1978: 200], что, видимо, соответствует действительности.

Термином **читек** обозначается татарская национальная обувь – «мягкие сапожки, сафьяновые сапожки, ичиги». Термин **читек** наблюдается во всех говорах среднего и западного диалектов. На основе слова **читек** образованы словосочетания, выражающие различные виды ичигов. Рассмотрим те, которые бытуют в татарских говорах Оренбуржья.

Қайаулы читек (тат. литер. и средн. д.), **чәмчәле читек** (кргл., мам., блт., лш., менз., нукр.), **чигешле читек** (шрл., трх.), **чиккән**

читек (бгрс., дубь., алтат., тмн.), **чэкәнне читек** (мам., блт., менз., перм.) – «ичиги с узорами из разноцветной кожи». Термины *читек*, *ичиги* образованы от эч «внутри» + *итек* «сапоги», досл. внутренний (нижний) сапог [Фасмер, I: 451].

Ойок в каргалинском, **бугурусланском** и **других** говорах средне-го диалекта, **ыйык** в бугурусланском, стерлитамакском, чистопольском говорах, **ойык** в шарлыкском, темниковском, кузнецком, стерлитамакском и др. говорах – «чулок». Обращает на себя внимание и то, что шерстяные чулки ручной вязки в говорах обозначаются различными другими выражениями.

Жон ойок, бэйләгән ойок (кргл., бгрс., мам., блт., лш.), **бөтөн** (досл. целый) **ойык** (шрл., трх., бирск.), **бэйләм** (досл. вязаный) **ойок** (бгрс., менз., бирск., трбс., стрл.). Ср.: синонимы **бишинэ-ыйык** (мел.), **бишинэйок** (чст.), где *бишинэ* «спицы» и др.

Анализ лексико-семантической системы, связанной с одеждой и украшениями, в ареальном аспекте, показал, что основной состав названий одежды и украшений является общим с татарским литературным языком и с другими говорами татарского языка (*камзул* «верхняя одежда, с короткими до локтя рукавами или без рукавов, украшенная позументом», *толоп* «тулуп», *бийгәләй* «варежки», *бүрек* «шапка» и др.). Это особенно четко выражено в лексемах, представляющих собой родовые понятия: *кийем* «одежда», *күлмәк* «платье», *итек* «сапоги», *итәк* «подол», *шәл* «шаль», *дәвәт* «перевязь», *яулык* «платок» и др. Естественно, при этом необходимо учесть их вариантность в фонетическом плане, соответствующую особенностям диалектов и говоров (*бүрек* – *бүрке*, *хәрти* – *көртә*, *түбәтәй* – *тәбәкәй*).

Необходимо обратить особое внимание на узколокальные слова. *Әбәнәй* в каргалинском говоре «тапочки, связанные из шерстяной нитки», *хәрти* в бугурусланском говоре «короткий камзол без рукавов для молодых женщин и девушек» и др.

Изучение названий лексико-семантической группы, связанной с одеждой и украшениями, как системы и в различных других аспектах позволяет выявить разнообразные особенности, которые могут быть успешно использованы при решении вопросов истории и функционирования татарского языка, при изучении исторической лексикологии, а также в разработках по этнической истории татарского народа.

4.3. Названия пищи

Как известно, пища является одним из древнейших элементов материальной культуры народа. И терминология, связанная с ним, также возникла в глубокой древности. Поэтому система наименований пищи представляет большой интерес не только как историко-этнографический источник, но и как лингвистический.

Изучение лексики пищи имеет большое значение и для исследований образа жизни народа, его как материальной, так и духовной культуры, обрядов и старинных традиций.

Лексика, связанная с пищей, наряду с тем, что ей присуща большая общность с другими этнографическими группами татарского народа, другими тюркскими народами, весьма разнообразна по генетическому и лингвоструктурному составу. В системе названий пищи отражены следы, связывающие с другими народами, контактировавшими в историческом прошлом.

Большое место в питании народа занимают мучные, мясные, молочные продукты, разнообразные продукты из окружающей его природы (ягоды, зелень и т. п.).

В татарском языкознании уделяется значительное внимание изучению названий, связанных с пищей. Данная отрасль лексического богатства татарского языка и его диалектов включена в диалектологические, переводные, толковые словари. Разработки по этой тематике отражены в монографических трудах обобщающего характера, в которых исследовались лексико-тематические группы диалектной лексики татарского языка: Ф.С. Баязитова [1982; 1986; 1992; 1993 и др.], Л.Т. Махмутова [1979; 1982], Д.Б. Рамазанова [1976; 1978; 1984; 1991; 2001; 2010 и др.], З.Р. Садыкова [1982; 1985; 1994; 2003], Т.Х. Хайрутдинова [1992; 1993; 1998; 2000; 2001], Р.С. Барсукова [2000; 2004 и др.] и др. Значительный материал нашел отражение в 2-хтомном обобщающем труде «Татар халык сөйләшләр» [2008], в «Атласе татарских народных говоров» [1989; 2013 (электронная версия)].

Татарские названия пищи как лексико-семантическая система в наиболее полном варианте исследованы в монографическом труде Т.Х. Хайрутдиновой [1993], где они рассматривались в фонетико-грамматическом, лексико-семантическом, синхронно-диахроническом планах, в сопоставлении с лексикой татарского

литературного языка. В монографии большое значение имеет ареалогический подход, этимологические экскурсы и генетический аспект, которые дают неопровержимый, объективный материал для изучения в историческом плане не только лексического состава рассматриваемой области, но также и путей этнического процесса формирования татарского народа.

Перед нами же стоит задача изучения лексико-семантической системы определенного ареала татарского диалектного языка – Оренбуржья, в сложении которого сыграли решающую роль несколько иные условия: заселение Оренбуржья поволжскими татарами в XVII–XIX веках, в котором участвовали представители разных диалектов и говоров татарского языка. На наш взгляд, значительный интерес представляет и наблюдение закономерностей изменения лексики пищи в семантическом плане, в сравнении с лексикой материнских говоров, и т.д.

Сравнительный анализ показал, что лексика пищи у татар Оренбуржья имеет много общего с наименованиями татар других ареалов, что объясняется исторически сложившимися общими традициями основной массы татарского народа.

Состав продуктов, употребляемых татарами Оренбуржья для приготовления пищи, отличается превалированием зернового, мясного и молочного направлений сельского хозяйства, что обусловило и преобладание в питании диалектоносителей различных мучных изделий. Ниже рассмотрим некоторые названия пищи.

Обобщенное понятие «пища, пропитание» передается литературными словами **азык**, **ашамлык**, также и собственно диалектным названием: **тамак** «еда, продукты», особенно активно выступающим в каргалинском говоре. Такая же функция данного слова известна и в астраханском говоре среднего диалекта.

Интерес представляет слово **ашамак** «еда, продукты» в шарлыкском говоре, имеющее место и в других говорах западного диалекта, т.е. носители – переселенцы шарлыкского говора сохранили свое слово и в новых условиях.

Названия пищи включают в себя литературные слова: *ит* «мясо», *икмәк* «хлеб», *пәрәмәч* «шаньга», *ләвәш* «пирог с начинкой», *курт* «красный творог» и др.

Довольно полно представлен в исследуемых говорах ассортимент *мучных изделий*: *сабуса* «шаньга», *бөкөри* «пирог», *самбуса*

«пирожок», *паитик* «пирог», *қыйгыча* «национальное мучное изделие: ромбовидный хворост», *лақша* «домашняя лапша», *чокорча* «ватрушка из кислого теста, испеченная в печи», и др. Они готовились как из дрожжевого, так и из пресного теста. Обычно тесто ставили на закваске, которую оставляли от предыдущей выпечки.

Главный элемент пищи, подаваемый к каждому приему пищи – это хлеб. В зависимости от того, из какой муки приготовлен хлеб – ржаной или пшеничной, различаются виды и названия хлеба. Группу лексем с ядерным значением «хлеб» в говорах образуют **икмэк**, **күмэч**, **ипи**. Слово **икмэк** восходит к *ик-* «сеять»+ *-мэк*. В говорах наблюдаются также и его фонетические варианты **упмэк/үпмэк**, **итмэк**, **үтми**'. В ареале распространения татарских говоров Оренбуржья широкое распространение получил вариант **үпмэк**, который также известен и в кузнецком, пермском, темниковском и др. говорах татарского языка.

В литературном **ипи**, также как в вариантах **эпи**, **эпэй** со значением «хлеб». сохранился корневой *-п-*. В шарлыкском говоре в указанном значении широкое распространение получил вариант **эпэй**: *Эпэй салдым кичә.* – Вчера пекла хлеб. Такой вариант характерен и для пермского, златоустовского, мензелинского, бирского и др. говоров, где бытуют также варианты: **ипекэй**, **эпи**, **эпей**.

Термин **эпэй** в сочетании с прилагательным **қара** в исследуемых говорах употребляется в значении «ржаной хлеб» (буквально черный хлеб).

В говорах Оренбуржья, как и в говорах Нагорной стороны и Заказанья, повсеместно бытует слово *күмэч/күмэс*, обозначающее, как и в татарском литературном языке, «белый хлеб, испеченный из пшеничной муки высшего сорта»: *Күмэч бик сирәк эләгә иде безгә.* – Нам крайне редко доставался белый хлеб. Слово *күмэч* восходит к *күм* «зарыть» + *аш* «еда». Мы предполагаем, что номинация в данном случае происходит от способа приготовления – хлеб печется, зарывая в уголь.

Т.Х. Хайрутдинова отмечает что словом **күмэч** татарский народ называет «белый круглый хлеб, приготовленный в домашних условиях», а «привезенный из города или купленный в магазинах хлеб» называет **калач/қалач/калац** образовано от *кала ашы* дословно «городское кушанье» [Хайрутдинова, 1993: 17]. *Әткэй калач апкайта ийе.* – Раньше, отец привозил белый хлеб, купленный

в городе. По мнению В.И. Даля, существует два предположения относительно возникновения слова *калач*: 1. От татарской основы *кал* + *ач* «оставайся голодным»; 2. От слова *колесо*. Е.Н. Шипова делает предположение о том, что *калач* восходит к татарскому *колак* «ухо», *колакчык* «ушко» [Шипова, 1976].

Шарлыкский говор западного диалекта сохранил основной пласт слов, характерных для материнских говоров западного диалекта. К примеру, общее название «мучных изделий» в шарлыкском говоре именуется специфичной лексемой **йабым**. З.Р. Садыкова отмечает, что **йабым** восходит к слову *йабу* «делать, печь, стряпать – о хлебе и пирогах» [Садыкова, 1983: 121]. Лексема также распространена в ряде говоров западного диалекта (темниковском, кузнецком, хвалынском, карсунском), также и в астраханском и др. говорах. *Иртәгә балалар кайтасы иде, күмәчен йабарга кирәк.* – Завтра дети должны приехать, нужно испечь хлеб.

Выделяется семантическая группа лексем со значением «лепешка». В татарском литературном языке и его говорах «лепешка из кислого теста» обозначается словом **көлчә**. В бугурусланском и каргалинском говорах отмечен нелабиализованный вариант данного слова: **келчә**, которое также характерно и для чистопольского, камышлинского, мензелинского, бирского, златоустовского говоров в фонетических вариантах *келчә/көләчә/көләсә*. Наименование лепешки отображает способ ее приготовления (скорее всего *көләчә* готовили в золе) и образовано от *көл* «зола» + *-чә*. В говоре нагорных кряшен слово *келчә* обозначает «гостинец», т.е. ритуальное кушанье.

Большинству лексем тематической группы «лепешки» также свойственны дополнительные семы «размер» и «способ приготовления», некоторые имеют обрядовый характер: в шарлыкском и в смежном стерлитамакском говорах бытует слово **питырас/питырач** в значении «маленькие лепешки из пресного теста»: *Әби белән питырач салдык.* – Приготовили лепешки с бабушкой. **Питырач/питырас** от *питыр* – араб. *фитыр* «пожертвование в честь праздника ураза байрам» [Баязитова, 2007: 181]. Этот вид лепешек в исследуемых говорах готовился на поминки. Представители каргалинского и шарлыкского говоров из хлебного теста пекли маленькие лепешки или булочки, которые называются **чүрәк** (кргл.) «булочка или мелкие хлебцы, из хлебного теста»; (шрл.) «сдобная

булочка, лепешка»: *Кичә чүрәк пешергән идем, алып чыгыйм эле.* – Вчера лепешки испекла, пойду принесу их. В данном случае также следует отметить наличие в исследуемых говорах преемственности от материнских говоров. Интересно, что слово **чүрәк** в мамадышском говоре бытует в значении «лепешка в продолговатой форме из пресного теста, замешанная на яйце». В каргалинском, шарлыкском, мензелинском говорах **чүрәк** имеет этнографический оттенок и обозначает еще «гостинец, принесенный стороной жениха», в бугурусланском и стерлитамакском, мамадышском говорах **чүрәк** «лепешки, которые пекут в дорогу, перед длительной поездкой». Ср.: казах. *шүрәк*, башк. *сүрәк*, азерб. *чорек*, киргизский *чурек* и др. в тех же значениях.

Следовательно, рассмотренные нами лексемы (*көлчә, питырач, чүрәк*) претерпели некоторые семантические изменения и приобрели ритуальное значение.

Қабартма в каргалинском говоре, также и в лаишском, мензелинском, нукратском говорах «лепешка, пышка из кислого теста». Образовано от *кабару* «подниматься», что соответствует способу приготовления лепешек из кислого теста, которое должно подняться.

В ареале распространения татарских говоров Оренбуржья повсеместно пекли также пироги с различной начинкой или же с открытым верхом. В каргалинском и бугурусланском говорах употребляется слово **бөкөри** «небольшой пирог». К этой же семантической группе относится название татарского национального блюда – **пәрәмәч** «перемяч, круглый пирог с мясом». В исследуемых говорах используется как литературный, так и его фонетические варианты: **пәрәпәч/пирәмәч**. По мнению Р.Г. Ахметьянова, слово *пәрәмәч* восходит к *bör, bogur* «почка, круглый орган» [Ахметьянов, 1989: 54], что скорее всего связано со сходством по форме блюда.

Кушанье по виду напоминающее пирожки с начинкой в татарском литературном языке называется **сумса**. В исследуемых говорах в аналогичном значении бытуют такие варианты или лексемы, как **сабуса** в каргалинском говоре отмечено в значении «шаньга, на кислом тесте, с начинкой из картофеля или творога», **самбуса** в каргалинском, шарлыкском, мензелинском говорах «пирожок», в шарлыкском говоре **самса** «мучное изделие: треугольник с начинкой из творога или мяса». **Чыкырча** «мясной перемяч с открытым

верхом» является узколокальным наименованием данного блюда в шарлыкском говоре, которое также бытует и в стерлитамакском говоре.

Известным традиционным национальным блюдом татар считается **бәләш** «пирог с начинкой», «круглый пирог с верхом». Слово **бәләш** в каргалинском говоре подразумевает «кушанье, которое готовится на сковородке из мяса, крупы, но у этого блюда нет дна из теста» и оно именуется как **таба бәләше**.

Путем синтаксической деривации образованы еще выражения **чэй бәләше** в каргалинском и бугурусланском говорах «сладкий пирог с начинкой из фруктов»; **шулпалы бәләш** в шарлыкском и смежном стерлитамакском говорах «пирог с мясом, который перед подачей заливают бульоном».

Названиями сладких мучных изделий к чаю являются **кыйгыча** в каргалинском, также и в астраханском говорах: «национальное мучное изделие: ромбовидный хворост». В говорах западного диалекта в этом значении распространены следующие варианты – **кыйыкча/кыйгача/кыйкча**, образованные от прилагательного *кыйык* «кривой» + афф. *-ча*.

В каргалинском говоре **шеш** «фигуры, сделанные из теста на свадебном пироге, обозначающие завершение свадебного пиршества», **роза** в бугурусланском и стерлитамакском «кушанье в форме цветка из высококачественного теста, изготовленное путем жарения в масле» [Рамазанова, 1987: 76], **пашкит** [рус. паштет] в каргалинском говоре «национальное мучное изделие с начинкой из ягод или повидла».

Общее понятие «сладости» передается словом **тәм** (досл. «вкус») в бугурусланском, также и в смежных стерлитамакском, мензелинском говорах.

В говорах Оренбуржья и соседних приграничных говорах употребляются названия **уралма/уратма** (бугурусланский, мензелинский) «рулет-слойка с начинкой из конопляных семян, варенья или песка» (< *урат* «заворачивать, завертывать» + афф. *-ма*); **катлама** (тмн., срг.) «кушанье из тонко раскатанного хлебного теста в несколько слоев, жаренное в масле» (*кат* «слой» < *катла* «складывать слоями» + афф. *-ма*).

Некоторые лексемы, относящиеся к названиям мучных изделий, представляют собой заимствования из русского язы-

ка: **пашкит** (< рус. *паштет*) в каргалинском говоре «паштет»; **паштик** (< рус. *паштет*) в бугурусланском говоре «пирог»; **нитрун** (< рус. не тронь) в каргалинском и стерлитамакском говорах «хворост»

Данная категория лексики весьма разнообразна по составу, есть и общность с другими тюркскими языками и диалектами. В питании народа большое место занимают мучные, мясные, молочные рыбные продукты, различные грибы и ягоды, которые распространены на территории проживания носителей говоров.

Названия супов, вторых блюд и других кушаний. Лексема **аш** бытует повсеместно во всех тюркских языках. Э.В. Севортян отмечает несколько вариантов значений этого слова, одним из древнейших из них является «суп, похлебка» [ЭСТЯ, 1974: 210–211]. Данная семантическая функция характерна и для всех диалектов татарского языка. В говорах известны большое количество дериватов лексемы *аш*. Например, в бугурусланском и шарлыкском говорах **итле аш** «суп, приготовленный на мясном бульоне», т.е. слово приобрело дополнительную сему обозначающую «ингредиент супа», аналогичная сема «ингредиента» супа представлена в слове **сөтлаш** в шарлыкском и смежном стерлитамакском говорах «молочный суп». Ср.: *сетлаш, свтләш* (срг., лмб.) «молочный суп». **туаш** (тмн.) (< *ту* «просо» + *аш* «суп») «суп из пшенной крупы» [Махмутова, 1979: 150–151].

В значении «бульон» в данных говорах употребляются **шурпа/шурба** – фонетические варианты литературного **шулла**.

Пэйеж в шарлыкском говоре «накипь, образующаяся на мясном бульоне», **чыр** в бугурусланском, лямбирском, хвалынском, мелекесском говорах «навар». Это слово употребляется и в карач.-балк. *чыр* «жир». По мнению Р.Г. Ахметьянова, оно восходит к др.-тюрк. *чыргуй* «бедный» [Ахметьянов, 2001: 245].

Ләкшә в шарлыкском и бугурусланском говорах обозначает «лапшу домашнего приготовления»: Слово **лакша** в том же значении отмечено и в других говорах среднего диалекта. Лексема употребляется и в других тюркских языках: казах. *лакша*, ног. *лакса*. В др.-тюрк. слово *lakš/lakša* употреблялось в значении «пшеничная мука, лапша». Данное слово признано русским заимствованием, вместе с тем, в самом русском языке *лапша* – заимствование из тюркского [Фасмер, 2: 460]. Р.Г. Ахметьянов считает, что данное

слово тибетско-китайского происхождения [Ахметьянов, 2001: 138]. Ср.: **ләкчә/эләкшә** (хвл., срг., чст., мел., држ.), **салма** (тмн., кузн., карс., хвл.) «лапша».

Татары Оренбуржья употребляют и молочные продукты. Названия молочных изделий в говорах, в основном такие же, как и в татарском литературном языке: *сет/сет* «молоко», *каймак* «сливки, сметана», *катык*, *эйрән* «напиток, приготовленный из катыка и воды». Рассмотрим некоторые дериваты этих лексем и локальные названия.

Семантическую группу «творог» составляют лексемы **мешке** в шарлыкском говоре (ср.: так же в говоре мордвы-каратаев) «творог», **туварук** в шарлыкском говоре, также и в других говорах западного диалекта «курт, красный творог». Этимологически *туварук* восходит к русскому *творог*. Как видно, оно претерпело определенные изменения в фонетическом аспекте [Ахметьянов, 2001: 243]. В каргалинском говоре «особо приготовленный красный творог» называют **эркет**.

Ар'ан/эрән в значении «*напиток*, приготовленный из катыка с добавлением воды» употребляется в шарлыкском и других говорах западного диалекта. **Ар'ан/эрән** являются фонетическими вариантами литературного **эйрән**. В каргалинском и бугурусланском говорах, как и в татарском литературном языке и в других говорах среднего диалекта, зафиксированы также дериват: **май эйрәне** «сыворотка, оставшаяся после того как сбили масло».

Еще одним напитком, имеющим наибольшую популярность среди представителей татар Оренбуржья, является чай. Употребляли **такта чэй** «плиточный чай», **бөртек чэй** «байховый чай». В шарлыкском говоре, также и в хвалынском говоре отмечен еще один дериват данного слова, имеющий этнографическую подоплеку: **бәбэй чәе** «обычай, при котором, в честь рождения ребенка в семье, приглашают гостей на чай».

В бугурусланском, мензелинском, тепекеевском, мелекесском, кузнецком и др. говорах употребляются лексемы **чама/шама** «чайники, остатки заваренного чая». Р.Г. Ахметьянов отмечает, что слово *чама* возникло еще во времена кочевых тюрок и уйгуров, когда разменной валютой для тюков чая были лошади. Соотношение цен называюсь – *чама*, а места, где разменивался чай назывались *ча-ма-сы*, [Ахметьянов, 2001: 228]. Возможно,

что в этих говорах *чама/шама* сохранилось древняя, первичная семантика слова.

Алкогольные напитки также имели место в исследуемых говорах. Общее понятие «алкогольный напиток» обозначает слово **эчке**, которое выражается отглагольным существительным: *эч* «пить» + *афф. -ке*.

Бал в бугурусланском и каргалинском говорах, как и в литературном языке «медовуха». Название хмельного напитка, который готовился обычно к свадьбе образует лексема: **кыржемэ** в каргалинском и шарлыкском говорах, в хвалынском говоре отмечено слово **кержемэ**. В каргалинском говоре на той же основе образованы следующие лексемы: **кыржу** «прокисать – о браге», **кур** «осадок, получившийся при приготовлении браги».

В каргалинском и шарлыкском говорах встречаются и названия следующих блюд: **кувырмач** (кргл., менз.) «жареная пшеница», **шешбэрэ** (кргл., шрл., сиб. д.) «пельмени»; **пичунка, пичуңқа** < рус. печенка (шрл.) «печеная в золе картошка».

Таким образом, анализ названий пищи позволяет констатировать, что основная их часть – общетатарские слова и корни (*икмэк* «хлеб», *ләвәш* «пирог с начинкой», *кәлчә* «лепешка из кислого теста», *пәрәмәч* «круглый пирог с мясом, перемяч», *бәләш* «пирог с начинкой», «круглый пирог с верхом», *шулла* «бульон», *дйрән* «напиток, утоляющий жажду, приготовленный из катыка путем добавления воды», *бал* «медовуха»). Определенную часть названий составляют заимствования из русского языка (*паштик* «пирог», *нитрун* «хворост», *түварук* «курт, красный творог», *пичунка, пичуңқа* «печеная в золе картошка»). Приведенные материалы показывают, что в своем распространении определенные лексемы территориально ограничены. Заимствования вошли в ареал распространения татарских говоров Оренбуржья в результате общения их носителей с местным русским населением.

Выводы по четвертой главе

Лексика, рассматриваемая в данной главе, отражает историю развития материальной культуры всего татарского народа. Анализируемый материал свидетельствует о том, что большинство названий совпадает с эквивалентами, характерными для татарского литературного языка:

– *мич/нич* – «печь, корпус печи», *лай* «тина, ил, жидкая грязь», *почмақ*, / *пычмак* – «угол чего-либо», *матча* «матица», *арба* «телега» и др.;

– *камзул* «верхняя одежда, с короткими до локтя рукавами или без рукавов, украшенная позументом», *толоп* «тулуп», *бияләй* «варежки», *бурек* «шапка», *кулмак* «платье», *итек* «сапоги», *итәк* «подол» и др.;

– *икмак* «хлеб», *ләвәш* «пирог с начинкой», *көлчә* «лепешка из кислого теста», *пәрәмәч* «круглый пирог с мясом, перемяч», *бәлеш* «пирог с начинкой», «круглый пирог с верхом», *шулта* «бульон» и др.

В составе диалектной лексики материальной культуры татарских говоров Оренбуржья обнаруживается ряд специфических особенностей. Например, лексические соответствия между каргалинским, бугурусланским говорами среднего диалекта и шарлыкским говором западного): *өй/ү/ий/йорт* – *ызба* «дом», *өй алды* – *ишек алды* «сени», *ишек алды* – *ишек алнысы* «двор», *көртә* – *хөрти* «безрукавка», *бийәли* – *бәләй/пәләгәй/варик* «варежки», *хәситә* – *хастә* «перевязь», *чәчтәңкә* – *тезмә* «накосное украшение», *кыйгыча* – *кыйыкча* «лепешки», *туварук* – *мешке* «творог» и др.

Глава 5

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРОЙ

5.1. Термины родства и родственных отношений

Наименования основных культурно значимых реалий – термины родства и обрядовую, мифологическую лексику – принято рассматривать обобщенно, как лексику духовной культуры. Она включает в себя названия обрядов, верований, элементов традиционной культуры, возникших в древности и продолжающих развиваться в течение тысячелетней истории народа. Именно поэтому изучение данной лексики имеет большое значение для ряда исследований в историческом плане: история языка, историческая лексикология, историческая диалектология, история духовной культуры и т.д. Исследование названий элементов духовной культуры определенного ареала позволяет лучше раскрыть, с одной стороны, историю этнического формирования его населения, источники формирования его эстетических ценностей, его идеалов – с другой.

Одну из интересных групп лексики в этом плане составляют термины родства, представляющие собой весьма древний и один из самых важных этнографических и лингвистических источников.

Терминология родства привлекает внимание многих ученых. К настоящему времени накоплена большая литература, посвященная исследованию терминов родства в различных аспектах. В тюркологии этому вопросу посвящены исследования таких общепризнанных ученых, как А.Н. Бернштам, Н.П. Дыренкова, Л.А. Покровская, Л.П. Потапов и др. Татарская терминология родства нашла отражение в трудах С.Н. Бурнашевой [1962], Р.Г. Мухамедовой [1979]. Наиболее полная система терминов родства татарского языка исследована в работах Д.Б. Рамазановой «Термины родства и свойства в татарском языке» [1991] и «Атамаларда гаилә һәм туганлык мөнәсәбәтләре» [«Родственные и семейные отношения в названиях», 2014], где термины исследуются в синхронном и диахронном планах, анализируется большой фактический материал. Некоторые сведения о родственной терминологии того или иного говора отражены также и в работах Л.Ш. Арсланова,

Р.С. Барсуковой, Ф.С. Баязитовой, А.Х. Насибуллиной, З.Р. Садыковой, Т.Х. Хайрутдиновой, Ф.Ю. Юсупова и др.

Системы терминов родства в татарском литературном языке, его диалектах и говорах в основе своей едины. Различия же проявляются, главным образом, в лексическом составе, фонетико-морфологическом оформлении отдельных терминов, семантических функциях, мотивации образования индивидуальных и описательных терминов родства и т.д. Мы присоединяемся к мнению Д.Б. Рамазановой о том, что в болгарский период в условиях интенсивной консолидации различных племен в одну народность, также и формирования письменного литературного языка происходила, видимо, и унификация систем терминов родства (естественно, такие крупные и разные процессы не могут развиваться синхронно). Однако в словарях до настоящего времени фигурируют по два термина для передачи понятий свекор (*каената* и *биата*), свекровь (*каенана* и *биана*), старший деверь (*каенага* и *биага*) [Рамазанова, 1991: 163].

В науке принято группировать термины родства на 2 большие категории, отражающие два вида родства: термины родства по крови и термины родства по браку.

Из них термины родства по крови составляют древнейший пласт лексики. Основные номинативные термины (*ана, ата, эби* < др.-тюрк. *аба, ана, ага* < др.-тюрк. *ана, эне, ул* и т.п.) зафиксированы еще в прототюркских письменных памятниках (в языке шумеров, этрусков, хеттов и др.). Исследователи, особенно татарские диалектологи пришли к мнению о том, что терминология кровного родства западного диалекта более единообразна, более стабильна, чем в говорах среднего диалекта. Наличием терминов *тудык(а), игэч* западный диалект наибольшую общность проявляет с западно-кыпчакскими, т.е. кумано-кыпчакскими языками [Рамазанова, 1991: 160–162].

Термины же родства по браку сложились позднее, на основе терминов кровного родства, специальных терминов и различных других слов, заимствований и др. Система терминов родства татарских говоров Оренбургской области до сих пор не являлась предметом специального, системного исследования. Причем данные говоры (каргалинский, бугурусланский и шарлыкский) прошли довольно сложный путь формирования: они образовались в результа-

те переселения татар в Оренбуржье, которые испытывали определенное влияние казахов, башкир, ногайцев и других. Каргалинский и бугурусланский говоры образовались в результате заселения области выходцами из центральных губерний (преимущественно Казанского уезда), на территорию распространения шарлыкского говора были заселены представители западного диалекта (в основном выходцы из Пензенского наместничества, Симбирского уезда и др.).

Необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что в терминах родства татар Оренбуржья, поскольку им присуща устойчивость, бытует исконная терминология родства материнских говоров, при этом обнаруживаются и несколько своеобразные моменты.

Общее понятие «родства» передается следующими лексемами: **тума-тувышқан** в каргалинском говоре «родня, род, родословие, происхождение» (тат. литер. нәсел-нәсеп): *Халық тума-тувышқаннарына жиберә шалне.* – Люди отправляют шали своим родственникам; **хәрендәш** в шарлыкском говоре, также и в дрозжановском, чистопольском, мелекесском, **харындаш** в сергачском говоре «род, племя». *Мының кийәве тегенең хәрендәше булган.* – Его зять оказался их родственником (шрл.); **теп** в шарлыкском, также мелекесском, чистопольском говорах «род». *Шылай таралганнар бер тептән.* – Так и распространились все из одного рода (шрл.).

Термины кровного родства: инэй/инэкэй/инэки/энэй/эни; қартинә/қартнә/қартнә; зур инә; онна/әннә; нәнә/нәнэй; ата/этэй; қартэтэй; дәү әти; баба/бабай; абый/аба; абзый; ага/ақай; дәддэй; апайым; ана; т'ут'ыш; түтеш; түтэй; абыстай и др.

Ниже рассмотрим более подробно некоторые диалектные термины *родства по крови* в татарских говорах Оренбуржья.

Понятие «мать» передается словами **эни/энэй/инэкэй/инэй/инэки**. Варианты **инэй/инэки** наблюдаются на территории распространения бугурусланского говора среднего диалекта и икского подговора шарлыкского говора: *Безнең инэкэй йырлы торғаныйы.* – Наша мать раньше, бывало, пела (бгрс.). *Ашйаулык кайа, инэки.* – Мама, где скатерть (шрл.).

Слово **инэй** широко распространено в татарских говорах Башкирии, Самарской, Курганской, Пермской и Челябинской областей, имеется в говорах башкир восточных и северо-восточных районов Башкортостана, в ряде восточных тюркских языков.

Инэкэй в бугурусланском, шарлыкском, также и в мензелинском, камышлинском, стерлитамакском говорах «мать, мама». *Инэкэй базарга апкиткәндер бидрәне.* – Наверное, ведро мама унесла на базар.

Вариант **энэй** выделяет небольшую юго-западную часть (бассейны рек Илека и Киндели) Оренбуржья (бузулукский подговор): *Энэй тифтан үлгән, этэй – сугышта.* – Мать умерла от тифа, отец – на войне. *Энәйем җидене туган.* – Мать родила семерых.

Этот вариант известен также и в глазовском подговоре, мензелинском, чистопольском и др. говорах. В хвалынском, кузнецком, сергачском, дрожжановском говорах западного диалекта: *анай*.

В каргалинском говоре среднего диалекта, а также в новомусинском и баширском подговорах шарлыкского говора западного диалекта употребляется литер. **эни**.

Энэ(й) в каргалинском, также и в смежном мензелинском, чистопольском, мелекесском, дрожжановском, глазовском «мать, мама». *Этәйемнәр, энәйемнәр бар вақытта...* – Когда мама и папа были живы.

Слово **ана** в различных фонетических вариантах имеется почти во всех современных тюркских языках. Ср.: *эне* алт., казах., ккалп., кирг., тув., туркм., *анне* тур. и чув., *ине/иней* хак., *инэй* башк. диал., *эна* узб. диал. – «мать»; *эне* тув. «тетя», *эней* «бабушка», казах. *ене* «свекровь», «теща», «матка с приплодом», хак. *ине* «самка», *иней* «старуха», «супруга», «жена»; башк. литер. *инэ(й)* «самка».

Варианты терминов *ана, ата* с удвоенными согласными в середине (*әннә, әттә*) свойственны тюркским языкам куманокыпчакской группы [Рамазанова, 2014: 97], наблюдаются в каргалинском говоре.

Термин **картинә/қартнә/қәртнә** передает понятие «бабушка, мать отца или матери». Эти варианты широко распространены в каргалинском, смежном мензелинском, бирском, пермском, златоустовском, тепекеевском, ичкинском, красноуфимском говорах.

Параллельно со словом *қарт* «старая» для образования терминов, выражающих поколения старших родственников, употребляется и атрибутив **зур**.

Зур инә в каргалинском и смежном мензелинском говоре «бабушка, мать отца или матери»: *Зур инәңнең кеше чақырганда җәйә торған айберләре бит бу.* – Это же вещи бабушкины для приема

гостей. Т.е. данный термин продолжает сохранять классификационный характер. Употребляется по отношению к нескольким родственницам старше говорящего.

Зур инэй «форма обращения к старшей сестре отца или матери»: *Зур инэй, йырла, син йырларга шәп.* – Тетя, спой, ты хорошо поешь.

Нәнэ в значении «бабушка» отмечено в ряде татарских говоров (кргл., байк., стрл., менз., трбс., тпк., карс.), достаточно широко распространена лексема и в тюркских языках [ТТДС, 1993: 236]: *Аның нәнәсе бар ул очта.* – У него бабушка живет на том конце деревни (кргл.). В каргалинском, также и в мензелинском, курмантауском, камско-устыинском, турбаслинском, тепекеевском, стерлитамакском говорах отмечен и вариант **нәнэй**.

Понятие «отец», как и в большинстве тюркских языков передается термином **ата**.

Форма обращения к отцу образуется на основе рассматриваемого термина или его фонетических вариантов при помощи звательного аффикса: зап. д. *атай/атекэй/атекәм/атекэй*, средн. д. *этий/эт(е)кэй*, в говорах приуральского ареала превалирует *этэй*, кас., баст. *атай/этий*, активно выступает форма *атай* как термин обозначения в речи от первого лица.

Форма обращения к родителям может оформиться и при помощи посессивного аффикса 1го лица: *атам, ан(н)ам, ән(н)әм*.

Этэй в бугурусланском, каргалинском и шарлыкском говорах «отец и форма обращения к нему». *Минем этэй инэй өстеннән өйләнде дә, без йәтим қалдық.* – Мой отец еще раз женился после мамы, и мы остались сиротами (бгрс.). *Этэй сугышта булган.* – Отец был на войне (кргл.). Термин распространен и в мензелинском говоре.

Термин *ата*, как и *ана*, в сочетании с прилагательными *дәү*, *зур*, *қарт* образует описательные термины родства, которые относятся к старшему поколению по прямой линии.

Қартэтэй (< *қарт* «старый» + *эти* «отец») бытует в бугурусланском в каргалинском говорах «дедушка, отец отца или матери». Данное сочетание, в том же значении, распространено в татарских говорах Приуралья в следующих вариантах: *қарт эти/қарта-тай* бирск., кр.-уф., крмн., злт., перм.; *қарттэй* бирск.; *қартэтэй* бирск., менз., бгрс., кргл., тпк.

Дәү эти в каргалинском говоре «старший брат отца или матери». Ср.: так же в говоре нижекамских крышен.

В значении «дед, бабушка» употребляются, как и в татарском литературном языке, термин **баба/бабай**.

Понятие «брат» в татарском литературном языке, как и в других тюркских языках, передается терминами *абый, абзый, ага(й)* (по отношению к старшему) и *эне* (по отношению к младшему).

Термин **абый** (*аба* + звательный аффикс *-й*) «старший брат и форма обращения к нему», как и в татарском литературном языке и всех говорах, употребляется в татарских говорах Оренбуржья повсеместно. В тюркологии *аба* считается вторичным от *ана* [ЭСТЯ, 1977: 54–57]. В каргалинском говоре распространен вариант **аба(й)**, характерный также и для мензелинского, нукратского, нижекамско-крышенского говоров: «старший брат и форма обращения к нему»: *Абай персидәтел былып торды*. – Старший брат был председателем (кргл.) [ТТЗДС: 13].

Термин **абзый** – «старший брат» также часто употребляется в татарских говорах как Оренбуржья, так и других ареалов. Он подвержен некоторым фонетическим изменениям. Например, *абзай* кргл., *эбзий* кас., *абзый/абзай/абдый* менз. и др.

Ақай в каргалинском 1) «старший брат»; 2.) «форма обращения к старшему брату»; 3) «форма обращения к мужчине старше говорящего»: *Әнүәр ақай бәйетне башлаучы иде*. – Анвар ака начинал читать байты.

Термин **ага** также активно употребляется в татарских говорах. В приуральских говорах татарского языка употребляется *к*-вариант данного термина: **ақай** кргл., **экэй/акқай** ичк. *К*-вариант отмечен и в башкирских диалектах [Максютова, 1976: 244]. Ср.: *а:га* турк. диал., узб.; *ага/ага* азерб., ктат., кар., кирг., каз., ног., ккалп., *ага, аге*, тур. диал.; *ага/ага* узб. диал. в значениях 1. «старший брат» туркм., тур., ктат., кар., кум., кир., каз., ног., ккалп., тат., узб.; 2. «дядя» турк.; «дядя (обращение к старшему)» – кум.; 3. употребляется при именах обычно немолодых мужчин для выражения почтения и уважения – тур., ктат., узб. диал.

Э.В. Севортыан указывал, что *а:га* гомогенно с *ақа – аққа*, и нет морфолого-семантических препятствий для возведения *а:га* к *ақа-* + показатель названия носителя процесса *-а*,

Семантически обе основы *ага/а:га* и *ақа/аққа* – однородны, но значение «старший брат» в форме *ага/а:га* распространено больше, чем в *ақа/аққа*. Кроме того, в форме *ага/ а:га* отсутствуют «женские» значения – обстоятельство, свидетельствующее, наряду с фонетической чертой (-қ-, -ққ- на более позднее -ғ-), о большей древности *ақа/аққа* в сравнении с *ага* [ЭСТЯ, 1974: 69].

Дәдәй бытует в шарлыкском говоре в значении «брат»: *Дәдәй безгә бик йардәмнәште инде.* – Брат очень помог нам. Известен в материнском мамадышском говоре, также и в стерлитамакском, сергачском, карсунском, кузнецком, хвалынском говорах.

Апайым в шарлыкском говоре 1) «младший брат или сестра»; 2) «форма обращения к ним»; 3) «форма обращения к любому человеку младше возрастом». *Әй, апайым, йырглаган чаклар бар иде.* – Эх, сестренка, были времена, когда мы пели.

Понятие «старшая сестра» передается в татарских говорах Оренбуржья терминами **апа**, **тәтә/түтә**, **тута**, **абыста**, **ака**.

Термин **түтәй** употребляется в каргалинском, мамадышском говорах среднего диалекта как «форма обращения к старшей сестре, к старшей или младшей сестре отца или матери, к дальней родственнице, к старшей родственнице мужа, к любой пожилой женщине». В бугурусланском говоре **түтәй** 1) «родная сестра старше себя и форма обращения к ней» (как и в менз., бирск., перм., кмшл., н.кам.-крш., нагорн., нгб.-крш., трбс., тпк., байк., чст.). *Түтәйнең бер кызы, минем бер улым гына бар.* – У сестры есть одна дочь, у меня – один сын (бгрс.); 2) «старшая родственница и форма обращения к ней»; 3) «форма почтительного обращения к пожилой женщине».

Түтеш бытует в шарлыкском говоре, смежном стерлитамакском, также и в темниковском говорах 1) «старшая сестра отца или матери». *Казанда да безнең түтеш бар.* – И в Казани у нас есть тетя (шрл.); 2) «форма обращения к двоюродной сестре, старшей по возрасту». *Аның әнкәсе Асия түтеш белән без ике туган баласы.* – С ее матерью Асией мы двоюродные (шрл.).

В шарлыкском говоре употребляется еще следующий вариант: **т'уг'ыш** «форма обращения к старшим и младшим сестрам отца или матери», так же в темниковском говоре.

Термин **абыстай** активно употребляется в каргалинском, бугурусланском и шарлыкском говорах в значении «сестра старше себя

и форма обращения к ней» Он также отмечен в говорах среднего диалекта или в таких говорах западного диалекта, на которые средний диалект оказал сильное влияние (нукр., менз., кмшл., тпк., мел.).

Термины родства представляют собой один из наиболее древних общетюркских лексических пластов. Как показывает вышеизложенное, татары-переселенцы сохранили в своих говорах исконную систему терминов родства, что еще раз свидетельствует об устойчивости данной категории лексики.

Систему *терминов свойственного родства* татарских говоров Оренбуржья составляют: *биата(й)*, *биана(й)*, *қайната*, *қайнана/кан'ана*, *кияу*, *килен*, *бабай*, *эби*, *каенсеңел/кан'сеңел*, *балдыз*, *килендэш*, *печкэчэ(й)*, *йанага(й)*, *жснзгэ/жснзи*, *башкыда*, *ийэрчен қода*, *кыдача*, *кодача/қодача*, *буйдақ*, *булдакчы* и др. Как свидетельствует приведенный перечень, вся система терминов родства по браку в татарских говорах Оренбуржья совпадает с таковыми татарского литературного языка. Различия проявляются лишь на фонетическом уровне. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Биата(й) (тат. литер. каената) «свекор». Лексема распространена в каргалинском, бугурусланском, заказанских, нагорных, мензелинском, бирском, крышенских (включая и нагайбакский), камышлинском говорах. *Биатам амылга кайтып биш йыл торды.* – Свекор уехал в деревню и прожил там пять лет (кргл.) [ТТЗДС: 119]. Аналогичный термин имеется и в говорах башкирского языка [ДСБЯ: 46].

Термин **биатай**, образован от сочетания слова *бий* (др.-тюрк. *veg* [ЭСТЯ, 1978: 97–101] «правитель, вождь, бек, князь, господин; муж, супруг» + *ата* «отец» + *-й* (аффикс звательного падежа). Этот термин превнесен в татарские говоры Оренбуржья заказанскими татарами, которые являются основным компонентом в формировании носителей каргалинского и бугурусланского говоров среднего диалекта. Ср.: в чувашском языке: *niagam* – форма уважительного обращения к свекру [Золотницкий, 1875: 126], башкирских говорах *бей* – свекор [ДСБЯ: 125].

Говорам западного диалекта, в том числе и шарлыкскому говору свойственна *кайын*-система родства по браку, поэтому в указанном говоре бытует вариант литературного **қайната**.

Биана(й) «свекровь» (тат. литер. каенана, биана). *Йола буенча, килен биана белэн биатага күренергэ тийеш түгел иде инде.* –

По традиции невесте нельзя было показываться свекру и свекрови (кргл.). Термины **бианай** и **биатай** являются сложными словами, которые состоят из основ *бий* (др.-тюрк. *veg*) + *ана* и *ата*. Ареал распространения этого термина каргалинский и бугурусланский говоры Оренбургской области, т.е. говоры, которые относятся к среднему диалекту. В урало-сакмарском подговоре каргалинского говора, также как и в заказанских говорах, отмечен лишь термин *бийем*, а на остальной территории – *бийем/бийана(й)* [См.: карта № 202 «Атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья»].

Кайнана/кан'ана употребляются в Бузулукском бассейне и в районах распространения новомусинского подговора шарлыкского говора западного диалекта.

Бабай (тат. литер. каената/биата) «отец жены», «тесть». Кроме того, он распространен в значении «муж», «старик» в каргалинском, пермском говорах и глазовском подговоре. *Инде икенче бабайга чыкты да куйды* – Вышла за другого замуж и все (кргл.).

Бабай в тарханском и пермском говорах выражает значение «муж» (независимо от возраста); в сергачском, кузнецком и тепекевском говорах этот термин употребляется как «форма обращения к мужу, если муж в пожилом, преклонном возрасте». В бирском и златоустовском говорах этот термин обозначает «тестя».

В каргалинском говоре термин **эби** имеет значение «жена», «старуха» (тат. литер. хатын, карчык). В заказанских, нагорных, мензелинском, бирском говорах слово является формой обращения зятя к матери жены.

Печкэчэ(й) (тат. литер. каенсенел) «младшая сестра мужа» имеет значительный ареал распространения татарского диалектного языка: каргалинский, мамадышский, кряшенские, нагорные, нукратский, мензелинский. *Печкэчэмнең улы килә ярдам итәргә.* – Сын младшей сестры моего мужа приходит помогать нам (кргл.). По мнению ученых, сама лексема *печкэ*, видимо, когда-то передавала понятие «свекровь». К примеру, в чистопольском говоре *печкэ* – свекровь, в заказанской группе говоров *ақ печкэ* – младшая золовка, что позволяет предположить, что слово *печкэ*, возможно имело значение «свекровь» [Рамазанова, 1991: 119; ТТЗДС: 529].

Понятие «младший брат мужа» (тат. литер. каене) передается термином **йанаға(й)**, изоглосса которой проходит в рамках

следующих говоров: каргалинский, нукратский, мамадышский, дубьязский, нагорные, мензелинский, бирский [ТТЗДС: 231]. Возможно, что данный термин восходит к сочетанию *жан/йан* (душа) + *ага(й)* (старший брат).

Термин **жиңгэ** передает понятие «жена старшего брата». В татарских говорах Оренбуржья, как и в литературном языке и в других говорах, этот термин распространен в следующих своих значениях – «сноха, невестка, жена старшего брата, жена старшего родственника» и имеет варианты **женгэ/жиңги**.

Как и во всех тюркских языках, термин **кода** является «взаимным» [Покровская, 1961: 73] термином родства для родителей супругов и, выступает в значении мужского термина – «сват», «кум». А в значении «сваха», «кума» выступает производное от него **кодагый** (литер. и средн. д.), варианты **кыдагий/кыдаги** (западный диалект). Для выделения родителей жениха или невесты употребляются определительные слова, например, в мамадышском, пермском, златоустовском говорах **топ кода** (дословно основной сват). На основе *кода* образован обрядовый термин **башкыда** – димче, яучы (буквально главный сват, сваха): *Йебэрэ йебет башкыда итен атасын.* – Посылает парень в качестве главного свата своего отца. Другие родственники, приехавшие на свадьбу, часто навзываются термином **ийэрчен** (буквально следующий за кем-то) **кода**, например в каргалинском, бугурусланском, также и в мензелинском говорах.

Термин **кода** является основой для образования другого термина родства – **кодача** (*кода*+ *-ча* (показатель женского рода), **кодача** (средний диалект), **кыдача/кыдаца** (западный диалект). В большинстве случаев этим термином называются все родственницы мужа или жены, кроме их родителей. Например, *Қодалар қыз өйөнә өйләгә киләләр ике йактан да, аннан соң қодачалар килә.* – Сначала в дом к невесте приходят основные сваты, затем приходят остальные родственники (кргл.).

Укажем и другие слова, которые связаны с обрядами замужества и женитьбы. Понятие «жениться» передается в татарском литературном языке и в большинстве говоров словом **өйләнү** (*өй* «дом» + *-лән*), который имеет в говорах соответствующие варианты: *үләнү* (западный диалект), *өйләнү/ийләнү* (средний диалект). В говорах имеются также узлокальные синонимы данного терми-

на, например, в каргалинском говоре *жэмэгэт өчен алу*, в пермском говоре *ишләнү*, в мензелинском говоре *қатышу* и др. [Рамазанова, 1991: 87].

Буйдақ в каргалинском, тарханском, также и мензелинском говорах обозначает одиноких мужчину или женщину, не имеющих детей. Восходит к др. тюрк. *bod* – тело, туловище [ЭСТЯ, 1978: 176–178]. В турецком языке *буй* «свободный», в уйгурском «одинокий». Сема «одиначества» в слове **буйдақ** имеет следующие смысловые оттенки в татарских говорах: в говорах Оренбуржья «наемник», отсюда **буйдаклық** «быть наемником, наемным рабочим»; в заказанских говорах «пешеход»; в нагайбакском – «годовалая телка» и др. [Рамазанова, 2013: 89].

Булдакчы когда-то являлось причастной формой, и в соответствующем значении тот, кто приходится кем кому, приходящийся кем кому сохранилось в татарских говорах (шарлыкском и чистопольском и др.). Например, *Бер килен булдакчысы йәши килен йанында йөри.* (шрл.) – Одна из снох находится около молодой невестки. В шарлыкском, кузнецком, хвалынском, чистопольском и тарханском говорах употребляются также варианты *булдач*, *булдац(ы)*, *булдачы*.

Как показывает вышеизложенное, термины родства и свойства татарских говоров Оренбуржья представляют собой целостную систему, свидетельствующую также и о том, что татары-переселенцы сохранили в своих говорах исконную систему терминов родства, что еще раз свидетельствует об устойчивости данной категории лексики (кргл., бгрс. – *печкәчәй* «младшая сестра мужа», *янагай* «младший брат мужа», *түтәй* «форма обращения к старшей сестре»; *бием* «свекровь»; шрл. – *хәрендәш* «род, племя», *дәдәй* «брат», *кан'анна* «свекровь» и др.

5.2. Обрядовая лексика

Непосредственное отражение в языке находит духовная жизнь народа. Через нее мы узнаем историю, мировосприятие, культурные ценности, эстетические воззрения и стремления народа. Именно по этой причине изучение лексики, связанной с духовной культурой, как этнографический материал определенного региона, способствует также реконструкции татарской языковой картины мира. С течением времени система обрядов, праздников может

претерпеть некоторые изменения, вместе с тем «древние традиции полностью не вычеркиваются из народного сознания, а продолжают сохраняться в некоторых элементах языка, в диалектных словах, в лексике родственных языков, в оттенках значений слов» [Батыршина, 2008: 37]. Необходимо учесть тот факт, что некоторая часть лексики этнокультурного плана известна меньшему количеству диалектоносителей и зачастую не зафиксирована в словарях.

Праздники являют собой «сложное по составу и происхождению этнокультурное явление» [Шустрова, 1998: 28]. В традициях празднования и обрядах продолжают сохраняться большое количество элементов, которые передаются из поколения в поколение. Праздники и обряды отражают мировоззрение, этические и моральные приоритеты, философские представления, надежды и идеалистические воззрения народа и т.д. Поэтому обычаи и обряды, праздники являются важнейшими, специфическими особенностями, которые характеризуют народ как этнос [Рамазанова, 1997: 3].

Большая часть наименований обычаев, праздников и связанных с ними обрядов татарских говоров Оренбуржья своими корнями восходит в глубь истории.

Бэйрэм «праздник», «торжество; особый день» является лексемой литературного языка. К наиболее распространенным его дериватам, употребляемым в татарских говорах Оренбуржья, относятся **йомырка бэйрэме** (кргл), **йымырка бар'аме** (шрл.). Интересным является употребление в шарлыкском говоре слова *мәшәкәт* в значении «званный обед». Такое же значение наблюдается и в темниковском говоре **машакат уздыру** (тмн.) «устроить званный обед». Для литературного языка рассматриваемое значение этого слова не характерно. В татарском литературном языке **мәшәкәт** «хлопоты, беспокойство».

Лексико-семантическую группу «обряд моления дождя» образуют лексемы **яңгыр теләү/келәү**, **зур келәү** «обряд моления дождя». Слово **келәү** «языческое моление» восходит к древнейшему пласту татарской лексики и возводится исследователями к ностратическому слову *кил/тил* «просить». Параллельные варианты слова *келәү* отмечены и в древних памятниках алтайского, караимского, хакасского языков [Ахметьянов, 2001: 100–101]. В диалектах и говорах татарского языка данное слово многозначно и на его основе образуется множество дериватов, ядерным значением которых яв-

ляется «обряд»: **зур келәү** в шарлыкском говоре. Ср.: **олы келәү**, **кече келәү**, **кыр келәүе** (крш.), **ак алаша келәүе**, **балык келәүе**, **жорт келәү** (м.-кар.) и др.

В обрядах Оренбуржья отражается мировоззрение жителей данного региона, поскольку в жизни земледельца времена года имели определенное значение. Большинству названий праздников свойственна временная характеристика: ежегодные деревенские гулянья, праздники, которые устраивались летом, и в которых участвовали жители нескольких сел и деревень, называли **игырча** (< рус. игрище) в шарлыкском говоре. Ср.: **игерче** (тмн.).

В представлениях об устройстве мира, во взглядах на взаимодействие человека и природы важное место занимают календарные обряды, и, несмотря на неизбежные изменения, они продолжают сохранять архаичные элементы [Попова, 2004: 3].

Зэрә йасау в каргалинском говоре «обычай собирать яйца перед выходом на посев». *Иң әвәле балалар зэрә йасыйлар, қапчық белән күкәй жыйалар, шул зэрәдә балаларга ашлар пешереп ашаталар.* – Сначала дети собирают яйца перед выходом на посев, в это время их кормят супом.

Повсеместно известным праздником является **нардуган**. Во время проведения этого праздника, вечерами в татарских деревнях Оренбуржья, в особенности в ареале распространения шарлыкского говора западного диалекта, устраивали обряд **йөзек салыш** представляющее собой «гадание на кольцах», которое по структуре напоминает гадание на святках у русских. Оно основывается на пожеланиях участникам данного обряда здоровья, личного счастья, благополучия и богатства. «Среди этнографических групп татар Поволжья, кроме мишарей, обряд *нардуган* с соответствующей поэзией известен кряшенам. Как и у мишарей, *нардуган* у кряшен включал игры с гаданием на кольцах [Мухамедова, 2008: 252]. Подобные гадания и игры отмечены и у причепецких татар [Баязитова, 1995: 25]. Аналогичный обычай именованный *нартван* проводится и у чувашей. Р.Г. Мухамедова объясняет определенную близость устного народного творчества этих народов ранними этническими связями [Мухамедова, 2008: 253]. Слово *нардыван* по происхождению персидское, которое имеет ареал распространения у народов Среднего Поволжья: башк. *нардуган*, удм. *нардуган*, чув. *нартукан*, *нартыван*, морд.-мокш. *нардаван*, морд.-

эрс. *нардава* «святки, святочные гадания; ряжение» [Ахметьянов, 1981: 6].

Обряды, связанные с татарским национальным праздником *сабантуй*. Обряд **сөрән суғу** – 1. В бугурусланском говоре, также в говорах Приуралья и кряшен «сбор подарков накануне сабантуя». *Сөрән сугалар ыйы атқа атланып, амылны әйләнеп бүләк жыйылар.* – Бывало собирали подарки накануне сабантуя, верхом на лошади (бгрс.), 2. В каргалинском говоре «мотаться без дела» (тат. литер. эшсез, тик йөрү). *Сөрән сугып йөри, диләр, эшләмичә йөргәч.* – Если ходит без работы, говорят мотается без дела [ТТЗДС: 579].

Бәйгеләү – в каргалинском говоре «провести скачки» (тат. литер. ат чабыштыру): *Йегерме икенче йылларда, амылның йыллыгын бәйгеләп уздырдылар.* – В двадцатых годах, в честь дня деревни провели скачки.

Существуют названия обрядов, связанных с повседневной сельской жизнью: совместное строительство дома, кладка печи, переезд в новый дом считался важным событием в жизни человека. В связи с этим повсеместно проводили праздник **йорт күрсәтү** (кргл., стрл.), **ызба котлау** (*шрл.*), **өй күрсәтү** (*бгрсл.*), **ызба коты** (хвл.) «новоселье».

Молодежь также устраивала праздники, такие как **аулагаш** «вечернее собрание молодых для дружеской встречи, развлечения» в шарлыкском говоре. В каргалинском говоре в данном значении зафиксирована лексема **булыш**: *Булышлар йасылар иде, қызлар, йегетләр жыйылып уйнаган була.* – Раньше устраивали вечера, мальчики и девочки собирались и играли. Такие вечеринки, посиделки проводились в отсутствие взрослых, на что указывает первый компонент слова *аулагаш* < *аулак* «временно без хозяев, безлюдный» + *аш* «праздник». В бугурусланском и каргалинском говорах бытует слово **керешү** в значении «дом, где вечерами, в отсутствие старших собирались молодые люди и вместе готовили еду»: *Әлек керешүгә Хәтимгә жыйыла торган идек.* – Раньше бывало, на вечера собирались у Хатимы. **Урын ашы** «еда, которая готовилась в складчину на вечерах»: *Кемдә нәрсә бар, шуны алып килә ийе дә, урын аш пешерә ийек.* – Приносили у кого что есть, готовили блюдо. Ср.: в дубязском говоре **кереш аш** «обряд моления дождя», в златоустовском **урнаш** «вечеринка» [Хайрутдинова, 1984: 128], а в стерлитамакском и бирском говорах данное слово выступает в значении

«блюдо, приготовленное на вечере». Образовано *урынаш* < *урын* «тайно, скрытно» + *аш* «застолье». Ср.: в пермском говоре слово *урин*, в красноуфимском *урыйн*, в кузнецком *орын* и др. «тайно».

В татарских говорах Оренбуржья зафиксированы следующие названия игр, которыми всегда сопровождались праздники, большинство из которых являются узкокальными: **зилем** (шрл.) «игра, веселье»: *Кылупта булдыгызмы, зилем карамадыгызмы?* – Были в клубе, игры смотрели?; **аркасугыш** (шрл., чст.) «вид детской игры», **сәвәнәйлә уйнау** (кргл.) «рядиться, делать маскарад», **аткылану** (шрл., хвл.) «играть, разделившись на команды», **зилем уены** (шрл., бгрс., кргл.) «игра, в которой пары поочередно проходили друг меж другом»; **чүрәкә** (бгрс.) «игра на земле с начертаниями, вроде классиков»; **эйлән-бэйлән уены** «игра, в которой вставали в круг, хоровод по очереди входили в него, и вошедшему давались задания», например, *Әйләнегез, китегез, Уртага чыккан балага Әйдә рәхим итегез!* – Кружитесь, веселитесь! Вышедшему в центр человеку: добро пожаловать! **Титаклы уен** «классики»; **урта чартау** «игра прыжками вперед»; **тычкан салыш** «игра, в которой к кому-то в руки из играющих ведущий ложил предмет (колечко) и давал задание», например, *Тычкан кемдә, йөгреп чык, Кырындагын үбеп чык.* – У кого мышка, выходи, поцелуй соседа, и др. Способом образования слова *аркасугыш* является лексикализация словосочетания, также отмечается выпадение окончания: *арка(-га)* + *сугыш*. Название *аткылану* также имеет интересный образовательный аспект: основа глагола *атки-* встречается в считалках во время игры: «*атки-матки*». Как отмечает Р.Г.Ахметьянов, данное слово связывает с *әйтеш* «соствязания-споры во время проведения формального сватовства». Данная лексема сохранилось лишь в татарском и башкирском языке. Лексема состоит из *әйт-ке* «острый вопрос, выпад» и *мәйт-ке* «удачный ответ, возражение». В исследуемых говорах бытует прилагательное *майырык* «изувеченный, слабый». Ср.: ног., ккалп. *майыс* «гнутьяся, поддаваться», башк. диал., ног., кирг. ккалп., туркм. *майыр* «гнуть, отбить атаку», каз. *майырт*, кирг. *майтар-* «загнуть острие» [Ахметьянов, 1981: 100–101].

Самыми важными в жизни человека этапами считались рождение, свадьба, уход в мир иной [подр. см. Баязитова, 1992]. Все они имеют определенную структуру и проходят по определенному сценарию, складывавшемуся на протяжении нескольких тысячелетий.

В структуре изучаемых обрядов нужно подчеркнуть *родинный обряд*. Лексика обрядов, которая связана непосредственно с родами, состоит из небольшого количества лексем. Например слова, **асырау** в каргалинском и бугурусланском говорах, **бала биләү**, **бала түрәү** в шарлыкском и также сергачском говорах, **туу** в шарлыкском, бугурусланском, также и в чистопольском, кузнецком, мелекесском, хвалынском говорах имеет значение «родить». Ср.: **түләү** (лмб., хвл., кузн.), **түрләү** (срг.), **түрәү** (тмн., лмб., срг.).

В шарлыкском говоре, как и в стерлитамакском говоре в значении «младенец» бытует одна диалектная лексема: **кул бала** (*кул* «рука» + *бала* «ребенок»).

Единицы рассматриваемой группы имеют довольно прозрачную семантику – образование при помощи компонентов общетюркского происхождения *эни/ана* «мать», *бала/ бәби/бәбэй* «ребенок».

В системе семейных обрядов особый интерес представляют *обряды поздравления с новорожденным*. Носители шарлыкского говора поздравление с новорожденным именуют **бәбэй үстерү**. В том же значении термин употребляется и в мензелинском и стерлитамакском говорах. В структуру данного обряда входит ряд празднеств, угощений и застолий, именующихся следующими лексемами: **бәбэй туйы** (кргл.), **бишек туйы** (шрл., кузн.), **бәби майы / бәбэй майы** (шрл., чпр., хвл.) «празднество в честь нарекания именем ребенка», **бишек туйы** «родины, застолье в честь рождения ребенка» [Баязитова, 2012: 19].

В честь рождения ребенка гости обычно преподносили подарок, который именуется древним словом **бирнә** (шрл., чст., кузн), подарок принесенный непосредственно для новорожденного называется **бәбэй бүләге** (шрл.). Лексема **бирнә** бытует и в ряде других говоров татарского языка, но входит в свадебную терминологию, и употребляется в значении «подарок, который преподносится сторонами жениха и невесты».

Люди с древних времен верили, что жизнь ребенка и его судьба во многом обусловлены именем. «Имя наделялось магическими свойствами и использовалось в обрядности как инструмент магии – охранительной, отгонной, продуцирующей» [Галиуллина, 2009: 216]. В связи с этим родители тщательно подходили к вопросу выбора имени ребенка, старались дать такое имя, которое бы обеспечило ему в будущем счастье, гарантировало долгую жизнь.

«Обряд наречения имени» обозначается термином **исем кушу** (буквально дать имя), в каргалинском, бугурусланском, также и в мамадышском и других говорах. Этот важный обряд именуется и другими терминами, такими как **ат кычкырту** в шарлыкском и хвалынском говорах, **ат кыщкырту** (чст.), **ат кычкыру** (лмб.) «нарекать именем», образовано от *ат* «имя» + *кычкырту* «крикнуть». Наименование с компонентом *ат* «имя» свойственно и для астраханского (*ат кычкырту*), нукратского (*ат салдыру*, *ат салу*) и других говоров.

Сөннәтләү «обрезание» и пиршество, которое устраивают в честь этого события входит в цикл мусульманских обрядов, связанных с рождением ребенка. Этот обряд является отголоском древних обрядов жертвоприношений, которые имели место в архаичном быту многих народов, об этом так же свидетельствуют отличительное окружение мальчиков особой заботой как атрибута жертвоприношения [Батыршина, 2008: 112].

В этом обрядовом акте одним из основных участников является **бабачы** «мужчина, совершающий обрезание». Данная лексема бытует в шрл., бгрс., также и мам., лш. и других говорах. Для *ц*-окающих говоров западного диалекта присущ фонетический вариант *бабацы* в том же значении; вариант *бабасы* и *баба* – характерен для диалектов башкирского языка [Батыршина, 2008: 110]. Образовано от общетюркской основы *баба* способом аффиксации *-чы/-цы*.

В татарских говорах Оренбуржья, как и в большинстве других говоров Оренбуржья употребляются словосочетания, где за основу берется акцент на первенство в каком-либо действии. К примеру, **чәч эни** в шарлыкском говоре обозначает «женщину, первый раз сбившую волосы ребенка». Ср.: **теш анасы** (тмн., кас.), **тешана** (тмн.) «женщина, которая первая заметила прорезание зуба».

Весьма богато представлен спектр *лексики свадебных обрядов*, в состав которой входят и названия разнообразных свадебных обрядов, пиршеств, участников свадьбы, различных подарков, угощений, песен и игр, сопутствующих данному событию. В абсолютном большинстве мировых традиций и норм семья считалось важным элементом социума и гарантом нормального функционирования и развития общества. Именно по этой причине к вопросу образования новой ячейки общества подходили со всей ответственностью, это касалось не только людей, вступающих в брак, но и общества

в целом. Структура свадебного обряда чаще состоит из череды определенных действий, которое переходит в яркое празднество, с тем или иным составом участников. Именно в свадебных обрядах наиболее полно и цельно продолжают сохраняться традиции, устои и принципы, которые были установлены еще с древних времен. На сегодняшний день лексика свадебных обрядов в татарском языке, в его диалектах изучена Д.Б.Рамазановой [1987; 1997; 2004; 2014], З.Р. Садыковой [1987]; Ф.С. Баязитовой [1990; 1992; 2002; 2003; 2014], Р.К. Уразмановой [2001]. Д.Б. Рамазанова указывает, что этапы основных свадебных циклов во всех этнографических группах татар, в основном, одинаковы, однако они отличаются наличием специфических деталей в проведении этих обычаев. На этом этапе национального развития определенные ритуалы и действия, могут быть заимствованы этническими группами, поскольку этому способствует межэтническое общение, хотя народу ближе свои обряды и обычаи [Рамазанова, 1997: 4].

В татарских говорах Оренбуржья, как и в большинстве других говоров, в основном сохраняются традиционные этапы свадебного обряда: *кыз сорау, килешү, никяхландыру, кыз куенына керү, туй мәжлесе ясау, кияүләп йөрү, килен төшерү* и др. В то же время наблюдаются некоторые различия в деталях проведения данных обрядов. Этапы свадебных обрядов, характерные для татарских говоров Оренбуржья, в частности для носителей, проживающих в деревнях Сарманаево, Новомусино, Дусметьево показаны в таблице, представленной в Приложении № 1. Рассмотрим некоторые отличительные моменты, зафиксированные в приведенных примерах.

В деревне Сарманаево начальным этапом свадьбы считается *йаучы йебәрү* «послание сватов», где родители договариваются о предстоящей свадьбе, и даются обязательства. В Дусметьево аналогичным вариантом выступает *башкода килү* «визит главного свата», где в отличие от сарманаевских традиций, в качестве свата обязательно приходит отец жениха. В деревне Новомусино начальный этап свадьбы носит название *башкодалай килү* «прийти в качестве главного свата», где так же просят родителей отдать их дочь в жены своему сыну, происходит договор о предстоящей свадьбе.

Во время визита сватов в дом невесты, они привозили с собой подарки которые именуется по-разному: в Сарманаево *мәһәр китерү* «подарки со стороны жениха: 2 подушки, одеяло, платье для

невесты, платок, сапоги». В Дусметьево присутствует такой обряд как *қапма қаршы жібару* «обряд передачи подарков, посылаемых друг другу: платье, 2 пары перчаток, шарф, 2 пары носков. Невеста в ответ посылает узелок с баурсаком (национальное блюдо) и вышитый мешочек. Жених по-обычаю ложил в этот мешочек баурсак и раздавал каждому встречному, разделяя свою радость. В Новомусино данный обряд носит название *бирнә биру* «обряд передачи подарков стороне невесты стороной жениха и наоборот», данный обряд наблюдается во всех исследуемых говорах, но имеет различную семантику. В других говорах, данный этап происходит уже во время никаха, рассмотрим их ниже.

После передачи подарков и договоров о свадьбе сторона невесты дает сватам своеобразный знак согласия, который носит различные наименования в исследуемых говорах. В Сарманаево *билге биру* «обряд, в котором приглашаются несколько родственников, которые вручают сватам полотенце – знак согласия». Сват вешает его на шею, и со словами «Получили девушку!» уходит». После чего, в дом невесты приходят родственники и, поздравляя со свадьбой, одаривают деньгами *мәһәр*. В Дусметьево и Новомусино данный обряд имеет аналогичное название *билге биру*, где в качестве знака согласия даются полотенце, также и платок, перчатки и др.

После проведенных обрядов у представителей говоров данного ареала есть обычай, при котором сваты ходят друг другу в гости. В Сарманаево этот обычай именуется *қодалашып йөрү* «родственники со стороны жениха и невесты приглашают друг друга в гости». В Дусметьево данный обычай носит название *кунак булу* и носит специфические особенности, заключающиеся в том, что со стороны жениха и невесты поочередно приглашаются по 6 пар, и только в субботу. В Новомусинском же говоре в данный период, сваты не ходят друг к другу в гости. Здесь происходит *билге күрсәту* «обычай, согласно которому родители жениха собирают всех родственников, чтобы показать им *билге* – «знак согласия невесты».

В татарском языке и в его диалектах **туй** «свадьба» имеет центральное значение. Интересно что, в этом же значении в лямбирском, сергачском говорах бытует локальное значение слова **кыда** «свадьба». В литературном языке, как и в большинстве диалектов татарского языка слово *кода* имеет значение «сват». Существует вероятность, что диалектный вариант значения *кыда* может оказаться

первичным. Ср.: общетюрк. монг. *худа* «свадьба; сват», *куда* «сват», [Ахметьянов, 2001: 110].

Татары Оренбуржья устраивают различные свадебные пиры, угощения. Например, **аклашу** в каргалинском и бугурусланском говорах «сосватать, просватать невесту», после этого устраивалось пиршество – **йараш туй** (шрл.) «званный обед, пиршество с участием самых близких родственников жениха и невесты», **туй иртэсе** (шрл.) «угощение, устраиваемое на второй день после свадьбы», **туй корбаны** (бгрс., кузн.) «угощение в доме жениха в честь невесты с жертвоприношением», **бирнэ туйы** (шрл.) «пир с участием взрослых, где раздают подарки невесты», **туй аулагы** (кргл., бгрс.) «веселье молодежи в доме жениха или невесты». **Тертке** (шрл.) последнее застолье в конце свадьбы». *Терткэндә халык йыйыла ашка*. – На последнее застолье народ собирается на пир. **Тертке** от слова *төрт* «толкать» + афф. *-ке*.

Названия застолий, как правило, семантически прозрачны. Они выражают понятия, прикрепленные к определенному обрядовому действию. Так, термины *яраш туй*, *тастар алу*, *акча салу*, *акча туйы* обозначают действия в честь выкупа.

Большая часть названий образуется с древнетюркским словом **туй** «свадьба». В названиях свадебных пиршеств встречаются также заимствования из арабского, русского языков: **вичурка** (шрл., карс.) «вечеринка, устраиваемая за день до отъезда невесты», **кияү закускасы** (кргл.) «свадебное угощение в доме невесты с гостинцами со стороны жениха». В данных случаях наблюдается семантические изменения в заимствованных названиях, в говорах слова приобрели этнографический оттенок содержания. В каргалинском говоре слово *закуска* стало означать не только само угощение, но его объектную характеристику.

В структуре свадебной церемонии неотъемлемой частью являются и свадебные традиции, определенные обряды и обычаи, которые по верованиям народа были наделены некой магической подоплекой и их воплощение могло повлиять на дальнейшую благополучную и счастливую судьбу молодых супругов. Рассмотрим еще некоторые обряды, проводившиеся на исследуемой территории.

Билбау чишү (кргл.) «обычай развязывания невестой пояса жениха» (общетатарский обряд): *Кыз билбауның очон табыт чишергә тийеш ийе*. – Девушка должна была найти концы пояса жениха

и развязать их. **Булыш** (кргл.) «увеселение молодежи с участием невесты в отдельном доме, в день помолвки». **Баш өтү** «обычай сватать девушку и устраивать в знак сговора обед». **Ишек тоту** «обычай придерживать дверную ручку при входе жениха к невесте в дом». **Йорт күрергә бару** (бгрс., шрл.) «приезд родителей невесты и некоторых участников предстоящей свадьбы в дом жениха для знакомства». **Килен төшерү** «переезд невесты в дом будущего мужа». **Қода сыйлау** (кргл.) «обычай устраивать званый обед в доме жениха с приглашением родителей невесты и их близких после сговора». **Күмәч кисү** (кргл.) «обычай резать белый хлеб ножиком жениха в день помолвки». **Кунга** (< *кун'* < *куен* «объятие») **йерү** (шрл.) «ездить к невесте на правах мужа после помолвки». **Мендәргә утыру** (кргл.) «обычай, согласно которому в день помолвки на приготовленную для жениха подушку сажают одну из сестер невесты; после того как жених одаривает ее монеткой, она уступает ему место». **Мәһәр** (бгрс.) 1. «приданое невесты, привозимое в сундуке, в дом жениха»; 2. «вещевая часть калыма (обувь, одежда, постель). Во всех говорах среднего диалекта этот термин обозначает «калым, выкуп за невесту». **Савым** «гостинцы, приносимые родителями невесты и жениха, а также гостями на свадьбу». **Савым чишү / савым ачу** (бгрс.) «старинный свадебный обряд: полотенце, которым связана принесенная на свадьбу бутылка с напитком, снимает один из близких жениха, и повязав его на себя, обещает дать что-нибудь из живности, а после первого тоста присутствующие преподносят молодым свои подарки». **Су йулы күрсәтү** «обряд, когда молодая в день приезда в сопровождении снох, золовок идет за водой». Так же и в других говорах. **Тайанчык** «живность, подаренная родителями будущего мужа, опираясь на которую невеста спускается с повозки». Образовано от глагола *тайан-* «опираться» + афф. *-чык*. **Тарту** 1. (кргл.) «деньги, выплачиваемые родственниками невесты стороне жениха на свадебные расходы»; 2. (бгрс.) «живность, подаренная молодым родителями жениха в ответ на подарки невесты». В первом значении данная лексема употребляется также в мензелинском, бирском, заказанских, стерлитамакском говорах татарского языка. **Токмач йырту** (кргл.) «обычай портить раскатанное невестой тесто для лапши, если молодая не одаривала подарками». **Чәкчәки ачу** (кргл.) «снятие покрывала с подноса, где вместе с чакчак приготовлены подар-

ки невесты для родных жениха». **Элү** (бгрс.) 1. «часть приданого невесты, развешиваемая ею в доме жениха в день приезда»; 2. «подарки невесты родственникам жениха, развешиваемые ею при входе в дом жениха».

Одним из наиболее распространенных предсвадебных действий является сватовство. Центральное значение имеют лексема **аклашу** (бгрс.) «сосватать невесту», **аклашу** в том же значении характерна и для заказанских, камышлинского и других говоров татарского языка. Обычно это происходило следующим образом – сват намечал день сговора, и в назначенный день они приходили в дом отца невесты. На нем присутствовали ее родители, родственники матери и отца, родители жениха. Они обговаривали сумму денег калыма, которую должен был отдать отец жениха родителям невесты. Соответственно размеру калыма приобретались подарки для родных жениха. На сговоре в знак согласия мать невесты, или сама невеста одаривали своих гостей, мужчинам дарили салфетки, а женщинам либо платки, либо отрезки на платье. Эти подарки в исследуемых нами говорах именуется словом **ак**. В этом же значении в стерлитамакском говоре употребляется слово *билге*. Это действие имело определенную специфику некоего гаранта, поскольку, после сватовства невеста не могла больше выйти замуж (за другого), также и жених не имел права жениться на другой девушке. Данный обряд сватовства имеет место и у крышен [Баязитова, 1997: 104–105].

В этом сватовском обычае важным элементом являются также переговоры о сумме расходов на свадьбу, о калыме. Присутствующие во время сговора родители и родственники обговаривали сумму калыма, которую должны были дать за невесту. Сумма варьировала в зависимости от состояния семьи жениха. После соглашения отец жениха оставлял часть денег из калыма. Помимо вопросов о сумме калыма на сговоре обычно уточнялся вопрос о количестве приданого. Такие, переговоры о сумме калыма в шарлыкском говоре именуется **калым сүләшү**. Обряд передачи калымных денег обозначается выражением **акча салу** (бгрс.) «передача женихом, или отцом жениха калымных денег родителям невесты». Ср.: **здатка** (кузн.) «свадебный обряд: передача родителями жениха соответствующего количества меда, чая, денег».

Названия *участников свадьбы* также составляют один из компонентов свадебной лексики. Лексемы, обозначающие «сопровождающих невесту людей»: **канат** (шрл., менз., стрл.) «девушки, женщины, супружеские пары, сопровождающие невесту в дом жениха», **арчи/арчий** (шрл.) «родственники или близкие невесты, сопровождающие ее в дом жениха» (так же в нукр., менз. и др.), **арчылый: арчылый бару** (бгрс.) «ехать в качестве сопровождающих невесты в дом жениха»: *Кызны утыртып алып киталар, арчылый баралар өч пар.* – Сопровождающими ехали три пары, сажали девушку и везли к жениху. **Айақчы** (бгрс., менз., сиб. д., астр.) «женщина помогающая хозяйке готовить обед для приглашенных гостей». *Ике айақчысы бар иде.* – Были две помощницы. Лексема **канат**, возможно, связана с *канат* «милый, близкий друг», так как сопровождающими были близкие родственники или подруги невесты, что отражается в семантике и других лексем этой группы [Казиханова, 2011: 180].

Как известно, исследователи указывают на значение слова **арчи, арчылый** «свадебный поезд» и связывают с монг. *арчи, арти, арчил, артил* «вспомогательное войско; группа, охраняющая ханскую семью» [Ахметьянов, 2001: 20].

Свадебный обряд является одним из наиболее песенных. В основном он построен на песенных диалогах между родней жениха и невесты. Все свадебное общение начинается с момента ухода невесты из родительского дома до конца свадебного пиршества: **кыз елату, кодаларны мактау йырлары, кияү мактау/кияү хурлау йырлары, эчке көйлэре, бию йырлары**. По обычаю, накануне свадьбы невеста не спала. Перед самым выходом она начинала напевно причитать, оплакивая нелегкую долю невесты в чужом доме, порой обращалась к родителям, упрекая их в желании избавиться от нее. В шарлыкском говоре в этом значении употребляется термин *кыз елату*. Так же и в других говорах западного диалекта. По мнению Р.Г. Мухамедовой, *кыз елату* возник с обычаем приглашать причитальщиц [Мухамедова, 1972: 172].

Основная свадьба проводилась в доме родителей жениха. В шарлыкском говоре «дом, где идет свадьба» обозначается лексемой *туй азбары*. Вечером присутствующие на свадьбе гости провожали молодых в *клат* «клеть». Общеизвестно, что *азбар* в говорах западного диалекта, в том числе и в шарлыкском говоре употребляется

и в значении «дом». Семемой «дом для новобрачных» отличается слово *булма* (шрл., стрл.). Указанное значение является собственно диалектным, нехарактерным для литературного языка.

Таким образом, анализ лексики духовной культуры раскрыл различные культурные компоненты в структуре изучаемых реалий. Лексемы, называющие праздники, игры показывают, что и старшее поколение (*игерче, игырча* «ежегодные деревенские гулянья, празднества, устраиваемые в летние месяцы несколькими селами и деревнями», *аулагаиш* «молодежная вечеринка») и младшее поколение (*аркасугыш* «вид детской игры», *сэвэнэйле уйнау* «рядиться, делать маскарад», *аткылану* «играть, разделившись на команды», *зилем уены* «игра, в которой пары поочередно проходили друг меж другом») носителей татарских говоров Оренбуржья старались проводить время в коллективе.

В названиях календарных праздников и обрядовых действий отражаются древние, еще языческие представления народов [Баязитова, 1998: 3]: *яңгыр теләү/ келәү, зур келәү, кыр корбаны* «обряд моления дождя», *зарә йасау* «обычай собирать яйца перед выходом на посев». В приведенных праздниках отражается мировосприятие носителей исследуемых говоров.

Особо важными для представителей татарских говоров Оренбуржья явились обряды, непосредственно связанные с жизнью человека. Как видно из выеизложенного, наиболее широко представлен спектр свадебных обрядов. Это связано с представлениями народа, согласно которым, выполнение тех или иных деталей обрядов гарантирует счастливую семейную жизнь. Серьезное и ответственное отношение к свадьбе отражается в переговорах о свадьбе, о калыме (*калым сүләшү* «переговоры о сумме денег, которые даются родителям невесты на свадебные расходы», *акча салу* «передача женихом калымных денег родителям невесты», *задатка* «свадебный обряд: передача родителями жениха соответствующего количества меда, чая, денег») и т.д.

Выводы по пятой главе

Итак, термины родства, названия праздников и связанных с ними обрядов татарских говоров Оренбуржья большей частью восходят к общетюркским корням. В них обнаруживаются лексемы как общие (1) для диалектов и говоров, так и специфичные (2).

1) *әнә/инә* «мать», *түтәй* «тетя, старшая родственница», *эне* «братишка», *сеңел* «сестренка», *жиңгә* «жена старшего брата», *баҗа* «мужья родных сестер по отношению друг к другу», *йөзек салыш* «гадание на кольцах», *нардыван* «праздничные дни между рождеством и крещением», *сөрән сузу* «сбор подарков накануне сабантуя», *йорт күрсәтү* «обряд, связанный с новосельем», *аулагаш* «вечернее собрание молодых для дружеской встречи, развлечения», *аркасугыш* «вид детской игры», *бәбәй үстөрү* «родины, пир в честь рождения ребенка», *бирнә биру* «обряд передачи подарков стороне невесты стороной жениха и наоборот», *туй корбаны* «угощение в доме жениха в честь невесты», *бирнә* «подарки, обоюдно преподносимые родителями жениха и невесты во время празднования свадьбы», *айақчы* «женщина, помогающая хозяйке готовить обед для приглашенных гостей» и др.

2) *әннә* «одна из форм обращения к матери», *әттә* «одна из форм обращения к отцу», *печкәчәй* «младшая сестра мужа», *янагай* «младший брат мужа», *хәрендәш* «род, племя», *аба* «старший брат», *абай* «форма обращения к нему», *дәдәй* «брат», *кан'нана* «свекровь», *зәрә йасау* «обычай собирать яйца перед выходом на посев», *урын ашы* «еда, которая готовилась в складчину на вечерах», *сәвәнәйле уйнау* «рядиться, делать маскарад», *урта чартау* «игра прыжками вперед», *аткылану* «играть, разделившись на команды», *чәч әни* «женщина, сбившая первые волосы ребенка», *қапма қаршы җибәру* «обряд передачи подарков, посылаемых друг другу: платье, 2 пары перчаток, шарф, 2 пары носков», *башқодалай килү* «приход в качестве главного свата», *қодалашып йөрү* «приглашение родственниками со стороны жениха и невесты друг друга в гости», *тертке* «последнее застолье в конце свадьбы», *сағым* «гостинцы, приносимые родителями невесты и жениха, а также гостями на свадьбу», *чәкчәки ачу* «снятие покрывала с подноса, где вместе с чакчак приготовлены подарки невесты для родных жениха» и др.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В ходе развития татарской диалектной лексикологии стали актуальными обобщающие исследования диалектных систем определенных лексических ареалов. Предпринятое в данной работе комплексное исследование лексики основных тематических групп татарских говоров Оренбуржья как системы показало, что лексика татарских говоров Оренбуржья представляет собой сложную систему как в генетическом, так и в словообразовательном и семантическом аспектах.

По характеру совокупности фонетических, грамматических и лексических особенностей в Оренбуржье выделяются три самостоятельных говора татарского языка: каргалинский (урало-сакмарский, бузулукский подговоры) и бугурусланский говоры среднего диалекта, шарлыкский (новомусинский, баширский, икский подговоры) говор западного диалекта. Изучаемые говоры занимают место в диалектной системе татарского языка.

В генетическом плане исследованная нами лексика состоит из двух пластов: тюркского и заимствованного.

Лексика, относящаяся к тюркскому пласту, включает в себя слова, издавна бытующие в тюркских языках, отраженные и в древнетюркских словарях, большинство из них активно употребляются и ныне. Значительная часть их составляет основной фонд лексики языка: термины родства, слова, характеризующие человека в планах физического и духовного состояния, названия природных явлений, растений, животных и т.д. Они наиболее часто употребляются в повседневной жизни диалектоносителей.

В сравнении с литературным языком для диалектной лексики татарских говоров Оренбуржья характерны следующие особенности:

1. Фонетическая вариативность (*дән*, литер. тән «тело», *кәзә* литер. кәжә «коза», *песәй* литер. песи «кошка», *пичәткә* литер. перчатка «перчатка», *кечерткән* литер. кычыткан «крапива», *бырны* литер. борын «нос», *сүләү* литер. сөйләү «говорить», *инәй* литер. эни «мама», *нука* литер. онык «внук», *кырка* литер. күркә «индюк», *богаз* литер. бугаз «горло», *төбә* литер. түбә «крыша, потолок», *йәңәк* литер. яңак «щека», *қат'а* литер. кайта «возвращает-

ся», *севэк* литер. сөйэк «кость», *бун'* литер. муен «шея», *изэн* литер. идэн «пол», *түбәкәй* литер. түбәтәй «тюбетейка», *чиртләвек* литер. чикләвек «орех», *айлапкыч* литер. альяпкыч «передник», *бәк* литер. бик «очень» и др.).

2. Слова, по фонетическому звучанию совпадающие с литературным языком, однако имеющие другое значение или несколько иные семантические оттенки. Например, *қарагай* литер. «лиственница», в говоре «сосна»; *сәке* литер. «нары, лавка», в говоре «маленькая комната»; *почмак* литер. «угол», в говоре «кухня»; *чокыр* литер. «яма, ров», в говоре «чашка»; *башмақ* литер. «телка или бычок», в говоре «шерстяные носки»; *сакал* литер. «борода», в говоре «подбородок»; *беләк* литер. «рука от кисти до плеча», в говоре «козий пух в количестве, достаточном для обматывания в одну руку для разового прядения; локоток»; *турғай* литер. «жаворонок», в говоре «воробей»; *тумалақ турғай* диал. *тумалақ* «толстое полено», в говоре «воробей коричневого цвета»; *шеш* литер. «шишка, опухоль», в говоре «фигуры, сделанные из теста на свадебном пироге обозначающие завершение свадебного пиршества», *песәй* литер. «кошка», в говоре еще и «багор»; *роза* литер. «роза (цветок)», в говоре «кушанье из высококачественного теста, изготовленное путем жарения в масле».

3. Слова, корни которых общие с литературным языком, но отличаются по морфологическому оформлению: *қурқыч* литер. куркыныч «страшно», *тырмамыч* литер. тырма «грабли», *берсесе* литер. берсе «один из», *жәйли* литер. жәй буе «все лето», *килгәнәң* литер. килгәнсең «ты пришел», *йөрисе* литер. йөрергә «ходить», *кигерәм* литер. кидерәм «одеваю» и др.

4. Собственно диалектизмы, которые подразделяются на *специфичные*, характерные только для исследуемых говоров (*бақашар* «серая цапля»; *тертке* «последнее застолье в конце свадьбы»; *айнанай* «ласковое обращение к лицам младше себя»; *қордой* «форма обращения к ровеснику»; *илем* «человек, любящий других людей, добрый по отношению к другим»; *лабыр* «ворох сена, который можно поднять вилами в один прием»; *сарқыт* «остатки угощения»; *сағалдырықлау* «подвизывать покрывало под подбородком специальной тесемкой»), *узколокальные* (*қузы* «горячий уголь»; *мирас бала* «ребенок, родившийся после смерти отца»; *әйкәйем* «форма обращения друг к другу женщин-подружек»; *өрфийә* «монета,

мелкая бляха, вырезанная из тонкой жести»; *әүкәй* «задушевный друг»; *вәл* «вязанный платок» и др.

Заемствованный пласт исследуемой лексики делится на три группы: арабо-персидскую, финно-угорскую и русскую.

Арабские и персидские заимствования проникали через письменную литературу и язык просвещенного духовенства ислама, также через торговые отношения. Некоторые из них приобрели своеобразные смысловые оттенки, свойственные только для говоров исследуемого ареала. Арабские заимствования *мәһәр* «приданое невесты, привозимое в сундуке, в дом жениха, вещевая часть калыма (обувь, одежда, постель)», *питырас/питырач* «мелкие лепешки из пресного теста»; *тақыя* «шапка»; *хәшәп* «деревянный башмак с верхом, плетеным из лыка или холщовой нити», и др.

Персидские слова: *хөрти* «короткий камзол без рукавов для молодых женщин и девушек»; *хертә, херти* «стеганая безрукавка»; *қондыз* «соболиный», *дурман* «ядовитое растение из семейства пасленовых с одуряющим запахом; белена», и др.

Финно-угорские заимствования составляют древний пласт лексики: *лапақай* «низкорослый (человек)», *тима* «валенки», *прамыш* «мелкий овод», *мәте* «жидкая грязь», *шәңгә* «шаньга», *кәркеш* «оборки для лаптей» и др.

Заслуживают внимания и слова, общие с монгольским языком: *малахай* «шапка-ушанка»; *арчи/арчий* «родственники или близкие невесты, сопровождающие ее в дом жениха».

Длительное проживание с русскими способствовало проникновению русских заимствований: *пикеи* «чугунный горшок»; *матик/матига* «мотыга»; *ваздуи* 1. «саманный кирпич»; 2. «хлев или кухня, построенная из саманных кирпичей»; *запр'аткы* «нитка в один слой, полученная путем прядения козьего пуха на хлопчатобумажной основе», *путинка/путинкә* «паутинка»; *элән* «лен»; *шыный/шутин* «шиповник»; *нашкит* «национальное мучное изделие с начинкой из ягод или повидла, паштет»; *пичунка/пичуңқа* «печеная в золе картошка»; *әсне* «корь»; *дастуй/дастуйын* «рослый, здоровый человек»; *йәркә* «годовалая неягнившаяся овца или коза»; *мәчтек* «мерин», *сырқа* «сурок»; *вәләк* «валек для белья», и др.

Этногенетические процессы обуславливают возникновение и развитие в ходе формирования татарской диасистемы различных групп переселенческих говоров, одной из таких групп являются

татарские говоры Оренбуржья. Особый интерес представляет лексика дочерних говоров, которые сформировались в ходе освоения земель Оренбургской губернии выходцами из Мамадышского и других регионов Закавказья, из Симбирского уезда, Пензенского наместничества, Уфимской губернии и др.

Анализ лексики татарских говоров Оренбуржья показал, что переселенческие говоры исследуемого ареала сохранили в себе основной пласт лексем материнских говоров. Слова в каргалинском и бугурусланском говорах, характерные для материнских говоров среднего диалекта: *жәз* «лицо»; *арқа чоқоры* «спинной хребет»; *ала ат* «пегая лошадь»; *қызылтүш* «снегирь»; *киртә* «закрытое холодное помещение для скота, сделанное из досок или забранное плетнем»; *айақ сауыты* «обувь»; *тутәй* «форма обращения к старшей сестре, к старшей или младшей сестре отца или матери, к дальней родственнице, к старшей родственнице мужа, к любой пожилой женщине»; *биата(й)* «свекор». В некоторых случаях сохраняется корневая форма слова, например, *шөкәтсез* в каргалинском говоре «плохой, некрасивый», в материнском мамадышском говоре выступает производное *шөкәтсезләну* «стать безобразным, терять вид».

В шарлыкском говоре продолжают сохраняться диалектизмы, общие с говорами западного диалекта: *уй* «равнина»; *йәйәк* «щека»; *йырт* «двор»; *былдыр* «крыльцо», *пәрчатка* «перчатка»; *куш күлмәк* (этнографическая) «мужская рубашка и женское платье вместе взятые, преподносимые во время свадьбы парным родственникам в качестве подарка со стороны невесты»; *ашамак* «еда, продукты»; *йабым* «мучные изделия»; *кыйыкча/кыйгача/кыйкча* «национальное мучное изделие: ромбовидный хворост»; *туварук* «курт, красный творог»; *пәйеж* «накись, образующаяся на мясном бульоне»; *азбар* «дом»; *христыч* «один из способов сушки снопов; крестец»; *булдакчы* «тот, кто приходится кем кому, приходящийся кем кому» и др.

Семантический подход в исследовании лексики татарских говоров Оренбуржья показал, что формирование этих говоров шло в условиях непосредственного взаимовлияния и взаимодействия представителей среднего и западного диалектов. С другой стороны, контакты происходили между носителями и других языков: между татарами и башкирами, татарами и русскими и др.

В ходе анализа выявилось, что в условиях длительного сосуществования происходило изменение семантики в сторону расшире-

ния или сужения значения лексемы, увеличение ее морфологической либо синтаксической деривации. Так, у характерного для западного диалекта слова *зэрэ* «рассвет», *зэрэ йарылу* «рассветать» в переселенческом шарлыкском говоре в условиях Оренбуржья расширилась деривация и обогатилась семантическая функция: *кен зэрэсе* «дневной свет». Значение «удлиненная впадина (вдоль речного русла)» имеет лексема *қолороқ* в мамадышском говоре и говоре нагорных кряшен «подводное углубление у берега реки», в каргалинском и бугурусланском говорах эта лексема обозначает «тихий уголок, закуток, закоулок». Семантика данного слова приобрела несколько иное значение в переселенческих говорах Оренбуржья. В шарлыкском говоре известно название *камыр жыләге* «шиповник». Интересно, что выражения с основой *камыр* сложились в ряде окружающих татарских говоров: телекеевском *қамыраш*, в стерлитамакском *камыр жыләге*, в пермском *қамыр-лауық*, мензелинском *қамырлық* обозначают растение «боярышник». Тем самым, шарлыкский говор оказался в составе изоглоссы одинакового принципа номинации слова, т. е. мякоть ягод сравнивается с тестом.

Анализируя татарские говоры Оренбуржья в лексико-семантическом аспекте, необходимо отметить то, что наиболее характерную общность они проявляют с окружающими смежными говорами татарского языка (стерлитамакский, мензелинский, камышлинский).

В целом лексика татарских говоров Оренбуржья представляет собой целостную лексико-семантическую систему, которая формировалась в течение нескольких столетий. В ней сохранились архаичные элементы, также имеются локальные лексемы. Пополнение словарного состава происходит за счет новообразований и заимствований. Являясь переселенческими, говоры Оренбуржья сохранили в себе особенности материнских говоров, относящихся как к западному (в шарлыкском), так и среднему (в каргалинском и бугурусланском) диалектам. Взаимодействие и взаимовлияние представителей разных диалектов нашло отражение также и в лексической системе татарских говоров Оренбуржья. В лексике говоров данного региона отражаются разные стороны жизни и культуры татарского народа, в том числе и татар Оренбуржья, идеалы и система ценностей, мировосприятие носителей изучаемых говоров.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Названия словарей и других трудов

- ДТС – Древнетюркский словарь
ДСБЯ – Диалектологический словарь башкирского языка
ИИДТЯ – Исследования по исторической диалектологии татарского языка.
СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков
ТТЗДС – Большой диалектологический словарь татарского языка (Татар теле-нең зур диалектологик сүзлеге)
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков

Названия диалектов, говоров и подговоров татарского языка

Средн. д. – средний диалект

- астр. – астраханский говор (Астраханская область и ее соседние регионы)
баст. – бастанский говор (Рязанская область)
бгрс. – бугурусланский говор (Оренбургская область)
бирск. – бирский говор (Республика Башкортостан)
блт. – балтасинский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
глз. – глазовский подговор нукратского говора (Удмуртская Республика)
дубь. – дубязский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
заказан. – заказанская группа говоров (Республика Татарстан)
заказ.-крш. – заказанско-кряшенский говор (Заказанье: Республика Татарстан)
злт. – златоустовский говор (Республика Башкортостан, Челябинская область)
ичк. – ичкинский говор (Курганская область)
кас. – касимовский говор (Рязанская область)
кмшл. – камышлинский говор (Самарская область)
кр.-уф. – красноуфимский говор (Свердловская область)
кргл. – каргалинский говор (Оренбургская область)
крмн. – курмантауский говор (Республика Башкортостан)
крш. – говоры крещеных татар
к.-уст. – камско-устыинский говор Нагорной группы говоров (Республика Татарстан)
лш. – лаишский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
мам. – мамадышский говор заказанской группы говоров (Республика Татарстан)
менз. – мензелинский говор (Республика Татарстан, Республика Башкортостан)

н.кам.-крш. – нижекамско-кряшенский говор (Республика Татарстан)
нагорн. – Нагорная группа говоров (Республика Татарстан)
нгб.-крш. – нагайбакско-кряшенский говор (Челябинская область)
нукр. – нукратский говор (Кировская область, Удмуртская Республика)
нурл. – нурлатский говор Нагорной группы говоров (Республика Татарстан)
пар. – параньгинский говор (Республика Марий Эл)
перм. – пермский говор (Пермская область)
тпк. – тепекеевский говор (Республика Башкортостан)
трбс. – турбаслинский говор (Республика Башкортостан)
трх. – тарханский говор Нагорной группы говоров (Республика Татарстан)

Зап. д. – западный диалект

байк. – байкибашевский говор (Республика Башкортостан)
влгг. – волгоградский говор (Волгоградская, Астраханьская области и Ставропольский край)
држ. – дрожжановский говор (Республика Татарстан и Чувашская Республика)
калд. – калдинский говор (Ульяновская область)
карс. – карсунский говор (Ульяновская область)
кузн. – кузнецкий говор (Пензенская область)
лмб. – лямбирский говор (Республика Мордовия)
мел. – мелекесский говор (Ульяновская область, Самарская область)
м.-кар. – мордва-каратаевский говор (Республика Татарстан)
нагорн.-крш. или подб. – говор нагорных кряшен или подберезинский говор (Республика Татарстан)
срг. – сергачский говор (Нижегородская область)
стрл. – стерлитамакский говор (Республика Башкортостан)
тмн. – темниковский говор (Республика Мордовия)
хвл. – хвалынский говор (Ульяновская область)
чст. – чистопольский говор (Республика Татарстан, Самарская область)

Сиб. д. – сибирские (восточные) диалекты

тоб.-ирт. д. – тоболо-иртышский диалект (Тюменская и Омская области)
забол. – заболотный говор (Тюменская область)
тар. – тарский говор (Омская область)
тевр. – тевризский говор (Омская область)
тобол. – тобольский говор (Тюменская область)
тюм. – тюменский говор (Тюменская область)
бараб. д. – барабинский диалект (Новосибирская область)
том. д. – томский диалект (Томская и Кемеровская области)
калм. – калмакский говор (Кемеровская область)
зушт. – зуштинско-чатский говор (Томская область)

Названия других языков, диалектов и их говоров

аз. – азербайджанский язык	огуз. – огузский
алт. – алтайский (ойротский) язык	перс. – персидский
алтай. – алтайские говоры (русск.)	рус. – русский
араб. – арабский язык	ср.-кыпч. – среднекыпчакский
балк. – балкарский	ср.-уйг. – среднеуйгурский
башк. – башкирский	тадж. – таджикский
гаг. – гагаузский	тат. – татарский
древнетюрк. – древнетюркский	тув. – тувинский
др.-уйг. – древнеуйгурский	тур. – турецкий
каз. – казахский	туркм. – туркменский
кар. – караимский	тюрк. – тюркский
кирг. – киргизский	удм. – удмуртский
ккалп. – каракалпакский	узб. – узбекский
крх.-уйг. – караханидско-уйгурский	уйг. – уйгурский
кум. – кумыкский	фин. – финский
мар. – марийский	хак. – хакасский
монг. – монгольский	чаг. – чагатайский
морд. – мордовский	чув. – чувашский
ног. – ногайский	эрз. – эрзянский
общ.-тюрк. – общетюркский	як. – якутский

Другие сокращения

диал. – диалектальный
 литер. – литературный
 см. – смотрите
 ср. – сравните

ЛИТЕРАТУРА

Лексикографические источники

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. А–К. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 657 с.; Т. II. Л–Р. Л.: Изд-во АН СССР, 1973. 449 с.; Т. III. S–T. Л.: Изд-во АН СССР, 1979. 360 с.; Т. IV. U–Z. Л.: Изд-во АН СССР, 1989. 326 с.

Ахметьянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи этимологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 272 б.

Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: в 4-х т. Т. 1: А–Й. Бирск: Бирский гос. пед. ин-т, 2005. 233 с.

Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: в 2-х т. СПб.: Типография императорской Академии наук. Т. 1. 1869. 810 с.; Т. 2. 1871. 415 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.: в 4-х т. М.: Русский язык, 1979.

Татар теленең диалектологик сүзлеге (Диалектологический словарь татарского языка) / под ред. М.З. Закиева, Д.Б. Рамазановой, Т.Х. Хайрутдиновой. Казань: Татар. кит. нәшр., 1993. 459 с.

Диалектологический словарь башкирского языка / сост.: М.И. Дильмухәмәтов, У.Ф. Назергулов, С.Г. Сабирянова, Г.Г. Гареева. Уфа: Китап, 2002. 432 с.

Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Дыбо А.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013. 620 с.

Материалы по татарской диалектологии. Казань. Вып. 2. 1962; Вып. 3. 1974; 1976; Вып. 4. 1978; Вып. 5. 1983; Вып. 6. 1988; Вып. 7. 1989; 1990.

Медицинский русско-татарский толковый словарь / под общ. ред. М.М. Гимадеева. Казань: Магариф, 2003. 559 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974–2003. Т. 1–7.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М.: Наука, 1980. 395 с.

Севортян Э.В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989. 291 с.

Татар диалектологиясе буенча материаллар / под. ред. Л.Т. Махмутовой, Д.Б. Рамазановой. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1978. 132 б.

Татар теленең диалектологик сүзлеге / төз.: Н.Б. Борханова, Л.Т. Мәхмүтова, З.Р. Садыкова, Г.К. Якупова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. 643 б.

Татар теленең диалектологик сүзлеге / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 460 б.

Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.

Татар теле диалектологик атласын төзү өчен материал жыйнау программасы / төзүчесе Н.Б. Борханова. Казан, 1959. 43 б.

Татар халык сөйләшләре. 2 китапта. Казан: Мәгариф, 2008. I китап. 462 б.; II китап. 494 б.

Толковый словарь живаго великорусскаго языка (Современная орфография) [Электронный ресурс], в 7 т. Режим доступа: <http://www.slova.ru>

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 256 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. 3-е изд., стереотип. М.: Азбука-Терра, 1996. Т. 1. 576 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. 3-е изд., стереотип. М.: Азбука-Терра, 1996. Т. 3. 832 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т.: пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель – АСТ, 2004. Т. 4. 860 с.

Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. – 600 с.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 1997. 362 с.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». Выпуск второй / под ред. Г.Ф. Благовой. М.: Индрик, 2000. 265 с.

Литература на русском языке

Актуальные проблемы русской диалектологии: тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г. / отв. ред. О.Е. Кармакова. М.: ИРЯ РАН, 2012. 168 с.

Алишина Х.Ч. Говоры сибирских татар юга Тюменской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Казань, 1992. 22 с.

Алишина Х.Ч. Как нам сохранить язык сибирских татар? // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: труды международной конференции, июнь 9–13, 1992 г. Т. I. Казань, 1992. С. 24–26.

Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань: Казанский пед. институт, 1994. 119 с.

Арсланов Л.Ш. Говор мордвы-каратаев // Татар теле һәм әдәбияты мәсьәләләре. Вып. 2. Казан, 1965. С. 117–139.

Арсланов Л.Ш. Язык юртовских татар (по материалам экспедиции 1972 г.) // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1976. С. 3–71.

Арсланов Л.Ш. Формирование островных говоров татарского языка (говоры Астраханской и Волгоградской областей). Казань: КГПИ, 1983. 78 с.

Арсланов Л.Ш. О взаимодействии языка юртовских татар (ногайцев) с татарскими говорами Астраханской области // Материалы Всероссийской научной конференции «Проблемы двуязычия в современных условиях». Казань, 1994. С. 14–16.

Арсланов Л. Ш. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополя (язык, фольклор, словарь). Набережные Челны: Камаз, 1995. 195 с.

Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья / науч. ред.: Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова; составители: Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова (1 т.), Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова (2 т.). Казань, 1989. Прил.: Комментарии к Атласу. Казань, 1989. 300 с.

Атлас татарских народных говоров. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newipi.antat.ru>

Афлетунов А.Ш. Вопросы диалектальной лексики // Проблемы тюркологии и русского востоковедения. Казань, 1960. С. 71–72.

Ахатов Г.Х. Лексика татарского языка. Казань, 1995. 93 с.

Ахметова Я.М. Говор татар Финляндии (в сравнительно-историческом аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 22 с.

Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарских и чувашских языков: фонетика и лексика. М.: Наука, 1978 – 248 с.

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.

Ахметьянов Р.Г. Некоторые варианты диалектальных слов и фразеологизмов в сергачском говоре // Нормативность и вариативность в татарском языке. Казань, 1987. С. 32–40.

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1988. 200 с.

Багаутдинова М.И. Этнографическая лексика башкирского языка: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02. Уфа, 1997. 25 с.

Багаутдинова Г.А. Фразеобразовательный потенциал лексико-семантической группы «части тела человека» (на материалах, отражающих психиче-

ские процессы и свойства личности в разноструктурных языках) // Ученые записки Казанского филиала Российской международной академии туризма. Казань, 2004. Вып. 1. С. 61–64.

Базарова Д.Х. Этимологические разработки в рамках отдельных тематических групп слов // Проблемы этимологии тюркских языков, сб. статей. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 92–94.

Барсукова Р.С. Названия мучных изделий из пресного теста в заболотном говоре тоболо-иртышского диалекта // Материалы международной научно-практической конференции «Народы России и Татарстана: возрождение и развитие». Ч. I. Альметьевск, 2000. С. 38–47.

Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 23 с.

Барсукова Р.С. Названия жилища, хозяйственных построек и их частей в заболотном говоре сибирских татар // Материалы V Международного Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: тюркские народы». Тобольск-Омск, 2002. С. 346–348.

Барсукова Р.С. Мифологическая лексика заболотного говора тоболо-иртышского диалекта сибирских татар // Материалы научно-практической конференции «Сулеймановские чтения». Тюмень, 2003. С. 22–24.

Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. 211 с.

Батыршина Г.Р. Терминология родинного обряда башкир: этнолингвистический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.02/10.02.02. М., 2008. 23 с.

Баязитова Ф.С. Термины календарных обычаев и народных верований в говорах крещеных татар // Лексика и стилистика татарского языка. Казань, 1982. С. 59–68.

Баязитова Ф.С. Свадебный обряд и его терминология (бирнэ «приданое» и его значения) // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1990. С. 56–66.

Баязитова Ф.С. Говоры крещеных татар Елабужского района // История и культура Елабужского края (к 100-летию ЕГПИ). Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Елабуга, 1997. С. 52–54.

Баязитова Ф.С. Русские заимствования в обрядовой лексике татарского языка // Актуальные вопросы татарского языкознания. Вып. 5. Казань, 2007. С. 135–140.

Баязитова Ф.С., Хайбуллина Г.Х. Язык и культура: этнолингвистические и этноконфессиональные особенности татарских говоров Западного Закамья Татарстана. Казань, 2013. 400 б.

Богус З.А. Соматизмы в разнотематических языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. Майкоп, 2006. 32 с.

Богус З.А. Соматическая лексика и соматический язык // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 1. С. 59–60.

Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975. 258 с.

Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тefсира XII–XIII вв. М.: Изд-во вост.лит-ры, 1963. 367 с.

Булатова М.Р. Вариативность диалектной лексики татарских говоров в ареале юго-западного Башкортостана // Татарская лингвокультурология: поиски, решения: Материалы I республиканской заочной научно-практической конференции с участием регионов Российской Федерации (Казань, 27–28 октября 2011 г.). Казань: Отечество, 2011. С. 51–57.

Булатова М.Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана». Казань, 2013. 240 с.

Бурганова Н.Б. О татарских народных названиях растений // Вопросы лексикологии и лексикографии. Казань, 1976. С. 125–141.

Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов и говоров // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. Казань, 1962. С. 7–18.

Валеев Ф.Т. Башкирский компонент в языке западносибирских татар // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: труды междунар. конф.: в 3-х т. Казань: АН РТ, 1992. Т. 1. С. 171–173.

Виноградов В.В. Русский язык: (Граммат. учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Воробьев Н.И. Казанские татары: этнографическое исследование дооктябрьского периода. Казань: Татгосиздат, 1953. 120 с.

Галиуллина Г.Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. Казань, 2009. 403 с.

Галиуллина Г.Р., Юсупова А.Ш., Хадиева Г.К., Денмухаметова Э.Н. Тюрко-татарская лексика как проекция национального менталитета. Казань, 2011. 120 с.

Гаффарова Ф.Ф., Насипов И.С., Рамазанова Д.Б. Сравнительно-историческое исследование системы лексико-тематических групп татарского языка. Уфа: Гилем, 2007. 296 с.

Добродомов И.Г. Ландшафтная терминология в пратюркском // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М.: Вост. лит., 2008. С. 101–119.

Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). М.: Школа: «Языки русской культуры», 1996. 389 с.

Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Восточная литература, 2007. 223 с.

Зайнуллин М.В. О культурной коннотации лексической единицы // Современные проблемы башкирской и тюркской филологии и филологического образования: сборник материалов международной научно-практиче-

ской конференции, посвященной 75-летию д. ф. н. профессора К.Г. Ишбаева. Уфа: Гилем, 2012. С. 16–18.

Закиев М.З. Сравнительно-историческое изучение языков и диалектов и проблема взаимосвязи истории языка и истории этноса // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа: БашГУ, 1985. С. 20–26.

Закиев М.З. Татары: проблемы истории и языка. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1995. 464 с.

Закиев М.З. Татарский язык // Языки мира: Тюркские языки. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 357–372.

Закиев М.З. Образование языка татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. 207 с.

Закиев М.З. Этнические корни татар – носителей восточного диалекта // Сулеймановские чтения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. С. 134–138.

Замалетдинов Р.Р. Этнокультурная лексика татарского языка: словарь-справочник. Казань: Алма-Лит, 2003. 144 с.

Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф., Нурмухаметова Р.С. и др. Татарская лингвокультурология: концепты духовного мира человека / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова. Казань: Бриг, 2012. 300 с.

Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Университета, 1875. 279 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1964. 355 с.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков / под ред. Н.К. Дмитриева. М., 1955–1962. Т. 1–4.

Исхакова С.М., Валеев Ф.Т. Таджикиский компонент в народно-разговорном языке западносибирских татар // Влияние ислама на культуру народов Сибири: материалы конф. Тюмень, 1998. С. 64–75.

Ишбулатов Н.Х. Диалекты и говоры башкирского языка // Вопросы башкирского языкознания. Уфа: БГУ, 1972. С. 52–130.

Казиханова А.Г. Термины родства мензелинского говора среднего диалекта // Татар теле һәм әдәбиятының актуаль проблемалары. I кисәк. Стәрлетамак, 2004. Б. 158–162.

Казиханова А.Г. О некоторых названиях верхней одежды в говорах мишарского диалекта // Актуальные вопросы татарского языкознания. Вып. 4. Казань, 2005. С. 110–115.

Казиханова А.Г. К вопросу о заимствованиях в лексике, связанной с домашними постройками и хозяйственной деятельностью // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Казань, 2006. С. 148–149.

Казиханова А.Г. Особенности терминов родства западного диалекта татарского языка // Вестник чувашского университета. 2008. № 3. С. 154–158.

Казиханова А.Г. Лексико-семантическая система мишарского диалекта татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 28 с.

Кочеваткин А.М. Соматическая лексика эрзянского языка. Саранск: Красный октябрь, 2001. 200 с.

Латыпова И.А. Специфика структурно-семантической организации производных в словообразовательных гнездах русского и татарского языков (на материале сопоставительного анализа соматизмов) // Учитель Башкортостана. 2006. № 12. С. 35–37.

Махмутова Л.Т. Некоторые наблюдения над лексикой мишарских говоров (к мишарско-мордовским взаимосвязям) // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1976. С. 152–159.

Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка). М., 1978. 272 с.

Махмутова Л.Т. О характере и некоторых типах русских заимствований в мишарском диалекте татарского языка // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С. 95–107.

Махмутова Л.Т. Некоторые материалы по лексике мишарского диалекта татарского языка // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979. С. 139–168.

Махмутова Л.Т. Краткая схема описания тюркских диалектов // Советская тюркология. 1983. № 5. С. 106–109.

Махмутова Л.Т. Краткий обзор истории изучения среднего и мишарского диалектов татарского языка // Комментарии к «Атласу татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья». Казань, 1989. С. 5–25.

Махмутшина Д.З. Морфологическая система татарских говоров Уральского ареала: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2002. 19 с.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979. 272 с.

Мингулова Р.Р. Особенности чистопольского говора татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1963. 19 с.

Мугу Р.Ю. Полисемантизм соматической лексики: (на материале рус. и нем. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. / [Адыгейс. гос. ун-т]. Майкоп, 2003. 23 с.

Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западнокыпчакская группа). М.: Наука, 1975. 357 с.

Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. 228 с.

Мусаев К.М. Языки и письменность народов Евразии. Алматы, 1993. 242 с.

Мухаева З.А. Топонимия территории пермского говора татарского языка (юга Пермской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 21 с.

Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. М.: Наука, 1972. 248 с.

Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. Казань: Магариф, 2008. 295 с.

Мухаметова Г.Ф. Лексика юго-восточных говоров Татарстана, относящаяся к ткачеству и одежде // Тюркология: история и современность. Казань: ТГГПУ, 2006. С. 100–104.

Мухаметова Г.Ф. Урало-Поволжские параллели в татарских говорах Восточного Закамья // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы Международной научной конференции (22–24 сентября 2005 г.). Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005. С. 133–136.

Мухаметова Г.Ф. Свадебная лексика в татарских говорах юго-восточных районов Татарстана (сватовство) // Сулеймановские чтения – 2006: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (18–19 мая 2006 г.). Тюмень: Экспресс, 2006. С. 73–75.

Насибуллина А.Х. Семантические разряды лексики и ее вариативность в говорах тоболо-иртышского диалекта сибирских татар // Материалы IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 191–199.

Насибуллина, А.Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар (в семантическом и генетическом аспектах). Тюмень: ТОГИРРО, 2001. 147 с.

Насибуллина А.Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар, относящаяся к земледелию // Сулеймановские чтения: материалы науч.-практ. конф. Тюмень: ТОНБ им. Д.И. Менделеева, 2001. С. 41–43.

Насибуллина А.Х. Тоболо-иртышские (сибирско-татарские) и монгольские лексические параллели // Сулеймановские чтения: тезисы докладов и сообщений науч.-практ. конф. Тюмень: ТОНБ им. Д.И. Менделеева, 2002. С. 11–13.

Насипов И.С. Древнетюркский пласт лексики диалектов татарского языка // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. Казань, 1992. С. 85–90.

Насипов И.С. Древнетюркский пласт топонимов Башкортостана и их отношение к диалектной лексике // Востоковедение в Башкортостане: история, культура. Ч. IV. Уфа: БГУ, 1992. С. 80–82.

Насипов И.С. Некоторые проблемы современной татарской лексикологии // Тюркология: история и современность. Казань: ТГГПУ, 2006. С. 88–91.

Насипов И.С. К вопросу о финно-угорских заимствованиях в сибирско-татарских диалектах // Занкиевские чтения: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2007. С. 141–145.

Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке. Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2009. 228 с.

Ниязова Г.Н. Общетюркский пласт лексики в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Тюмень: ТюмГУ, 2007. С. 143–148.

Нурмагамбетов Э. Этимология диалектизмов в казахском языке. Алма-Ата: Мектеп, 1985. 160 с.

Орлов Л.М. Диалектизмы и литературный язык // Русская речь. 1972. № 2.

Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 11–82.

Попов С.А. Далекое прошлое // Орденоносное Оренбуржье. Челябинск, 1969. 76 с.

Попов С.А. Тайны пятимаров. Челябинск, 1971. 248 с.

Попова Е.В. Календарные обряды бесермян / науч. ред. Г.А. Никитина; Удмурт. институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2004. 253 с.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1988. С. 8–69.

Рамазанова Д.Б. Названия свадебных обрядов и литературный язык // Анализы текстов по истории татарского литературного языка. Казань, 1987. С. 129–139.

Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарском языке: в 2-х кн. Казань, 1991. Кн. I. 87 с; Кн. II. 88–192 с.

Рамазанова Д.Б. Ареальная терминология родства и некоторые вопросы этнического формирования татар Приуралья // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1990. С. 9–29.

Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань, 1996. 239 с.

Рамазанова Д.Б. Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования западноприуральского ареала татарского языка: дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. Казань, 1998. 100 с.

Рамазанова Д.Б. О некоторых аспектах изучения названий одежды и ее деталей // Языковая ситуация в Татарстане: состояние и перспективы. Казань, 1999. С. 176–178.

Рамазанова Д.Б. Понятие «одежда» в татарских говорах // Татар теле һәм этносы тарихы мәсьәләләре. Казан, 2000. Б. 43–53.

Рамазанова, Д.Б. Татары Восточного Закамья: их распространение, особенности говора: монография. Казань: Магариф, 2001. 208 с.

Рамазанова Д.Б. Татарские диалекты // Татары. М.: Наука, 2001. С. 26–34.

Рамазанова, Д.Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте. Казань: Мастер Лайн, 2002. 352 с.

Рамазанова Д.Б. Татарская диалектная лексикография и диалектная лексикология на рубеже III тысячелетия // Актуальные вопросы татарского языковедения. Казань: Фикер, 2002. С. 101–105.

Рамазанова Д.Б. Восточное Закамье: народные обряды в названиях // Менделеевский музейный вестник. 2004. № 3. С. 29–31.

Рамазанова Д.Б. Вопросы татарской диалектологии. Казань: Алма-Лит, 2008. 272 с.

Рамазанова Д.Б. К вопросу об общей лексике восточных диалектов // Сулеймановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. С. 170–171.

Рамазанова Д.Б. Терминология родства – как лексико-семантическая группа // Тенишевские чтения – 2009: Сб. науч. статей. Казань: ТГГПУ, 2009. С. 217–219.

Рамазанова Д.Б. Характерные черты системы названий частей тела человека как отдельной лексико-тематической группы // Творческие связи Казанской тюркской лингвистической школы: материалы международной научно-практ. конф., посв. 80-летию М. Закиева. Казань, 2010. С. 144–145.

Рамазанова Д. Б. К вопросу семантического развития соматизмов в татарском языке // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы X региональной конференции. Уфа, 2010. С. 170–174.

Рамазанова Д.Б. Термины родства в алтайских языках: экэ, ака // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х частях. Ч. II. С. 175–178.

Рассадин В.И. Лексика материальной культуры окинских сойотов // Проблемы бурятской диалектологии: сб. статей. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 58–99.

Рахимова А.Р. Лексические взаимосвязи башкирского языка и диалектов сибирских татар // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР: Тезисы докладов и выступлений. Уфа, 1991. С. 190–192.

Рахимова А.Р. Диалектальная лексика и словари татарского языка // Языковая ситуация в Республике Татарстан: состояние и перспективы. Ч. II. Казань, 1999. С. 185–187.

Рахимова А.Р. Лексика диалектов сибирских татар (сравнительно-исторический анализ промысловой и хозяйственной лексики). Казань: Мастер Лайн, 2001. 128 с.

Саберова Г.Г. Названия растений в татарском литературном языке. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1996. 130 с.

Сагындыкова Ф., Бисембаева Ж. Местные особенности в казахском языке. Алма-Ата, 1991.

Садькова З.Р. О некоторых лексических особенностях говора оренбургских татар // Тезисы докладов II научной конференции молодых ученых. Казань, 1971. С. 24–28.

Садькова З.Р. Группировка татарских говоров Оренбургской области по фонетическим особенностям // Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань, 1976. С. 133–135.

Садькова З.Р. Формирование говоров оренбургских татар (по данным фонетики) // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Казань, 1979. С. 73–104.

Садыкова З.Р. Некоторые лексические изоглоссы на территории распространения говоров оренбургских татар // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Вып. 2. Казань, 1982. С. 64–71.

Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 158 с.

Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1986. 25 с.

Садыкова З.Р. Обрядовая лексика в говорах оренбургских татар // Нормативность и вариативность в татарском языке. Казань, 1987. С. 52–60.

Садыкова З.Р. Некоторые названия домашних животных в диалектах татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 6. Казань, 1988. С. 97–107.

Садыкова З.Р. Нивелирование диалектных особенностей под влиянием литературного языка // Формирование татарского литературного языка. Казань, 1989. С. 110–114.

Садыкова З.Р. Некоторые названия птиц в диалектах татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1990. С. 47–57.

Садыкова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1994. 128 с.

Садыкова З.Р. Термины пчеловодства в татарских говорах // Проблемы функционирования, диалектологии и истории языка. Казань: Фикер, 1998. С. 72–81.

Садыкова З.Р. Понятия «улица» и «двор» в татарских говорах // Актуальные вопросы татарского языкознания. Казань: Фикер, 2002. С. 123–128.

Садыкова З.Р. Названия хозяйственных построек и инвентаря в татарском языке. Казань: Фикер, 2003. 211 с.

Саттаров Г.Ф. Сопоставительный анализ звукового состава татарского литературного языка и диалектов // Вопросы татарского языкознания. Кн. 2-я. Казань: КГУ, 1965. С. 120–146.

Сайфи Л.А. Соматическое пространство языка // Вестник Башкирского университета. 2008. № 1. С. 69–72.

Сельдюкова А.Т. Исследование марийского диалекта в иноязычном окружении (прибельский диалект). М.-Калуга: Эйдос, 2011. 276 с.

Сетаров Д.С. Тюркизмы в русских названиях лошадей // Советская тюркология. 1981. № 6. С. 16–29.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Наука, 1997. 800 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Наука, 2002. 768 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. Т. 6. 912 с.

Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2000. 312 с.

Татары в Оренбургском крае. Оренбург: Димур, 1997. 228 с.

Татары Среднего Поволжья и Пруралья. М.: Наука, 1967. 538 с.

Тенишев Э.Р. Тюркские языки в синхронии и диахронии // Вопросы филологии. М., 2004. № 3 (18). С. 34–43.

Тенишев Э.Р. Избранные труды: в 2-х кн. Уфа: Гилем, 2006. Кн. 1. 304 с.; Кн. 2. 380 с.

Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Кн. II. Казань: КГУ, 1968. 182 с.

Тумашева Д.Г. Языковые и этнические связи сибирских татар (по данным лексики и топонимики) // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: труды междунар. конф.: в 3-х т. Т. 1. Казань: АН РТ, 1992. С. 133–136.

Тумашева Д.Г., Насибуллина А.Х. Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области. Тюмень, 2000. 170 с.

Ураксин З.Г. Некоторые вопросы изучения диалектной лексики // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа: БФАН СССР, 1985. С. 85–91.

Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала. Годовой цикл. XIX – нач. XX в. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2001. 198 с.

Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 336 с.

Флягина М.В. Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов н/Д, 2004. 389 с.

Футорянский Л.И. История Оренбуржья. Оренбург, 1996. 350 с.

Хайрутдинова Т.Х. Обрядовая лексика златоустовских татар // Исследования по татарскому языкознанию. Казань, 1984. С. 120–129.

Хайрутдинова Т.Х. Говор златоустовских татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 157 с.

Хайрутдинова Т.Х. Златоустовский говор татарского языка. Казань, 1985. 158 с.

Хайрутдинова Т.Х. Названия мясных продуктов и блюд в говорах татарского языка // Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте. Казань, 1988. С. 85–90.

Хайрутдинова Т.Х. Некоторые названия мучных изделий в говорах татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 6. Казань, 1988. С. 83–97.

Хайрутдинова Т.Х. Генетические пласты в названиях пищи татарского языка // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: труды международной конференции, 9–13 июня 1992 г.: в 3-х томах. Т. 1. Казань, 1992. С. 91–93.

Хайрутдинова Т.Х. Названия пищи и утвари в говоре подберезинских крышен // Молькеевские крышены. Казань, 1994. С. 117–127.

Хайрутдинова Т.Х. Цветы и их названия // Ученые записки. Вып. 4. Казань: Изд-во Татар. гуманитар. ин-та, 1998. С. 21–32.

Хайрутдинова Т.Х. Названия ягод и ягодных растений в татарском языке // Проблемы функционирования, диалектологии и истории языка. Казань, 1998. С. 61–72.

Хайрутдинова Т.Х. Бытовая лексика татарского языка (посуда, утварь, предметы домашнего обихода). Казань: Фикер, 2000. 128 с.

Хайрутдинова Т.Х. Названия пищи татар Альметьевского региона // Проблемы изучения истории заселения и образования населенных пунктов Альметьевского региона. Казань, 2000. С. 101–108.

Хайрутдинова Т.Х. Названия огородных и садовых культур в татарском языке // Языковые уровни и их анализ. Казань: Изд-во Татар. гуманитар. ин-та, 2001. С. 87–94.

Хайрутдинова Т.Х. Народные названия растений в татарском языке. Казань: Фикер, 2004. 224 с.

Хайрутдинова Т.Х. Слова, обозначающие время, в диалектах сибирских татар // Сулеймановские чтения – 2006: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (г. Тюмень, 18–19 мая 2006 г.). Тюмень: Экспресс, 2006. С. 134–135.

Шайхулов А.Г. Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона (аспекты системной характеристики). Уфа: БашГУ, 1988. 88 с.

Шайхулов А.Г. Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идеографической характеристики на общетюркском фоне). Уфа: БашГУ, 1999. 228 с.

Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики: синопсис и таксономия когнитивной сферы «Природа (неживая и живая)». Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. 494 с.

Шайхулов А.Г., Бикмаева Л.У., Садыкова З.Р. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка: в 2-х частях. Уфа-Бирск-Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2006. Ч. 1. 259 с.; Ч. 2. 297 с.

Шайхулов А.Г. Аспекты этнолингвистического формирования и функционирования диалектов татарского языка в контексте языкового пространства Республики Башкортостан (краткий исторический обзор) // Современные проблемы башкирской и тюркской филологии и филологического образования: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию д. ф. н. профессора К.Г. Ишбаева. Уфа: Гилем. С. 49–55.

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 243 с.

Шулякина Ю.С. Диалектная лексика, характеризующая человека по особенностям характера и поведения, в говорах Ивановской области и сопредельных областей // Научный электронный архив, [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://econf.rae.ru/article/7462>

Шустрова И.Ю. Очерки по истории русской семьи Верхневолжского региона в XIX – начала XX века. Ярославль: ЯРГУ, 1998. 119 с.

Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–173.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Л., 1977–1987. Т. 1–3.

Щербак, А.М. Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб.: Наука, 2005. 195 с.

Этнография татарского народа / под ред. Д.М. Исакова. Казань: Магариф, 2004. 287 с.

Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка: (проблемы полиаспектного исследования). Казань: Таглимат, 2000. 172 с.

Юсупов Ф.Ю. Татарский диалектный язык в контексте национального языка // Проблемы развития татарской нации (языковой, литературно-фольклорный и искусствоведческий аспекты). Казань: АН РТ, 2004. С. 77–83.

Юсупова А.Ш. Названия одежды в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века // Интеграция и развитие науки. М., 2006. С. 185–192.

Юсупова А.Ш. Военная лексика в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. С. 274–277.

Юсупова А.Ш. Названия животных в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века // Ученые записки Казанской гос. академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. Казань: Изд-во КГАВМ, 2006. Т. 187. С. 570–578.

Юсупова А.Ш. Двужызычная лексикография татарского языка XIX века. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 410 с.

Язык-культура-этнос: сборник научных трудов, посвященный 10-летию со дня основания кафедры общей лингвистики и лингвокультурологии КФУ / под ред. Р.Р. Замалетдинова. Казань: Отечество, 2013. 312 с.

Языки Евразии: этнокультурологический контекст // Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. 19–20 ноября 2003. Уфа: Восточный университет, 2003. 168 с.

Ямалетдинова А.М. Особенности словообразовательных отношений в лексической микросистеме «Человек. Части человеческого тела (организма)» в русском и татарском языках // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): труды и материалы: в 2-х т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. С. 112–115.

Литература на татарском языке

Ахметьянов Р.Г. Турбаслы төбәге // Исследования по татарскому языкознанию. Казань, 1984. С. 138–146.

Баязитова Ф.С. Түбән Кама тирәсендәге керәшен татарлары сөйләшәндә диалекталь лексиканың кайбер тематик төркемнәре // Татар теле һәм әдәбияты. 6 кит. Казан, 1977. Б. 77–79.

Баязитова Ф.С. Гомернең өч туге: Татар халкының гаилә йолалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 298 б.

Баязитова Ф.С. Татар халкының бәйрәм һәм көнкүреш йолалары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 158 б.

Баязитова Ф.С. Себер татарлары (Рухи мирас: гаилә көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор). Казан: Фикер, 2001. 310 б.

Баязитова Ф.С. Әстерхан татарлары (Рухи мирас: гаилә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор). Казан: Фикер, 2002. 300 б.

Баязитова Ф.С. Мишәр диалекты. Рухи мирас: гаилә-көнкүреш һәм йола терминологиясе. Саранск, 2003. 280 б.

Баязитова Ф.С. Нократ сөйләше (Рухи мирас: гаилә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор). Казан: Дом печати, 2006. 240 б.

Баязитова Ф.С. Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы. Казан, 2007. 480 б.

Баязитова Ф.С. Керәшен сөйләшләре төркеме: казан арты керәшеннәре сөйләше // Татар халык сөйләшләре: Ике китапта. Беренче китап. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 87–108.

Баязитова Ф.С. Түбән Кама керәшеннәре сөйләше // Татар халык сөйләшләре: Ике китапта. Беренче китап. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 108–125.

Баязитова Ф.С. Халык традицияләре лексикасы: бирнә һәм киём-салымнар. Казан: Алма-Лит, 2009. 410 б.

Баязитова Ф.С. Себер ареалы татар диалектларында этнокультура лексикасы (йола һәм мифология текстлары ясылыгында). Казан: Алма-Лит, 2009. 736 б.

Баязитова Ф.С. Татар телендә сабан туге алды йолалары лексикасы (этнолингвистик күзәтүләр) // Творческие связи Казанской тюркской лингвистической школы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Мирфатыха Закиева (Казань, 9 октября 2008 г.). Казань, 2010. С. 144–146.

Баязитова Ф.С. Халык традицияләрендә һәм жирле сөйләшләрдә баш киёмнәре этикет лексикасы (лингво-фольклористик аспект) // Жизнь, посвященная тюркологии: к 90-летию со дня рождения известного тюрколога, академика, доктора филологических наук, профессора Э.Р. Тенишева. Казань: ТГГПУ, 2011. 334–227 б.

Баязитова Ф.С. Туй йолалары лексикасы (жирле сөйләш һәм фольклор текстлары ясылыгында). Казан: Паравитта, 2011. 976 б.

Баязитова Ф.С. Халык традицияләре лексикасы: бишек туге (йола һәм фольклор текстлары ясылыгында). Казан: Алма-Лит, 2012. 331 б.

Борханова Н.Б. Татар теленең Мордва АССР территориясендә таралган сөйләшләрә турында // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. Казань, 1962. С. 93–124.

Борханова Н.Б. Казан арты керәшен сөйләшләрән төп билгеләрә буенча төркемләү // Татар теле һәм әдәбияты. 6 нчы китап. Казан, 1977. Б. 80–89.

Борханова Н.Б. Татар телендә авыл төзелешенә караган лексик-семантик төркемнәр // Исследования по диалектологии и истории татарского языка.– Казань, 1982.– С. 50–63.

Габдрахманова Л.Т. Татар телендә тамыр соматизмнар // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка / отв. ред. Ф.А. Ганиев. Вып. 2. Казань, 1995. С. 68–73.

Габдрахманова Л. Т. Соматик терминнарны номинацияләү принциплары // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. Вып. 4. Казань: Фикер, 1999. С. 70–75.

Гафаров И.Ә. Туган як мирасы. Казан, 2004. 223 б.

Гафаров И.Ә. Мишәрләр: Тарих һәм тел. Казан: Идел-Пресс, 2011. 256 б.

Замалетдинов Р.Р. Тел һәм мәдәният: Татар лингвокультурологиясе нигезләре. Казан: Мәгариф, 2006. 351 б.

Насипов И.С. Башкортстан Республикасында таралган татар сөйләшләрә // Инновационные процессы в изучении и преподавании литературы: Материалы межвуз. науч. конф., 30–31 мая 1997 г., Бирск. Бирск: БирГПИ, 1997. С. 19–22.

Насипов И.С. Татарская диалектология: Биобиблиографический справочник. Стерлитамак: СГПИ, 2004. 156 с. (на татар. яз.).

Рамазанова Д.Б. Туйлар, туйлар... Казан, 1997. 104 б.

Рамазанова Д.Б. Себер татарларының мәдәнияте һәм теле буенча материаллар. Төмән: ТОГИРРО, 2000. 123 б.

Рамазанова Д.Б. Себер диалектларыннан материаллар. Казан: Фикер, 2001. 143 б.

Рамазанова Д.Б. Татар теленең көнчыгыш диалектлары. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 260 с.

Рамазанова Д.Б. Чәч сүзенә функциональ мәгънәләрә // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: преемственность поколений: сборник международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию М.З. Закиева и 10-летию кафедры татарской и чувашской филологии. Стерлитамак, 2008. С. 206–207.

Рамазанова Д.Б. Татар диалектларын өйрәнү тарихыннан // Татар халык сөйләшләрә: Ике китапта. Беренче китап. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 11–18.

Рамазанова Д.Б. Карсун сөйләше // Татар халык сөйләшләрә: Ике китапта. Икенче китап. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 62–74.

Рамазанова Д.Б. Татар сөйләшләрәндәгә диалектизмнарның төрек телендәгә янәшәлекләрә // Фән һәм тел. 2009. № 2. Б. 25–27.

Рамазанова Д.Б. Семантические особенности коренного слова күз (глаз) в татарском языке (Татар телендә күз тамыр сүзенен мәгънә үзенчәлекләре) // Ономастика Поволжья: сборник материалов XII Международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2010 г.) / под ред. И.А. Гилязова. Казань: Отечество, 2010. С. 141–145.

Рамазанова Д.Б. Татар диалектологиясе: үсеше, казанышлары һәм бүгенге торышы // Фәнни Татарстан. Казан, 2011. Б. 27–38.

Рамазанова Д.Б. Соңгы 20 елда татар диалектологиясе // Фән һәм тел. 2011. № 2. Б. 26–28.

Рамазанова Д.Б. Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика. Казан, 2013. 364 б.

Рамазанова Д.Б. Атамаларда туганлык һәм гаилә мөнәсәбәтләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. 287 б.

Садыйкова З.Р. Татар сөйләшләрәндә ашлык уру һәм печән хәзерләү эшендә кулланылган эш кораллары атамалары // Актуальные вопросы татарского языкознания. Вып. 2. Казань, 2003. С. 182–187.

Садыйкова З.Р. Татар сөйләшләрәндә кайбер озынлык үлчәме үзенчәлекләре // Инсани фәннәр: эзләнү һәм табышлар. Казан, 2004. Б. 375–388.

Садыйкова З.Р. Татар телендә «капка» төшенчәсе һәм аны белдерә торган сүзләр // Актуальные вопросы татарского языкознания. Вып. 3. Казань, 2004. С. 100–105.

Садыйкова З.Р. Татар сөйләшләрәндә кайбер борынгы озынлык үлчәү берәмлекләре // Фән һәм тел. 2007. № 4. Б. 35–37.

Садыйкова З.Р. Оренбург өлкәсендәге сөйләшләр // Татар халык сөйләшләре: Ике китапта. Беренче китап. Казан: Мәгариф, 2008. Б. 254–255.

Садыйкова З.Р. Татар сөйләшләрәндә авырлык үлчәү берәмлекләре // Актуальные вопросы татарского языкознания. Вып. 7. Казань, 2011. Б. 156–162.

Сафиулина Ф.С. Тел дигән дәрья бар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 222 б.

Хәйретдинова Т.Х. Әлмәт төбәге татарларында аш-су атамалары // Мирас. № 11. 2001. Б. 50–52.

Хисамова Ф.М. Хәзинәдә ниләр бар?: татар халык сөйләшләрәнен өйрәнүнең кайбер йомгаклары // Казан утлары. 1987. № 6. Б. 145–150.

Шәмсетдинова Р.Р. Медицина терминнары тарихыннан. Из истории медицинских терминов // Мәгариф. 2006. № 1. Б. 13–14.

Юсупов Ф.Ю. Сафакул татарлары: тарих, тел, халык ижаты. Казан, 2006. 607 б.

Юсупова Г.Ф., Юсупов Ф.Ю. Красноуфим татарлары: тарих, тел, фольклор. Казан: Школа, 2004. 376 б.

Юсупов Ф.Ю. Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 184 б.

Юсупов Ф.Ю. Татар теленең диалектлары: Урал сөйләшләре. Казан: Мәгариф, 2003. 351 б.

Список информантов

- 1) Абдюкова Виля Калимуловна (1939 г.р., д. Новомусино Шарлыкского р-на Оренбургской области, в 2012 г.)
- 2) Ахметова Наиля Хамзиевна (1938 г.р., д. Новомусино Шарлыкского р-на Оренбургской области, в 2012 г.)
- 3) Байбакова Таскира Латыповна (1944 г.р., с. Веселый Акбулакского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 4) Байбакова Шарафат Халиковна (1935 г.р., с. Григорьевка Соль-Илецкого р-на Оренбургской области, в 2012 г.)
- 5) Байбаков Багир Шакурович (1930 г.р., с. Григорьевка Соль-Илецкого р-на Оренбургской области, в 2012 г.)
- 6) Валитова Дания Закировна (1947 г.р., с. Татарская Каргала Сакмарского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 7) Валиева Наджия Фазуловна (1929 г.р., д. Усали Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 8) Габдрахманов Ильяс Габдрахманович (1932 г.р., д. Усали Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 9) Габдрахманова Магзуда Зиятдиновна (1930 г.р., д. Усали Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 10) Габитова Нафиса Бариевна (1934 г.р., д. Новомусино Шарлыкского р-на, в 2012 г.)
- 11) Газизова Экиябану Наджиповна (1925 г.р., д. Шемяк Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 12) Губаева Нурия Гильмутдиновна (1926 г.р., д. Тукаево Александровского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 13) Гумарова Закира Галимулловна (1935 г.р., д. Уразбахтино Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 14) Гумерова Фатима Минигалеевна (1928 г.р., д. Дусметьево Пономаревского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 15) Даутов Артур Бариевна (1961 г.р., д. Тукаево Александровского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 16) Давыдова Гуляндям Гарафетдиновна (1965 г.р., д. Нижняя Ошма Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 17) Джамилова Мостакыйма Гатаевна (1932 г.р., д. Нижний Шандер Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 18) Зафарова Закия Абдуловна (1939 г.р., д. Сарманаево Шарлыкского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 19) Зафаров Раис Гилязетдинович (1939 г.р., д. Сарманаево Шарлыкского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)

- 20) Иванова Татьяна Яфимовна (1931 г.р., д. Нижний Таканыш Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 21) Каюпова Маскура Мазитовна (1933 г.р., д. Нижняя Ошма Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 22) Каримова Камила Хасановна (1940 г.р., д. Нижняя Ошма Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 23) Кутлузаманова Магсума Саматовна (1931 г.р., д. Дусметьево Пономаревского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 24) Мавлютова Асма Муллахметовна (1930 г.р., д. Сарманаево Шарлыкского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 25) Муллахметова Факия Мубаракшовна (1931 г.р., д. Нижние Яки Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 26) Мурзаева Наиля Гилязовна (1929 г.р., д. Тукаево Александровского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 27) Мустафина Марьямбика Минихановна (1929 г.р., д. Нижний Шандер Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 28) Рафиков Ахат Халикович (1941 г.р., с. Казанка Соль-Илецкого р-на Оренбургской области, в 2012 г.)
- 29) Рашитова Махинур Габдрахмановна (1937 г.р., д. Сарманаево Шарлыкского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 30) Рашитова Миникамал Гареевна (1930 г.р., д. Сарманаево Шарлыкского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 31) Садриева Фахрибанат Захетдиновна (1931 г.р., д. Шемяк Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 32) Сафарова Рушан Губайдуловна (1929 г.р., д. Новомусино Шарлыкского р-на Оренбургской области, в 2012 г.)
- 33) Усманова Фанура Бариевна (1932 г.р., д. Сарманаево Шарлыкского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 34) Хабибуллин Хоснулла Каримуллович (1934 г.р., д. Усали Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 35) Хабибуллина Альфия Хайретдиновна (1934 г.р., д. Олуяз Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 36) Хайбуллина Закия Файзуловна (1939 г.р., д. Дусметьево Пономаревского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)
- 37) Хайруллина Махинур Ахматшаевна (1952 г.р., д. Нижняя Ошма Мамадышского р-на Республики Татарстан, в 2013 г.)
- 38) Хасанова Закия Хаджиевна (193 г.р.1, д. Сарманаево Шарлыкского р-на Оренбургской области, в 2014 г.)

Таблица этапов свадебного обряда

Сарманаево	Дусметьево	Ново Мусино
<p>Йаучы йебәрү «послание сватов, где родители договариваются о предстоящей свадьбе, и даются обязательства» (<i>Сөйләшәләр эти әниләр белән, вәгдә бирәләр</i>)</p>	<p>Башкода килү «приход главного свата», где в отличии от сарманаевских традиций, в качестве свата обязательно приходит отец жениха» (<i>Башқода – йаучы булып килә</i>)</p>	<p>Башкодалай килү «приход в качестве главного свата», где так же просят родителей отдать их дочь в жены своему сыну, происходит договор о предстоящей свадьбе» (<i>Башкодалай килү була инде элжук</i>)</p>
<p>Мәһәр китерү «подарки со стороны жениха: 2 подушки, одеяло, платье для невесты, платок, сапоги» (<i>Йегет йагы мәһәр китерәләр, 2 мөндәр, йурган, киленгә күлмәк, йаулык, резинкә (итек)</i>).</p>	<p>Ҙапма-Ҙаршы җибәрү «обряд передачи подарков, посылаемых друг-другу: платье, 2 пары перчаток, шарф, 2 пары носков. Невеста в ответ посылает узелок с баурсаком (национальное блюдо) и вышитый мешочек. Жених по-обычаю ложил в этот мешочек баурсак и раздавал каждому встречному, разделяя свою радость» (<i>Кийәү бүләген җибәрәләр: күлмәк, 2 пар пирчәтке, шарф, 2 пар нәскийе. Бер төйенчек кийәү бауырсагы биреп җибәрәләр. Чикән йанчық была торган. Кийәү кеше шул йанчыққа бауырсақны сала да, урамга чыгып, кемне очрата, шуңа бирә торган</i>)</p>	<p>Бирнә бирү «обряд передачи подарков стороне невесты стороной жениха и наоборот» (<i>Бирнә бирү была торган ийы, кем нәмәгә бай, шыны бирә</i>)</p>

<p>Билге биру «обряд, в котором приглашаются несколько родственников, которые вручают сватам полотенце – знак согласия. Сват вешает его на шею, и со словами «Получили девушку!» уходит. После чего, в дом невесты приходят родственники и, поздравляя со свадьбой, одаривают деньгами <i>мәһәр</i>» (<i>Йаучы қырына бер ике туған чақырып, битйаулық бирәләр йаучыға, йаучы аны муенына элп, «қызны алдық» дип кайтып китә. Мәһәрне котлап акча салалар</i>)</p>	<p>Билге «обряд, согласно которому после взаимных договоренностей, в качестве знака согласия дается полотенце (<i>Ике йақтан йақ-йақ сөйләшкәч, йаулық бирәләр риза булып</i>)</p>	<p>Билге по традиции «в качестве знака согласия дарят полотенце, перчатки и др. (<i>Ырызалык билгесе – битйаулық, пирчатка бирәләр</i>)</p>
<p>Қодалашып йөрү «родственники со стороны жениха и невесты приглашают друг друга в гости» (<i>Ике йақтан бер-берсен қунакка чакырып йөриләр</i>)</p>	<p>Кунак булу «обряд, при котором стороны жениха и невесты поочередно приглашаются по 6 пар, и только в субботу» (<i>Килен йагыннан, кийәу йагыннан алтышар пар шимбә көнне қунакка йөриләр</i>)</p>	<p>Билге күрсәтү «обычай, где родители жениха собирают всех родственников, чтобы показать им билге – знак согласия невесты» (<i>Билгене йегет йагына күрсәтәләр</i>)</p>
<p>Аш китерү «родственники той стороны, где будет проходить свадьба, приходят в дом жениха или невесты продукты: утку или гуся, два каравая, 20 лепешек, сверху покрывая какой-либо материей» (<i>Ике йақ та, қайсы йақта түй, шул үзенең йагына аш китерәләр: каз йәки үрдәк, сарық билдәмәсе, ике күмәч, 20 шәр жәймә., шуның өстенә күлмәклекме, ситцымы йабалар</i>).</p>		<p>Киңәш «в доме, где намечается свадьба, собираются родственники и обсуждают, как будут проводить свадебную церемонию, советуются друг с другом» (<i>Туй буласы йақта, туғаннары жылышып туйның ничек узасын сөйләшәләр, киңәшләшәләр</i>).</p>

<p>Никах «обряд бракосочетания по мусульманским обычаям – никах, утром собирают пожилых и читают молитвы никаха, спрашивая согласия молодых» (<i>Иртэн қартларны жыеп уқыталар. Никах вақытында читтә, икенче жырда кийәу белән кыз тора, берәр туған килеп аларның ризалықларын сорап, муллаға әйтәләр</i>)</p>	<p>Никах «обряд бракосочетания по мусульманским обычаям – никах, жених должен принести в подарок родственникам невесты маленькие ножички» (<i>Шул көнне, йегет йақлары килә. Қыз йанына кийәүне алып киләләр тәңгелеккә, шунда кийәүнең, киленнең иптәшләрен жыйалар да, кийәу белән килгән йегетләр тегендә жыйылған балаларға һәрқайсына ақча тараталар. Кийәу булған кеше қызның йақыннарына пәке тарата</i>)</p>	<p>Никах туйы «застолье, когда читается никах, сначала проходит на стороне жениха» (<i>Туй башта йегет йвгында була, кун'га керсә қыз йагында</i>).</p>
<p>Бирнә бирү «обряд, согласно которому дарят подарки сватам, и самым близким родственникам» (<i>Кыз туйында йегет йагына бирәләр: иң йақыннарына</i>)</p>	<p>Бирнә «обряд, при котором четырем парам родственников, участвующим на свадьбе, главные сваты дарят подарки» (<i>Дурт пар туйға катнашкан қодаларға төп қодалар йақ-йақтан һәрқайсына бүләк тарата. Һәр йақта була бирнә бирү</i>)</p>	<p>Бирнә бирү «обряд передачи подарков стороне невесты стороной жениха и наоборот» (<i>Бирнә бирү была торған ийы, кем нәмәгә бай, шыны бирә</i>)</p>
<p>Кийәу коймагы «обряд, согласно которому после первой ночи, наутро друзья невесты приносят угощения, а жених должен отблагодарить их подарками» (<i>Кийәу кунгач, икенче көнне киленнең иптәшләре кийәу қоймагы китерәләр: коймақмы, вақбәлешме, нәрсә бар. Кийәу инде аларның табаларына сабынмы, одеколонмы, чәч тарагымы салырга тиеш</i>).</p>	<p>Аш китерү «обычай где после первой ночи, наутро друзья невесты приносят угощения» (<i>Шунда жыйылған йәшләр икенче көнне килен белән кийәүгә аш китерәләр.</i>)</p>	

<p>Кийәү тәрбийәләү «обычай, согласно которому жених в течение некоторого времени посещает невесту на правах мужа, утром его угощают, и провожают домой» (<i>Кийәү кичтән килә дә, иртән мунча кереп, чәй эчеп қайтып китә</i>)</p>	<p>Кийәүләү «обычай при котором жених в течение четырех дней живет в доме невесты, где за ним ухаживают родители невесты» (<i>Дүрт көн буйы кийәү әби-бабай қулында тәрбийәләнә</i>)</p>	<p>Кияүләп йөрү «обычай, при котором жених в течение месяца живет в доме невесты.» (<i>Кийәүне ай буйы сыйлылар</i>).</p>
<p>Йорт күрү «обычай приглашать через неделю после никаха, невесту с родственниками в дом жениха, где также дарят друг другу подарки. Невеста вешает вышитое полотенце и сама готовит суп с лапшой» (<i>Бер атнадан киленне, туганнары белән йорт күрергә алып киләләр, күрешкәч бермә-бермә әйберләр бирәләр Өй түренә чиккән битйәулық элп қуйа килен кеше, килен кеше тукмач кисеп аш пешерә</i>)</p>	<p>Йөреш туйы «обряд взаимно приглашать в гости родственников жениха и невесты соответственно» (<i>Туйга қатышқан кешеләр һәрқайсысы туйга қатышқан қодаларны қунақ итә.</i>)</p>	
<p>Килен төшерү «праздник прихода невесты в дом жениха, проходит в три этапа: утром – застолье мужчин, днем – женщин, вечером – молодежи» (<i>Башта жәйыйалар ирләр, иләгә қадәр, шунан соң хатыннары, әбиләрне жәйыйалар, шуннан соң, өченчегә, аяқчыларны жәйыйалар йәшрәк туганнар, кич белән мәҗселес була</i>)</p>	<p>Төшү туйы «обычай переезда невесты в дом жениха, через четыре дня, проходит в два этапа: утром – застолье без спиртного, вечером – со спиртным» (<i>Дүрт көннән соң йегет йағына төшә килен. Көндөз төчә аш, кичен әчә аш</i>).</p>	<p>Килен төшү туйы «праздник прихода невесты в дом жениха, застолье» (<i>Шыл ай уткәч кенә, килен төшү туйы үтәчәк, мәҗселес була</i>).</p>

<p>Бүлөк ыргыту «обряд, когда невеста, подъезжая к дому жениха, возле ворот бросает пары перчаток, рукавичек, платочки» (<i>Килен булып төшкэндә қапқа төбөндә икешәр пар бийләй, бит-йәулықлар, перчаткалар ыргытырга тийеш</i>)</p>	<p>Киленнең бүлөк ыргытуы «обряд, согласно которому невеста, подъезжая к дому жениха, возле ворот бросает пары шерстяных рукавичек, баурсак, завернутый в платочки» (<i>Төшкән чақта қапқа төбөнә мамық биялиләр, құлйәулықка төрөп бауырсақлар ыргыталар</i>)</p>	<p>Акча сибү «обряд, согласно которому когда невеста, приезжает в дом жениха, направо и налево бросают деньги» (<i>Килен төшкәч, акча сибәләр уң йакка да, сул йакка да</i>)</p>
<p>Киленне мөндәргә бастыру «обряд, согласно которому невеста, когда ее встречают, должна встать на подушку» (<i>Килен кешене йыртта мөндәргә бастыру гәдәте бар</i>)</p>	<p>Киленне мөндәргә бастыру «обряд, когда невеста должна встать на подушку и осыпают ее зерном» (<i>Киленне мөндәргә бастырып, башына бодай қойа торғаннар ыйы.</i>)</p>	<p>Киленне ястыкка бастыру «обряд, согласно которому невеста при переезде в дом жениха должна встать на подушку» (<i>Йастық әзерләнгән була инде, әби кеше киленне йастыкка бастыра</i>).</p>
<p>Бал һәм май каптыру «обычай, согласно которому перед тем как впустить невестку в дом свекровь угощает ее ложкой меда с маслом» (<i>Йегетнең әнисе киленгә керер алдыннан бер калак май катыш бал каптыра</i>)</p>	<p>Бал қаптыру «обычай, согласно которому невесту угощают ложкой меда» (<i>Киленгә бал қаптыралар, тәмле телле булсын дин</i>)</p>	<p>Баллы күмәч каптыру «обычай, согласно которому перед тем как впустить невестку в дом, ее угощают хлебом с медом» (<i>Қодалар кызга бал буйалған ипи қаптыралар</i>)</p>
		<p>Килен бүләге «обычай, согласно которому невеста перешагивает порог дома, дарит свекрови полотенце» (<i>Бусагадан кергәч, килен атап кайнанага битсебергеч бирә</i>).</p>

		<p><i>Су юлы күрсәтү</i> «обряд, где младшая родственница жениха показывает невесте путь к колодцу, роднику. После чего невеста должна принести два ведра воды в дом жениха» (<i>Йегетнең сеңеле киленгә су йулы күрсәтә, килен йулы күргәч көйәнтә белән ике чиләк су алып ҡайта</i>).</p>
Данный обряд проводится во время никаха.		<p><i>Киленнән коймак пешертү</i> «обычай, согласно которому невесте предстоит испечь блины в доме жениха, показав тем самым свои способности в кулинарии» (<i>Киленне сынап коймак пешертәләр</i>).</p>

Образцы текстов

Кардешкенәйем! Гаеб итмәсез инде. Безгә бит калган ашлар йарамый, майлы да йарамый, сыйыр майы йарамый сахарга. Өз генә пешерәм дә, илгә генә. Кара күмәч. Нинди йәмсез стулга утырдың?

Бала хәсрәте. Умарта чагып кына үтерде. Урманда чаккан да, кырында помощ булмаган. Таза иде, карсак кына иде.

*Записано в 2012 г. от Габитовой Нафисы Бариевны,
1934 года рождения, д. Новомусино
Шарлыкского района Оренбургской области*

Бу асыл, урман аша Қомазан (авыл исеме) асылдан чыққан. Иван Грозный вақтында, чуқындырғанда, унжиде семья, чуқындырудан качып, шушы урманға качқан. Аларны тапмағаннар. Шушы урманда, Шийа елғасы буенда, өйләр салып утырғаннар. Алар анда үз эчләрендә генә қайнағаннар, бер қызны читкә бирмәгәннәр, бер жегетне читтән алмағаннар, тоқымнары да бәләкәйләнгән. Соңыннан читкә бирә башлағаннар. Тора торғач зур асыл барлықка килгән. Бер заман бик зур ташу булған йаз көнне, су басқан. Олы йаз исеме шуннан қалған. Шуннан әкрен-әкрен монда күчкәннәр.

*Записано в 2013 г. От Хабибуллиной Алфии Хайретдиновны,
1934 года рождения. Деревня Ольйаз
Мамадышского района Республики Татарстан*

Йарты йырлы уйын – парлап бер йегет бер қыз утыра иде дә дағын, торып баса дағын икенче пар қырына барып йырның йартысын әйтә, белмәсәләр урын бирәләр, белсәләр икенче кешегә китәсең инде. Көлдәргеч – кем оста, шул көлдәреп әйләнеп чыға, кем қөлми – шул утрып қала, кем қөлә – шуңа жаза бирәләр иде.

*Записано в 2013 г. от Гумаровой Закиры Галимуловны,
1935 года рождения, д. Уразбахты
Мамадышского района Республики Татарстан*

Агайдан қалдық алты йан. Иң кече сеңлем 40 чы елғы, энем 35 че елғы, өченчесе 30чы елғы, әнием, картинәйем. Үгез белән тырма тырмалап, ат белән сабан сөрөп йәшәдек. Үзем көчле генә идем. Әнийем бичырға да чығармады, киноға да чығармады, қырыс иде. Бишь балам булса да калхузда сарық жоны алдым, бәрән қарадым.

Ач йыллар булганда чөгендер йафрагы ашадык, әнинен абыйсы йардәм итте, безнен бәрәңге күп үсә торған иде, бик ач тормадык күп итеп. Қышкылыққа печәнне эскердкә куйа торған идек, бәләкәйрәген күбәләргә өйә идек. Көз чәчелгән арыш – курпы була. Шәфи (шалфей) жыйа идек, мәтрүшкә. Балан жыйып ләвәш сала идек.

Сыйыр сөтен ағыза идек, сыеғын бозауға, қаймағын өйгә. Май йа-залар гөбә белән, қатықны оетып, майын алалар, әйрәнән эчәләр.

Тегесе өйалды, клидор. Оннарны келәткә куйа идек. Кемәчне кух-нада баса идем, қыстыбый да пешерә идем. Суданка – ул чәчкән печән.

Әлек тәймә тағалар иде, бармаққа йасалған йөзекләр кийәләр иде, әнинең чәч үрергә дигән тәңкәләреннән беләзек йасатқан иде, әле қызым да. Лепчек (лиф) кийә идек күкрәкче итеп.

Кич утыра идек, зилем уйный идек. Зилем сугалар – йегет белә кыз тотынышып тақмақлап әйләнәләр иде.

Сарманайны иске йорт дигәннәр. Без утырған урын сазлық булган, кара урман булған ди әби-бабайлар, аларның атлары шушы йаққа килгәннәр, су эчәргә, ашарға. Алар артыннан бабайлар да килгән. Буқларын берқачан да түкмәгән булғаннар, салам сала барғаннар, кәртә сала торған, өйләр сала торған, ә буқ өскә таба қала кергән, қала кергән. Сугыш вақытында халық шуны сукты, иске буқ дигән булғаннар.

Әби-сәби өшкергән. Бүсер булса үлгән инде, врачлар булмаған. Менә минем дә бүсер бар, ачықсам ул да ашарға сорый, өшесәм өскә менә, эзрәк бәйләп йылытсам кире төшә касыққа. Очық та бар минем.

Чәм-чәм иттерә

Чәм уйнаш иттерә.

Йорт ийәсе бар ул. Олы қызым белән өйдә идек. Чәй куйдым да йатып тордым, қыз ике рәт «Әни, әни тор» – дип дәште. Торсам қызым йоклап йата, чәй қайнап утыра. Йорт ийәсенә күренсә «мин тоз үлчим» – дип әйтергә кирәк диләр.

*Записано в 2014 от Хасановой Закии Хаджиевны,
1931 года рождения, д. Сарманаево
Шарлыкского района Оренбургской области*

Тугызга кердем инде, баш әле генә болай, әле генә тегеләй инде. Алама вақытлар булды. Этәй, инәй булды, конешны, 8 бала үстек. Шуннан соң сугыштан соң, кечеткән апқайта этәй, инәй зур табаққа бер стакан он сибеп ашый идек, бер табақтан. Шунанар соң кул белән жир қазыйбыз, күршеләр белән алмашлап. Қалхузға эшкә йөрибез, сабан сөрөп. Жиләккә барабыз, инәй жиләк боламығы йасап ашата.

Балтырған жыйырга ике километр ерақлыққа барабыз. Лузгадан (тартылған тары отходы) аш пешерәләр илгә безгә. Йаланға барғач, жир бәрәнгәсе, йуа алып қайта идек, қатык белән, йуалы катык ашый идек. Киндер суға торған идек.

Сабантуйлар була иде. Колғаға йаулық бәйләп кемдә нәрсә бар шуны жыйып йөри торғаннар иде.

Йаңғыр теләү. Йаңғыр йаумый торса, жыйылышып, чишмә қырына барып, чәй эчеп, әппәр уқып (доға кылып), йаңғыр теләп қайта идек. Элек электән килгән ул. Аш була торған иде, абылдан самашырлар алып барып, шақмаққа самашар куйып чәй эчә идек.

Йаңғыр йау, йау, йау,
Ашлық үс, үс, үс
Илгә бир, илгә бир,
Илдән күбрәк безгә бир.
Симез сарық суйармын,
Майын сиңа куйармын,
Итен үзем ашармын. –

дип қычқырып йөри идек.

Ташу вақытында кичке уйын була торған иде. Фармуннар уйнатып, жир ачылса, су қырына барып жыйылыша идек, әйлән бәйлән уйный идек.

Әйләнегез, китегез,
Уртаға чыққан баланы,
Әйдә рәхим итегез!

Өй салганда, кеше йалладық, өч атнада эшләп бирделәр. Идән-түбәсенә дә Ырымбурдан қарендәшебез кирәкле тақталар алып килде.

Балалар Аллаға шөкер йахшы булды. Қызым сөйләшми торған булды, уқыттық инде.

Элек чәчүргеч итеп тәнкә таққан булғаннар инде, үзләре ишеп күрәсең, бауға тәнкә тағып, чылтыр-чылтыр итеп йөрегән.

Күкрәккә, дүрт қырлы, төрле чүпрәктән, буйлы-буйлы итеп күкрәккә имезгәндәме қапларға теккәнәр. Алқалар, тәймәләр тақмадық инде. Қыш көнне чабата кийә идек. Әтий курыст апқайта желкәсенә салып, печ башында куйып жылыта да, кайызлап пешерә дә, пычак белән йуынып, ағын ғына айырып ала да, чабата үрә. Шул эштә чабатада йөрөдем, ике қат наски кийеп. Ир балаға күтәртмә дигән нәрсә була иде ағачтан йасалған. Хатын кызға чабата ғына. Чабатаға ике йақтан қолақса тағып, алға хәтле киндерәсен бәйләп кийә идек. Киндерәсезе башмақ чабатасы дип атала.

Тула баса торғаннар иде, тула ойык йасылар иде, өстеннән чабата кийеп пима урынына кийеп йөри идек.

Күлмәкләр четрехкленка, шестикленка тегә идек. Мәскәүле (балаитәкле) күлмәк тә кигән булғаннары бар иде. Мәскәүле ул берничә кат мәскәүләр тегеп кигәннәр хәлләрәк халык.

Қөр'ән ашына 6–7 кеше чақыра идек, ит белән күкәй қуурып пешерәләр иде. Хәйер биш тин ийе.

Туйға аш илтү булды инде: бер үрдәкме, тавыкмы, 25 жәймә, 4 күмәч қуйа торған ийек. Ғайеп-қыйығы булмаған инде, кемнәрдә нәрсә бар.

Су қатқач, мәке ачалар иде, лум белән, көйәнтә белән бәреп ачалар иде. Димнән суну ташыған идек, кадушқаға сала торған идек.

Ақ мунча, қара мунча, сары айғыр, қара айғыр дип әйтә торғаннар иде, Қазан йақларыннан өй буйларынча йөрөп, хәйер сорап йөрүчеләргә.

Керәсинне жир майы дип әйтә идек. Жир майын алғач, жир алама, әрлән балчыкка(ашсыз, таралып торған балчык) әйләнөп бетә инде.

Безнең әтинең башы амырта торған иде, күлйәулық белән қысып бәйләп қуйа иде. Бирән зәхмәте (диабет) булған инде, бала-чаға әйтәләр иде, тырнақларны, чәчләрне кисеп, ташлағыз дип.

Қот қойуы булған, элек алүминне сыйықлатып башыннан қойалар, нәрсәдән қурқа, шуның рәсеме булып төшкән. Мәтрүшкә, шафый файдалы була инде.

Дүртйәккә чәй була торған иде – такта чәй бирәләр иде, дүрт кешегә берне бирәләр иде. Күзгә арпа чықса, йақаның ин очын қуйып төкереп 3 тапқыр давалағаннар. Тимрәүне әче балан белән давалағаннар:

Әм-әм әмерәуен
Тим-тим тимерәуен,
Фәймә мөбәрәмин –

дип сызсаң бетә .

*Записано в 2014 г. от Рашитовой Миникамал Гареевны,
1930 года рождения, д. Сарманаево
Шарлыкского района Оренбургской области*

Йебезнең дә иребез юк, иебезнеке дә күл салдылар. Шундый йазмышта без. Минем атам 30 нчы йылны үлгән, инәм шундый суык вақытта, атамны алырға барған. Бишь бала калған инәмнең. 30 йылларда ачлықта әни артыннан ийәреп йөредем. Йантық дигән йердә

йөри идек, бүредән качып йөри идек. 19 йәшемә житкәнмен, менә моның инәләре димләүе буенча алдырдылар, монда жиңгәй булып төштем. 8 йылға йақын тордым боларда. Менә бу бәләкәй сыланмаған өйгә чықтык, йәши башладык. Қызым бар иде, 53 че елда, йәшь йарым вақытында, кунаққа бийемнәрне чақырдык, мин әзерләнеп йөрим, бәләкәй қазанда аш қайнатып торам, үзем ақбур белән өй ағартам, монда мөржә, монда сәке ийе, монда қазан, теге бала үрмәкләп менгән дә теге қазанға басқан, хәзер бийем инәм килделәр. Қатык бар иде, шуны сыладым балама, имде. Брач килде, маргонцовка йарты чокыр суга салып тидереп тор диде. Брач әйткәч тидереп тордым инде, Үз баламны үзем үтердем... Билем авыртты, 23 йәшемдә йанбашыма төште.

Моның атасы минем биатай булды, безне житәкләүче иде ул. Берберсең тату йәшәу иң мөһим. Өч бала үстердем. Малайым кулын-да торам.

Мин малайым, киленнәр белән торам. 36 йыл бийемем белән йәшәдем. Туйда башқода – йаучы булып килә. Ике йақтан йақ-йақ сөйләшкәч, йаулық бирәләр риза булып. Кийәү бүләген жибәрәсен: күлмәк, 2 пар пирчәтке, шарф, 2 пар нәскийе. Бер төйенчек кийәү бағырсағы биреп жибәрәләр. Чиккән йанчык была торған ийе. Кийәү кеше шул йанчыкқа бағырсақны сала да, урамға чығып, кемне очрата, шуна бирә торған иде. Шуннан кийәү жибәрә қызға бүләк: күлмәклек, йаулық, сабын, пудра. Қапма қаршы жибәрү шул булыр иде. Дүрт пар туйға катнаш қодаларға төп қода йақ-йақтан һәрқайсына бүләк тарата. Һәр йақта була бирнә бирү.

Никәх көне, йегет йақлары килә. Қыз йанына кийәүне алып киләләр төңгелеккә, шунда кийәүнең, киленнең иптәшләрен жыйалар да, кийәү белән килгән йегетләр тегендә жыйылған балаларға һәрқайсына ақча тараталар иптәшләре. Кийәү булған кеше қызның йақыннарына пәке тарата. Балалар ишек төбен сақлап торалар, әйтәләр:

Ишек бауы бер сум,
 Минем түтәй мең сум,
 Пәкең булса кисеп кер,
 Пәкең булмаса тышта тор.

Шунда жыйылған балалар икенче көнне килен белән йегеткә аш китерәләр. Көндөз төче аш, кичен әче аш (эчемлек белән дигән сүз).

Йөреш туйы. Кийәүләү. Дүрт көн әби-бабай кулында, алар тәр-бийәсендә тора кийәү. Туйға қатышқан кешеләр һәрқайсысы туйға қатышқан қодаларны кунақ итә.

Төшү туйы дүрт көннән соң. Карантаста ат белән төшәбез, қыш булса чана жигеп. Йегет йағына төшәбез, төшкән чакта қапка төбенә мамық билиләр (биялиләр), қулжаулықка төреп бауырсақлар қапка төбенә ыргыталар. Халық жыйылған була. Киленне мөндәргә бастыралар, киленнең башына бодай қойалар, амызына бал қаптыралар. Төшкәнче төче аш әзерләп торалар, төшкәч кичкә әче аш. Қызға сәлфиткә әзерлиләр зурны үзләре тегеп, ашйаулық әзерлиләр, сүс әрлиләр. Алардан бездән алтышар пар шимбә көнне қунакка йөрлиләр.

Сүс әрләү – коноплядан басасын алалар, аны суға салалар, суға салғач талқышта талқылар, киптереп, шуннан сүс барлыққа килә, аны киредән салып тибәләр, йомшарсын өчен, талқышлар бөтенләй бетсен өчен, шуннан тәрәшиләр, шуннан чығырда әрлиләр, сүс була – жеп. Киндернең чәчкәлесен жыеп суға салалар, өч атна бие суда торғач. Шул сүс була, ул йомшақ була. Ә көз көнне калған орлықлысын жыеп, орлығын чүплиләр дә, калғанын тағын суға салалар, аны дүрт атна суда тотып, ул вақытта бозлар тоташа иде, бозларны ватып алалар да, тағын шулай киптерәләр, талқылар, әрлиләр. Шуларның икесен бергә қатып бәйлиләр, сәлфиткәгә йомшағын бәйлиләр.

Кич утырырға жыйылабыз, кәнсер калаена керәсин салып утыра идек, танаулар қараеп бетә, қызлар қул әше алып килә. Шуннан йегетләр килә, алар килгәч уйныйбыз: круглы, тыққан салышлы уйныйбыз, жырлыйық, биийек.

Мин ал идем, мин гөл идем,
Мин болай түгел идем.
Жәйен жыләк-чәчәк идем
Қышын қышлау гөл (қына гөл) идем.

Йәш вақтымда күкрәгемә
Чәчкәләр қадамадым
Чөнки йәшлек үзе чәчәк,
Кирәкле санамадым.

Төртмә йырлар:
Алма турыйм, алма турыйм,
Алманың түгәрәген,
Ниләр уйлап утыра икән
Мәхәппәт күбәләгем.

Минем дустым бар иде
Әх үземә пар иде,

Кемне күрсә – шуңа алдана,
Ну бер начар йар иде.
Дәүләкән, дәүләкән,
Сөйгәнең сәләм әйткән.

Пыйала ишек икән,
Медаль таққансың дип торам,
Костюмың тишег икән.

Ат чабыш, көрәш, катықтан ақча эзләү, көйәнтә белән йарышу була торған сабантуйда.

Бақчада помидор, суған. Бақча тулы жимеш, быйыл әле чәчәк атмады. Урманда жиләк, балан, миләш, шомырт, гөлийемеш, қамырлық, бөрлегән, кура жиләге. Қақ койа идек. Ачлық йылында қычыртқан, балтырған, чөгендер йафрагы ашый идек. Ат қузғалағыннан төчекәй пешереп ашый идек – қазанда парлыйлар, изеп әвәләп қуйалар да, тышқа чығарып киптерәләр. Қышын қалған өшегән бәреңге. Яз көнне кипкән бәреңге жыеп, қоймақ пешерә идек. Күрше авылда 1943 елда суғыш вақытында тары жыелмыча қалған, йаз көнне шунда башақ жыйу иде. Бу тары қардан бик тиз ағу алған икән. Шунда шул тарыны ашап қырық сигез кеше үлде қара әспедән.

Хужаң бар – өйдә малай белән қиленең бар дигән сүз.

Записано в 2014 г.

от Кутлузамановой Магъсұмы Саматовны, 1931 года рождения,

Гумеровой Фатимы Мингалиевны, 1928 года рождения,

д. Дусметьево Пономаревского района Оренбургской области

Әтәй суғышта, Донбаста үлгән. Инәй пенсийәгә соң чықты. Бәләкәй түтәй Марфуға исемне, 6 йәшендә үлде. Зур апабыз Зифа гел урын эшләре алды. Икесе бер көнне, үлеп китте, туғанқайларым. Қара әспе авыруыннан, танаудан қан аға, тамақтан аш үтми, тамақларына қара әпсе чыға да, бишь тиеннек ақча хәтлек. Өч көндә үләләр, шундый әшәке авыру. Сүләсәм ай буйы сүләрмен.

Без уйнарға аптырап тормадық, балчықтан йасыйбыз да, қыш көнне сыйыр буғыннан түгәрәк шуғалак – аны боз күте дип йөретә торған идек. Су белән қатырабыз да күпердән Дим өстенә төшәбез. Йаз көне атлар узәне қоела бит, шунардан тупны әшәлибез дә шуның белән туплы уйныйбыз. Шуннан жәйгә чықсақ титақлы уйныйбыз. Урта чарта уйнадық – ботны айырып алға сикрәбез, кем беренче шул йахшы, кем азақы шул алама.

Читән сарайда ашый идек, салам белән йабылған, анда тавықлар да йөри иде.

Туй бер тавықны суйалар да, күкәй белән тутыралар да, арбаға төйәлеп утырып киттек теге авылға. Анда зур итеп туйлар йасадылар. Туғаннар чақырып.

Өйне үзем салдым.. Алты почмақлы өй. Қарағайдан эшлэттек. Өтәй армийәгә киткәндә землянкада торып қалдык. Землянка дигәне – саманнан салынқан бәләкәй кухнә, идәне жир, патылык (түшәм) балчык белән сыланған, тышы сыланған, өстеннән көл белән йабылған. Алты бала белән бернәрсәсез қалдык. Йазы йағына бу йемерелеп төште. Гел авырлық үземдә, кийәүгә чықтым да, алты айдан қайтып килдем. Эчкече, эшләмәде. Инәй күпкә үрәтте.

Балам туқ булып үсте, ни таптым аңа тықтым. Өйләнмәде инде шул. Шушы ишегалдында (йорт) туып үсте.

Инәйнең тәймәсе инде бу, теге көнне мунчадан соң такқан идем. Ақчадан йасалған – сырға бар иде инәйдә, бишь тиенлек тәңкәләрдән тишәп бөгелгән, чүпрәккә жип белән тезелгән, тәймә кебек артқа бәйләнә. Чигелгән қамзул, астыннан күкрәкчә кийә иде, ул бәйләнми, асылынып қына күкрәкне қаплап тора, аннан эчке күлмәк кийә, шунанар соң мәскәүле күлмәк. Әле де инәйнең ике мәскәүле күлмәген саклайым әле сандық төбендә, суққан ашаулығын, суғылған битйәулығын тотам. Артларына чүпрәкне бөгеп ике почмакка алтышар тәңкә тегеп, чәчәләренә тағып чылтыр-чылтыр итеп бәрелеп йөрер иде чулпы. Инәйнең зур қамзулы бар иде, алды чигелгән.

Қолакка да шундый, тәймәдән, тәңкәдән йасалған әйберләр кийәләр иде. Йантар тәймә, хәзер алар түгел, янтар элек балық сөйәге кебек қырлй-қырлй була иде дә, йалт-йалт итә иде.

Қәрәндешләр, туған-тумача: зур түтәй – инәйнең зур апасы, аннан олырағын, иң олысы – зур инәй, инәйнең бәләкәй апасын – мулла тутай. Зур йезнәй – әнинең иң зур абыйсы.

Элек өмәләр шәп иде, сызғанып бара идек. Саман суғу өмәсе. Мамық өмәсе. Қаз өмәсе – көйәнтәгә бшар қаз элөп, Димгә чайқарға төшәбез. Мамық өмәсендә, кем шапылдата, кем эрли, кем қата. Шәлне нық бәйләдек. Мин өмә эшләмәдем, үзем эшләдем. Танышлар ала торған иде. Күкшә икән күкшәгә эрлим, қарарақ булса, қараға эрлим. Бийәләйләр дә бәйлим, хәзер бит қунычы қысқа йасыйлар шул.

Кийез өмәләре. Басабыз, инәй оста иде. 6 қадақлы палас йасый идек.

Туйға инәй бауырсақ, жәймә, күмәч пешерә иде барсына да, оста иде.

Сөзге бэйли иде киндер жептэн, балык тота торған урысларға, бер капчық бэрэнгегә. Чүмеч – ағач саплап сетка куйалар.

Сипаратр казанында мәтрүшкә чэй қайнатып эчә идек, мәк ашый идек, алама кухняда. Ирен чабырды, одеколон белән үртэгән (сөрткән) идем чабыртты да китте.

Кич утырыға жыйылабыз, йәш кенә қызлар, кул эше алып барабыз, чилтәр бэйләү бар иде, бөтен авылға дийәрлек бэйләп беттем. Матча йаулығы чилтәрдән бэйләдем Мәдинә түтәйгә. Йегетләр килсә тычқан салышлы уйный идек. Тычқан кемдә йөгрөп чық, қырындағын үбеп чық. Зрә күнелле иде бит. Аяқта чабата, озын жән ойык. Зиләләй суға идек, кулдан тотынышып, бер пар бәрәп чығара. Салават күперен бүләшү уйный идек

Клубта танцы итә идек, зиләләй уйный торған идек. Нәмүй кина қарый идек. Бәләкәйрәк чақта олылар арасында бийейек, бөтереләп йөри идек, чабатаны кичтән сулап, тундыра идек, йахшы шусын дип.

Кич утыра идек, урын аш йасыйбыз, кемдә нәрсә бар, пил’минме анда, нәрсә булса да пешерә идек. Қарға ботқасы пешерә идек, қарғалар килгән вақытта, март айында, матур бураннар вақытында, берәр аулақ өйгә барып, синдә нәрсә бар, миндә нәрсә бар, жыйып пешерә идек. Йалғыз әбиләргә кич утырырға бара идек, печән алып бара идек, әбинең печенә йағырға.

Лапақай ғына хатын килә, аны өшкерүчегә алып бардым. Барсын да алып бара идем. Жиңгәй дә бозылды, сихерләделәр, өшкерүче әбигә йөрәтә идем, терелде.

Йаңғыр теләү, элек балачақта урам буылап.

Йаңғыр йау, йаңғыр йау,
Көрпә бир, бодай бир.
Барыбызға тигез бер.

Әле дә йаңғыр телиләр, хәйер жыйып сарық алып, қорбан қыларлар.

Күк қапуғы ачылу булған элек, ураза айында ачылған, ул иң бәхетле кешегә генә ачылған Безнем авылдағы Мәслимә исемле хатын, қыз вақытында күргән аны. Фермаға барышлый күргән. Минутқа ғына йалт итеп қала икән, шунда

И Аллам, И Аллам,
Дон’йаның ике рәхәтен бир,
Ике дон’йаның рәхәтен бир –

дип әйтеп қала алсаң, бәхетле буласың. Гумер бәхетле булып үсте ул бала.

Айәтел көрси шайтан шауғыннан (қотыртуыннан) сақлыи дип әйтә торған иде инәй.

*Записано в 2014 г. от Хайбулиной Закии Файзуловны,
1934 года рождения, д. Дусметьево
Пономаревского района Оренбургской области*

Краснойар дигән авыл бар иде, бер километр ерак 20 өйлек. Су йарлары қызыл төстә булған, шуна авылға исем кушқан булғаннар. Анда 3 класс укыдым да, шуннан авыл бетте. Сарманайға дүрткә күчтем. Бертуғаннарым, ике түтәй, ике абыйым бар иде, мин әнинен иң бәләкәй қызы идем, аларға апач идем. Төпчек идем. Иң олы бала – баш бала.

Бәләкәй чақта чүрәкә, лапталы уйный идек. Чүрәкәне йасый идек, түгәрәк сыза сыза идек тә, уртаға бер тайак бәләкәй генә, кереп башына суғасың да, әллә қайа хәтле оча иде, у-у-у-у дип берсе урап шул чүрәкәне алып килә инде. Қорамалардан курчақлар йасый идек.

Йаучы йебәрәләр иде, сөйләшәләр әти әниләр белән, вәғәз (вәғдә) бирәләр. Мәһәр китерү. Йегет йағы мәһәр китерәләр, 2 мөндәр, йурған, киленгә күлмәк, йаулық, резинкә (итек). Икенчегә аш пешереп, йаучы қырына бер ике туған чақырып, битйаулық бирәләр йаучыға, йаучы аны муйынына әлеп, «қызны алдық» дип қайтып китә. Кич мәһәрне қотлап ақча сала торғаннар ийе.

Қодалашып йөриләр, ике йақтан бер-берсен қунаққа чақырып йөриләр. Туй беренче қыз йағында була, никәхне укыталар. Иртән қартларны жыйып укыталар. Никах вақытында читтә, икенче жирдә кийәу белән торабыз, берәр туған килеп безнең ризалықны сорап, муллаға әйтәләр. Туйдан соң, кийәу белән киленне бер атна кийәүне тәрбиялиләр, кийәу кичтән килә дә, иртән мунча кереп, чәй эчеп қайтып китә. Минем әниләр инде мунча йағып көн саен, тәмне итеп аш пешереп. Кийәу йақларынан қодаларны да берәм-берәм мунчаға чақыралар, алар мунчаға ақча салып китәләр, һәрбер кергән кеше, өч тәңкә ме, бер тәңкә ме.

Йорт күрү. Бер атнадан киленне, туғаннары белән йорт күрергә алып киләләр, қодалар өстәл әзерләп торалар. Күрешкәч бермә, бермә әйберләр бирәләр, күлмәкме, нәрсәме. Өй түренә чиккән битйаулық әлеп қуйасың. Тукмач кисеп пешерә килен булып төшкән кеше.

Аш китерү. Ике йақ та, қайсы йақта туй, шул үзенең яғына аш китерәләр: қаз йәки үрдәк, сарык билдәмәсе, ике күмәч, 20 шәр жәймә,

шунуң өстенә күлмәклекме, ситцымы йабасын. Хужа ашын ашап беткәч, китергән ашны турап, һәрберсенә таратып ашыйлар иде, унлап, жегермеләп була торған иде аш. Жәймәләрен, ниләрен кисеп тарата-сын инде күчтәнәчкә.

Бирнә биру. Қыз туйында йегет йағына бирәләр: иң йақыннарына, вақ бийәләйләр, икесенә дә күлмәк, наски, бийәләй, перчаткалар.

Йегет йағына килен булып төшү, ананнар сың 15 кеннәнме йегет йағында туй була. Килен төшү. Башта жыйылалар ирләр, илгә кадәр, шунанар соң хатыннарны, әбиләрне жыйалар, шуннан соң, өченчегә, айкачыларны жыйалар йәшрәк туғаннар, кич белән мәжелес була инде. Килен төшү. Килен булып төшкәндә қапка төбөндә икешәр пар бийәләй, битйаулықлар, перчаткалар ыргыта идек. Кийәү йағы гармонист алып килә, аңа да мамықтан пирчатка бирә идек. Килен төшкәч чаршау эләсең, ике мендәр, одейал, чигелгән битйаулықлар алып киләсең. Фәрдәләр, чилтәрләр алып киләсең сандыққа салып. Чанадан төшкәч тә мендәргә бастыралар, бал қаптыралар, май қаптыралар. Килен көн буйы самавар қайната.

Кийәү қунғач, икенче көнне минем иптәшләрем кийәү қоймағы китерәләр: қоймақмы, вақбәләшме, нәрсә бар. Кийәү инде аларның табаларына сабынмы, одеколонмы, чәч тарағымы салырға тиеш һәрқайсына.

Бәби туғач, һәркем ике йақ, бәби ашы китерәләр иде, өстенә бәбигә берәр чүпрәк салып китерәләр. Бишекне бәбәй туғанчы йәшереп йасап қуйған иде. Минем инәй беренче күрергә килгәндә, бәләкәй мендәр йә йурған, искеләр алып килеп бишеkkә саладыр иде.

Жирләү ашында ит өеп-өеп утырталар, туқмачлы аш, шуннан чәй, чәй тәмнеләре қуйалар. Өчен, жидесе, қырығы, илле ике көнен, йылын уздыралар. 52 көндә, итнең сөйәктән айырыла диләр. Зират қазырға ирләр китә, қазығач, зират эзер дип, қайта бер ир. Шуннан мәйетне йуалар, ирләрне ирләр, хатынны хатыннар йуа. Йуып, кәфеннәгәч, кәфен өстенә кийез урийлар. Мәйетне ишектән чығарғанда арт белән торырға кушалар. Өч ир кеше зиратқа төшерә.

Күз тийүдән Димдән таң атмас борын алған таң сулары белән йуындыралар иде.

Бақа йафрағы (мать и мачеха) тын қысканнарға, бөрелмәгән қарлыған яфрақлары. Қамыр жимеше – қып-қызыл булып пешә төче була иде, чәчкәсе миләшнеке кебек жыйа идек. Көпшә балтырған ашый идек. Ат қолағы (кузгалагы), сийәрби (какы), қымызлық, қузгалақ чистартып ашый идек, кәжә парнасы (кәжә сакалы) иренгә тидерсән күпреп чыға, тәмнекәй – зәңгәр чәчкә ата, сабағы туры, йафрағы әз

генә була, әрчеп ашый идек, тау кыйары – тау битендә үсә торған үлән, мәтрүшкә, эзвиробой қайнатып эчәбез, ну баш амырта, андыз, кечерткән пешереп ашарға қушалар, ақ алабутаны үрдәк ашый, қаз чәйен қазлар йарата, йомшақ үләнне. Чәй – ақ үлән, вақ ақ чәчәкле. Шқулда уқығанда бидрә-бидрә шомырт, қарлыған, қара бөрлегән жыйа идек.

Ирем мачагонный белән амырды, үзем дә аяқсыз – тезләрем сызлый, шайтан ашығы, чәлтер, сыйрак. Чәче бөгәр артына житкән диләр бездә.

Бийем әни дибез бианаға, йанағай – иремнең сеңлесе, қайын сеңлесе – ирнең қыз сеңлесе, апай – ирнең апасы, балдыз – киленнең сеңлесе, зүр әти – биатайның абзыйсы, зур бабай – биемнең бер туған абыйсы, аның хатыны жеңгәй. Килендәшнең балалары миңа зүрнәй диләр. Зүрнәй – кече килендәшнең балаларына. Килендешләр бер-берсенә жеңгәй дип дәшәләр иде.

*Записано в 2014 г. от Рашитовой Махинура Габдрахмановны,
1937 года рождения, д. Сарманаево
Шарлыкского района Оренбургской области.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Вопросы формирования и изучения татарских говоров Оренбургской области	
1.1. Из истории заселения Оренбуржья татарами	9
1.2. Изучение и классификация татарских говоров Оренбуржья	16
Глава 2. Лексика татарских говоров Оренбуржья, обозначающая человека, части его тела, его психологические и другие свойства	
1.1. Соматизмы в татарских говорах Оренбуржья	21
1.2. Лексика, связанная с характеристикой человека	37
Глава 3. Живая и неживая природа	
3.1. Лексика, связанная с явлениями природы	50
3.2. Слова, связанные с растительным миром	56
3.3. Зоонимическая лексика татарских говоров Оренбуржья	61
Глава 4. Материальная культура татар Оренбуржья в названиях	
4.1. Хозяйственная лексика	74
4.2. Названия одежды, обуви и головных уборов	87
4.3. Названия пищи	107
Глава 5. Лексика, связанная с духовной культурой	
5.1. Термины родства и родственных отношений	117
5.2. Обрядовая лексика	127
Послесловие	142
Список сокращений и условных обозначений	147
Литература	150
Приложение № 1. Список информантов	167
Приложение № 2. Таблица этапов свадебного обряда	169
Приложение № 3. Образцы текстов	175

Научное издание

Хусаинова Алина Зямиловна

ТАТАРСКИЕ ГОВОРЫ ОРЕНБУРЖЬЯ

Лексико-семантический аспект

Редактор *А.А. Мартьянова*
Компьютерная верстка *Н.Т. Абдуллиной*
Дизайн обложки *А.В. Булатова*

Подписано в печать: 16.11.2017.

Печать офсетная. Гарнитура «Times».

Формат: 60×84 1/16.

Усл.-печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 200 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

ООО «ТКС Контакт»
420021, Казань, ул. Г. Тукая, 91